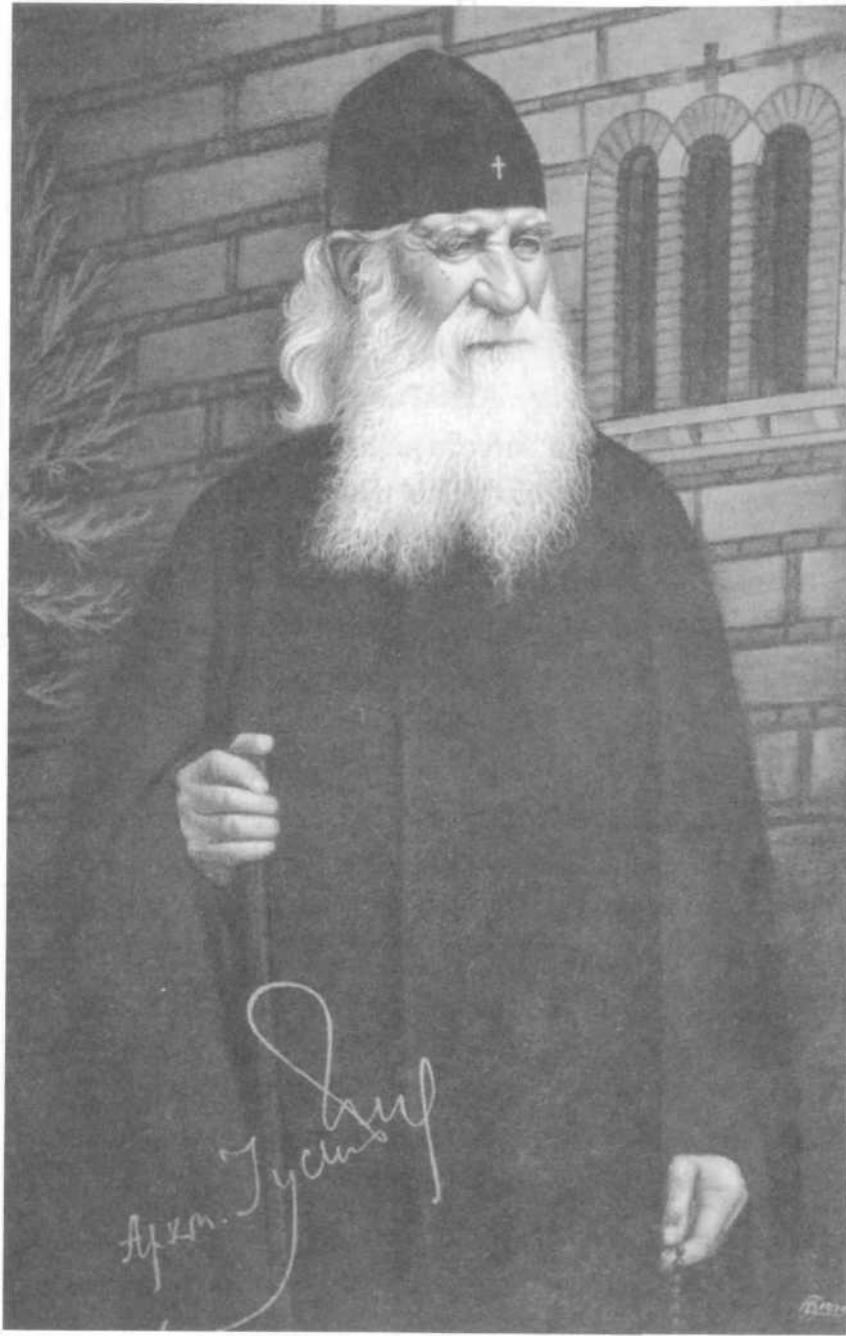

*Ф*илософия
и религия
Ф.М. Достоевского

Преподобный
Иустин
(Попович)

Посвящается неустрашимому
Исповеднику Православия,
Христоустремленному великомученику,
Его Святейшеству Тихону,
Патриарху Московскому и всея Руси

Alex. Zuckoff

Преподобный Иустин (Попович)

Философия и религия Ф.М. Достоевского

*Перевод
доктора филологических наук,
профессора И.А.Чароты*

Минск
«Издатель А.В. Харченко»
2007

УДК 130.1+27-29
ББК 86.2
И 94

*По благословению
Высокопреосвященнейшего Амфилохия,
Митрополита Черногорско-Тримофского*

Сербская Православная Церковь

Иустин (Попович), преподобный.

И 94 **Философия и религия Ф.М. Достоевского.** — Мн.:
Издатель Д.В. Харченко, 2007. — 312 с.

ISBN 978-985-90125-1-8

УДК 130.1+27-29

ББК 86.2

ISBN 978-985-90125-1-8

© Чарота И.А., 2007. Перевод с сербского
© Харченко Д.В., 2007. Макет, оформление

Содержание

Введение	6
Часть первая. Дьяволодицея	21
Глава I. Борьба за личность	23
Глава II. Бунт	39
а) Неприятие мира	39
б) Неприятие Христа	59
Глава III. Творцы человеко-бога	71
Глава IV. Тайна атеистической философии и анархической этики	93
Глава V. Достоевский — легион	112
Часть вторая. Православная теодицея	127
Глава I. Единственное утешение человечества	129
Глава II. Над тайной пшеничного зерна ..	153
Глава III. Философия любви	184
Глава IV. Наивысший синтез жизни	212
Глава V. Тайна Европы и России	249
Заключение	302

Введение

Достоевский не всегда был современным, но всегда — со-вечным. Он со-вечен, когда размышляет о человеке, когда бьется над проблемой человека, ибо страстно бросается в неизмеримые глубины его и настойчиво ищет все то, что бессмертно и вечно в нем; он со-вечен, когда решает проблему зла и добра, ибо не удовлетворяется решением поверхностным, покровным, а ищет решение сущностное, объясняющее вечную, метафизическую сущность проблемы; он со-вечен, когда мудрствует о твари, о всякой твари, ибо спускается к корням, которыми тварь невидимо укореняется в глубинах вечности; он со-вечен, когда исступленно бьется над проблемой страдания, когда беспокойной душой проходит по всей истории и переживает ее трагизм, ибо останавливается не на зыбком человеческом решении проблем, а на вечном, божественном, абсолютном; он со-вечен, когда по-мученически исследует смысл истории, когда продирается сквозь бессмысленный хаос ее, ибо отвергает любой временный, преходящий смысл истории, а принимает бессмертный, вечный, богочеловеческий. Для него Богочеловек — смысл и цель истории; но не всечеловек, составленный из отходо-в всех религий, а всечеловек = Богочеловек.

Окончательное решение любой проблемы не может не зависеть от конечной, абсолютной цели и смысла истории. Любая, даже наименьшая, проблема своим жизненным, внутренним нервом заходит в вечные проблемы, вплетается в них, ибо всякая тварь и всякое существо тайной своей сущности отражаются в бесконечности, в вечности. Вся вселенная облечена в тайну — вся вселенная и всякая тварь. Это мучительно чувствует Достоевский и тысячеокой душою своею неусыпно бдит над тайной мира, следит и непрестанно твердит: все есть тайна, все есть загадка, и все тайны находятся в органической связи между собой. Все загадки и все тайны составляют один неделимый организм, сердце которого — Бог. *In ultima linea* все тайны, все проблемы, — считает Достоевский, — сводятся к двум основным «вечным проблемам»: проблеме существования Бога и проблеме бессмертия души. Они имеют в себе невероятно много центростремительной силы, с помощью которой притягивают к себе все остальные проблемы, подчиняют их себе и обуславливают их решение. От решения вечных проблем зависит решение всех остальных проблем, — учит Достоевский. Решение одной вечной проблемы содержит в себе решение и другой. Они всегда находятся в прямой соотнесенности. Если есть Бог — душа бессмертна; если нет Бога — душа смертна.

Решение этих вечных проблем — главное страдание всех отрицательных и положительных героев Достоевского. Через это они осуществляют подход ко всем остальным проблемам; без этого немислимы они, как немислим и сам Достоевский. «Существование Бога — главный вопрос, — пишет

Достоевский Майкову, — которым я всю жизнь мучился, сознательно и неосознанно».

Герои Достоевского являются воплощением этого главного страдания, этого главного вопроса. Их жизненная забота, их неизбежное занятие — решать главный, вечный вопрос: есть ли Бог, есть ли бессмертие? Без этого они невозможны; без этого они теряют себя. «Я не могу о другом, — признается Кириллов, — я всю жизнь думал об одном. Меня Бог мучил всю жизнь...». Добрый несчастный Митя плачет, рыдает и страстно Алеше исповедуется: «Меня Бог мучит. Одно только это и мучит».

И все остальные мучаются Богом; всех их разъедает это страшное, это вечное мучение. Опосредованно или непосредственно, все они всю жизнь свою сводят к решению проблемы существования Бога и бессмертия души. «Искание Бога», по мнению Достоевского, является целью всех — не только личных, но и народных движений, — целью истории человечества.

Положительное или отрицательное решение вечных проблем предопределяет всю жизнь человека, всю его философию и религию, всю нравственность, весь смысл жизни — таково основное убеждение Достоевского. Отрицательное решение этих проблем, выраженное словами: «Нет Бога, нет бессмертия», составляет сущность всех отрицательных героев Достоевского; а положительное решение: «Есть Бог, есть бессмертие» — составляет сущность его положительных героев. Отрицательное решение вечных проблем неминуемо влечет за собой отрицательные решения всех остальных проблем; обращенное к людям,

к твари, оно проявляется как нигилизм. Нигилизм и есть не что иное, как прикладной атеизм. Из философии атеизма неминуемо вытекает мораль нигилизма. Это Достоевский доказывает способом новым и живо-действенным; своим гениальным психологическим анализом, доказательствами он вынуждает признать, что нигилизм есть неминуемое следствие атеизма. Если нет Бога, если нет бессмертия, то нет и добродетели; в таком случае — все позволено.

Положительное решение вечных проблем психологически обеспечивает решение всех остальных проблем; обращенное к людям, к твари, оно проявляется как любовь. Любовь — это прикладное чувствование Бога и чувствование личного бессмертия. Души положительных героев Достоевского сотканы из таких чувствований; поэтому вся их жизнь представляет прекрасную, Богом вытканную ткань. Сердца их наполнены Богом и бессмертием; и все, что из них исходит, божественно и бессмертно. Если есть Бог, если есть бессмертие, то настоящая любовь — реальная возможность; без этого настоящая любовь — психологически и онтологически невозможная возможность.

Каждое чувство, каждую мысль, каждое движение души Достоевский проводит до крайних пределов, чтобы затем слить их с вечными проблемами. Каждую проблему, которую проводит через мятежный свой дух, Достоевский органически соединяет с вечными проблемами и мучается ими, пока не определит их значимость с точки зрения вечности. Вечность дает смысл времени; конечное решение любой проблемы и определение истинной значимости кого бы то ни было

или чего бы то ни было возможно лишь *sub speciae aeternitatis*, а никак и никогда *sub speciae temporis*.

Вечные проблемы не навязаны человеку, а имманентны человеческому духу. Человек по природе своей насколько физичен, настолько и метафизичен. На самом деле, ничто не является столь метафизическим, как физическое. В переводе на язык Достоевского это бы гласило: нет ничего фантастичнее действительности, реальности. Корни любого физического процесса всегда остаются сокрытыми в метафизической сущности космоса. И сама физика в основе своей метафизична, ибо основывается на гипотезе об «эtare», который «*ungreifbar und unbeweglich, an und für sich überhaupt nicht wahrnehmbar*» (неосязаем и неподвижен и сам по себе вообще незаметен)¹.

В результате многоаспектного и неповторимого психологического анализа человеческой природы Достоевский приходит к заключению, что идея Бога имманентна человеческому сознанию и что самосознание человека по сути своей есть богосознание. Будучи аналитиком разума человеческого более строгим, нежели Кант, и аналитиком воли человеческой более строгим, нежели Шопенгауэр и Ницше, Достоевский обнаруживает, что человек своей психической организацией предопределен постоянно, внутренне, сознательно и неосознанно, мучиться проблемой Бога. В любом случае, для Достоевского и его героев Бог — это страдание, страстная мука и страстное мучение. «Страшно впасть в руки Бога Живого», а человек — уже потому, что он человек — впадает и впасть должен.

¹ Dr. A. Schmidt. Philosophisches Wörterbuch. Leipzig, 1919 (См.: «Ather»).

Несомненно, в человеке есть нечто постоянно стремящееся к Богу — то, что невозможно ни сковать, ни полностью уничтожить. Если бы идея Бога, память о Боге не было субстанциональной частью человеческого самосознания, богоборцы легко могли бы его уничтожить в себе и во всем человечестве. Однако идея Бога — в центре человеческого сознания; в этом страдание человека, в этом и величие. И без окончательного решения проблемы о Боге, без детального определения своего отношения к Богу человек онтологически не способен окончательно решить какую бы то ни было иную проблему.

Многочисленными способами Достоевский пытается решить эти вечные, эти «проклятые вопросы». Он до пожара доводит этими вопросами души своих героев, которые сгорают в них, страшно мучаясь. Бог для них — это не только идея, но и страсть — пожар, страсть горькая или сладкая. Бог может быть анемичной идеей для иссушенных умов, но для героев Достоевского Он — страсть физическая и духовная: они до крови или борются с Богом, или посвящаются Богу. Для них Бог — это не собрание текстов, которые можно прочитать и проштудировать, это Бог Живой, Который должен жить, это страдание, которое необходимо выстрадать, это боль, которую необходимо перетерпеть. Они идею Бога низводят до страсти, острачивают ее, крестят ее в крови; их Бог мучает; они болеют проблемой Бога, и болезнь их передается другим. Это может ощутить всякий читающий Достоевского. Вся личность их повелительно требует безотлагательного решения проклятой проблемы; и они судорожно, иступленно

силятся ее решить — положительно или отрицательно.

Психологический анализ героев Достоевского позволяет нам разделить их на две категории, на две группы. Первую группу составляют отрицательные герои — «антигерои», которые вечную проблему решают отрицательно или склонны к отрицательному решению. Вторую группу составляют положительные герои, которые эту же проблему решают положительно. Первые — морталисты, ибо для них не существует Бог, не существует и бессмертие, ergo — смертен весь человек, без остатка; вторые — имморталисты, ибо для них существует Бог, существует и бессмертие души: бессмертной стороной своего существа человек открыт для вечности и мистически соединен с нею. Первые — богоборцы, вторые — боголюбцы; и одни, и другие создают свою философию, и свои решения отстаивают искренне, мученически, страстно. Философия первых — философия атеизма и религиозного бунта; философия вторых — философия теизма и религиозного смирения. Первые учиняют невиданные и неслыханные бунты, каких история религиозного бунтарства не знала. И в древнем мире бунты были: бунтовали Соломон и Иов, бунтовал Прометей; их бунты продолжили Фауст и Вольтер, Манфред и Шелли, Ницше и Метерлинк. Но все они, вместе взятые, предстают не более чем глухонемыми предшественниками бунтарей Достоевского. Битые кнутом жизненных ужасов, пораженные ядовитым трагизмом мира, антигерои Достоевского учиняют бунты, совершение которых с гордой радостью принял бы на себя верховный дух зла и уничтожения. Да и если бы

сам он преподавал философию атеизма, то не был бы страшнее и бунтарнее их. В атеизме подкован Мефистофель Фауста, когда его ученику дает урок по философии атеизма; но тот же Мефистофель, нисколько не унижая своего достоинства, мог бы смиренно слушать лекции по атеизму у «желторотого» русского студента Ивана Карамазова — в них бы нашел себе наилучшее оправдание, свою «дьяволодицею». Вообще, все старые и новые философии атеизма по сравнению с философией бунта у Достоевского, как нам кажется, это не что иное, как *pleasant Sunday-afternoon literature*. В отрицании Бога все они школьники по сравнению с Достоевским.

В философии антигероев Достоевского мистический ужас жизни нашел свой стиль, свое выражение. У Ницше присутствует риторика, у них же ее нет. Пораженные ужасным страданием, подавленные ужасающей таинственностью жизни и ее законов, они забывают обо всех знаниях, обо всех законах, о всякой осмотрительности и бросаются страстно, мученически в ноги страдающему человечеству, поклоняясь его страданиям. От ужаса они путают все законы и все ценности — переходят все границы, установленные людьми и природой; в них поистине совершается *Umwertung aller Werte*. Они не мирятся со страданием; для них оно — самое большое отрицание Бога. Наша жалкая планета погрязла в страданиях. Так возможно ли оправдание Бога при бессмысленных страданиях? Неужели за столь ужасным миром стоит Бог? И если Он есть, то разве может быть оправдан? Антигерои Достоевского остаются перед фактом: страдание наличествует всюду, причем оно бесцельно, между

человечеством и Богом оно стоит как отвратительное чудовище; антигерои не могут его устранить, не могут его молча обойти и потому не принимают мир, который «почивает в абсурде». Для них этот мир хуже всех возможных миров (разумеется, большой вопрос: возможны ли вообще лучшие миры?); если его принимать, то они могут принять его лишь как космогоническое доказательство существования не Бога, а дьявола; историю же человечества могут принять не как теодицею, а как дьяволодицею. Бессмысленный трагизм мира опровергает Бога и утверждает дьявола, осуждает Первого, защищая второго.

Разве возможен ответ, удовлетворительный ответ, на такой бунт?

Да, возможен, — говорит Достоевский. — Возможен только один-единственный ответ, и ответ этот — «Пресветлый Лик Богочеловека Христа». Бунтари могут разрушить все системы, все принципы, все законы, могут называть учение Христова ложным, осужденным современной наукой и экономическими теориями, однако неразрушимым остается «Пресветлый Лик Богочеловека, Его нравственная недостижимость, Его чудесная и чудотворная красота». Труднее всего бороться не с учением, а с Пресветлой Личностью Самого Христа; и победить Ее абсолютно невозможно. «Галилеянин, Ты победил!» — Достоевский это чувствует, Достоевский это знает и потому, как ответ взбунтовавшимся антигероям, представляет чудесный и чудотворный Лик Христа, Который действует непосредственно или опосредованно, через христоликие личности Зосимы и Алеши, Мышкина и Макара. Они своим чудесным христоликим видом

успокаивают взбунтовавшихся духов, умиротворяют обуреваемые души, успокаивают мятежные устремления. Всей жизнью своей, сущностью своей они убеждают, что Бог есть, бессмертие есть. Их чудесная сила в лицах их, в которых излучаются и сияют христоликие души их. Они Бога не доказывают, а показывают. Они знают, что дискурсивно и диалектически невозможно доказать существование Бога и бессмертие души. Для этого необходимо личное внутреннее убеждение, обретаемое только опытом деятельной любви. От величины этого опыта зависит величина и сила убежденности в существовании Бога и в бессмертии. Чем богаче этим опытом человек, тем богаче он и верой в Бога. Через опыт деятельной любви человек обретает реальное, опытное богопознание и реальное самопознание, т.е. он реально и экспериментально познает, что его душа христолика и бессмертна. Опыт активной любви как метод богопознания и самопознания и является новозаветным, апостольским методом, методом православной философии, методом, который прямо противоположен схоластическому методу механизации животворных истин Христовых и протестантскому методу рационализации надрациональных истин христианских.

Христоликие герои Достоевского хранят наибольшую драгоценность нашей планеты — Лик Христа, Который в нужные моменты являют поколебленным душам в мире этом. Только Его они имеют посредником между собой и всеми людьми и созданиями. Христоликими душами своими притягивают они все, что христолико в душах людских, и находят безгрешное даже в самом большом грешнике. Они принимают мир, но не принимают

грехов мира; они любят грешников, но не любят грехов их. Опосредованный Христом, этот мир — лучший из всех возможных миров; однако люди сделали себя худшими из всех возможных людей. Христоликие герои Достоевского принимают мир из рук Богочеловека Христа, Который таинственно и кротко побеждает грехи мира.

Чудесная и прекрасная Личность Христа — единственное, чему Достоевский поклоняется безоговорочно. Она для него — *единое на потребу*; Она — полнота и реальность всего самого возвышенного; Она — сладость его жизни. Если упоминается Имя Христа в присутствии Достоевского, он весь дрожит. «Стоило мне произнести Имя Христа, — говорит Белинский, — у него (т.е. у Достоевского) лицо тотчас же менялось, как будто он хотел заплакать...» Не смейте хулить Христа в его присутствии, если не желаете, чтобы он взорвался апокалиптическими анафемами и обрушил их на вашу голову. Ревность за Христа сдает его. Достоевский не может без Него. Он всякое свое устремление завершает Им. Горькая тайна мира становится во Христе сладкой и святой. Жестокая тайна страдания, пронесенная через Христа, постепенно переходит в тихую, умильную радость. Достоевский это почувствовал и прочувствовал, и потому так безоговорочно предался Христу. Для него Христос — незаменимая, абсолютная и вечная Истина, Которая выше всех логических, дискурсивных и научных истин да истинок. Его любовь ко Христу доходит до подвижнической влюбленности в Христа. Вот его исповедь: «Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что

другими любим; и в такие-то минуты я сложил символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ веры очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но и с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если бы кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы остаться со Христом, нежели с истиной».

Благодаря такому неустрашимому исповеданию веры во Христа Достоевский становится величайшим исповедником, типичнейшим и оригинальнейшим представителем Православия и православной философии новейшего времени. Мы говорим «православной философии», поскольку она существенно отличается от философий неправославных тем, что для нее последним критерием всех истин и ценностей является Пресветлая Личность Богочеловека Христа, а не Его учение. Ведь нечто сходное с христианством было и до Христа; некоторые христианские нравственные принципы и догматические положения имелись в иудаизме, подобных христианским максим немало и в буддизме, некоторые можно найти также в магометанстве; однако есть нечто, чего у них невозможно найти — невозможно найти *единого на потребу*. Они не имеют самого главного — не имеют Личности Богочеловека Христа. А без Личности Христа все Евангелия, все послания, все догматики, все христианские вероисповедания становятся безжизненными, мертвыми формулами. Личность Христа — единственная живая сила, чудесная и

чудотворная; в Ней Достоевский нашел все и стоит за Нее по-исповеднически, по-великомученически смело и неустрашимо. В Ней, только в Ней, видит он решение не только всех личных, но и всех общественных проблем. Где есть Лик Христов, там для Достоевского истинные прогресс и просвещение, истинные свет и радость. Если же спрашиваете у Достоевского: «Где имеется Лик Христа, где Он хранится?» — Достоевский недвусмысленно отвечает: «В Православии, только в Православии». — «А католицизм, а протестантизм?» — «Увы, — вздыхает Достоевский, — католицизм обезобразил Лик Христа, он обезображенного Христа и проповедует; а протестантизм Его давно утратил».

Христоликие души героев Достоевского ревностно хранят этот прекрасный Лик и своими жизнями создают теодицею, христодицею. Христоликие личности — единственно истинные православные философы; их философия опытна и христоканна; единственно они способны создавать православную теодицею. Через них Достоевский переживает наивысший синтез личности и жизни; в них воплощает он свою Христолюбивую и Христолюбимую душу.

И отрицательные, и положительные герои Достоевского — неустрашимые борцы за личность. Они мученически ищут разгадок предревней загадки личности и ужасной загадки жизни. Они не имеют покоя в телах своих; ужасы жизни бьют по ним. Через них Достоевский проносит свою бурную душу. Беспредельную тайну своей личности он воплощает в них; пожаром вечных проблем сжигает кровь их; через них приходит к своим дьяволице и теодице; через них задает и решает

мучительную загадку жизни. Но, разгадывая загадку его очень сложной личности, многие приходят в соблазн от него. И это не удивительно, ибо от самых больших личностей и приходит в соблазн самое большее число людей. Они — воистину камень преткновения и соблазна для многих. Личность Христа является самым показательным примером этого. Достоевский же, несомненно, — наиболее загадочный «икс» в весьма сложном уравнении славянской жизни. К поиску значения этого необычного «икса» и мы прилагаем свои убогие силы. Для этого смелости нам придает сам Достоевский, ибо он бесконечно милостив, хотя и страшен в величии своем. Ибо если вы печальтесь, он тоже всем сердцем разделяет вашу печаль; если вы в отчаянии, он — ваш друг, ваш брат, близнец и утешитель; если вы атеист — и сам он страдает с вами, мучится вашими муками, защищает атеизм на удивление всем, минирует вас бунтом и безумным отчаянием, чтобы в конце концов оба вы с криком бросились к ногам Иисуса. Если вы преступник, он вас милостиво примет под кров своей многострадальной души, сделает вашу душу своей, переболеет с вами вместе вашей болезнью, изложит вам ошеломляющий психологический диагноз и историю вашей болезни и вылечит вас, ибо он сам болен и привычен к болезням. Если вы мучимы и искушаемы ужасными «проклятыми вопросами», он вас обнимет, как самого родного, ибо он сам тоже был искушаем и потому способен помочь искушаемым. Если вы верующий, он умножит вашу веру до влюбленности во Христа. Если вы оптимист, он поведет вас к еще большему, высшему и наивысшему оптимизму; он вас убедит, что

чудесная Личность Богочеловека Христа — единственный настоящий, единственный вечный, самый высший оптимизм и благовествование.

Достоевский не поддается изучению без мук, без рыданий и слез. Изучать Достоевского — значит мучиться его пожизненной мукой, мучиться вечными проблемами. Многие-премногое при изучении его, потеряв рассудок, в отчаянии задают вопрос: «Доколе, скажи, ты будешь мучить наши души?» — «Пока не решите вечные проблемы», — гласит его ответ.

Мы осмеливаемся войти в исследование тех основных творческих психических законов, по которым созданы отрицательные и положительные герои Достоевского и которыми предопределено, чтобы они создавали немислимую дьяволодицею и непревзойденную православную теодицею.

Кто заражен дешевым оптимизмом бесчисленных современных «осчастлививателей» человечества, пусть не входит в ад «православного Данте», ибо в адских глубинах его дьяволодицеи испарится весь мотыльковый оптимизм и сгорят все планы о преобразовании мира и человека на основе человекоманийных принципов «чистого разума» и «common sense-a».

Часть первая

Дьяволодищея

От человеко-мыши¹
до человеко-бога

Глава I

Борьба за личность

Человека слишком недооценивали и слишком переоценивали. Недооценивали до безнадежности, переоценивали до ужаса. Переоценивали настолько, что боготворили, но и недооценивали настолько, что дьяволотворили. Человеколюбцы доходят до человекообожествления в абсолютизации положительных его качеств; человеконенавистники доходят до человекопоглощения в абсолютизации отрицательных его качеств. «*Homo homini — deus*», но и, увы, «*Homo homini — lupus*».

«Человек есть то, что нужно преодолеть», т.е. поглотить, — такое обращение направил человечеству страстный синтетист, обобщитель западной философии и науки, несчастный Ницше. Однако Ницше оклеветан, коварно оклеветан. Он — не самородная личность, не самородный философ. Проанализируйте его и найдете в нем Канта и Фому Аквинского, Протагора и Дионисия, Шопенгауэра и Дарвина. В нем менее-более представлены все философы и ученые; но его смелостью обусловленное несчастье в том, что он до личности возвел их безличностную и антиличностную

¹ Этот термин напрашивается как результат проведенного Достоевским психологического анализа героев подполья («Записки из подполья»).

философию, что острастил их анемичные теории и крестил их в своей собственной крови. В своей вулканической личности он оживотворил результаты философии и науки — и закончил сумасшествием. Мы только удивляемся его смелости, но также и сожалеем по поводу его наивности. Его полуславянская личность не могла не апробироваться опытом, не переживать кабинетные теории и гипотезы. Он в себе венчал волюнтаризм Шопенгауэра с селекционизмом Дарвина, и от того брака родился сверхчеловек, по-детски наивно поведавший миру страшную тайну своих родителей.

Но не только Ницше преткнулся о человека; и без него человек был много раз фальсифицирован, много раз ложно определен и наивно сформулирован. Много апокрифов возникло вокруг него, много фальсификаций подложено вместо него. А где же его оригинал? Где человек — чистый человек, без всякой примеси чужого, нечеловеческого? В чем сущность человека? Что в человеке является человеческим?

Похоже, некто и нечто постоянно скрывается в нем и использует его как свое тело. Он, человек, всегда во множестве и потому всегда загадочен и интересен. Он — мука для нового времени, как и для старого. Новое время тоже страстно стремится, чтобы человека всесторонне и анатомически проанализировать, испытать, пересмотреть, оценить и проконтролировать, чтобы найти все реальные свойства и потенции, которые он в себе скрывает, чтобы дать верный психологический анализ, а на основе всего этого ответить на вечный вопрос: «Что такое человек? Чем он завершится?»

Во всех своих произведениях Достоевский занимается таким анализом человека; во всех произведениях он неустанно ведет поиск человека в человеке, поиск сущности его. Он старается дать ответ на проблему человека индуктивным психологическим способом, чтобы избежать обманчивых априористических ответов. Он подвергает человека невероятному психологическому анализу, чтобы психологическим способом решить вечную, проклятую проблему смертности или бессмертия души. Если из психологического анализа человека следует вывод, что человек полностью смертен, тогда вечная проблема существования Бога должна решаться отрицательно; если же следует вывод, что человек бессмертен, тогда та же проблема должна решаться положительно. И гениальный аналитик целиком погружается в человека, ищет границы его природы, ищет центр и периферию его личности. В загадочной лаборатории своего огненного духа он раскладывает на составляющие элементы всё, что называется человеком, отделяет человеческое от нечеловеческого, детально разбирает самые запутанные комбинации чувств и мыслей, пристально сопровождает своими, микроскопам подобными, глазами наитончайшие переходы человеческого в нечеловеческое, личного в безличное, и поражающе описывает ужасные противоположности, которые сражаются в сердце человека — горестном поле боя всех тайн и загадок.

Достоевский в центре этого сражения; чудовищные загадки бьют по нему, стрелы ужасных тайн пронзают его сердце, и он, весь израненный, взывает о помощи: «Господа, меня мучат вопросы;

разрешите их мне!»². Он не имеет покоя, так как беспокойный дух его не может успокоиться, пока не найдет сути бытия человека, пока не найдет тех оснований человеческой личности, на которых человек, если мудро создается, то может выдержать ураганы всех тайн и противоречий. Он ужасно обеспокоен и с болью спрашивает: «Ну, а как я, например, себя успокою? Где у меня первоначальные причины, на которые я упрусь, где основания? Откуда я их возьму?»³.

Кто может ответить на эти вопросы — ответить Достоевскому, успокоить Достоевского? Неглубокие люди могут удовлетвориться легким, поверхностным ответом. Но Достоевский по-мученически знает, что основания человеческой личности не в вещах вокруг человека, а в самом человеке; он глубоко чувствует, что сущность, *prima causa*, человеческого существа завалена массой грязных эмпирических наносов. Поэтому дух Достоевского удаляется из вещей, а собирается и концентрируется на человеке. Он уводит своего героя в подполье, чтобы тот был свободен от вещей при поиске сущности человеческой, аскетически уединяет его, чтобы, независимо от вещей и общества, проявилась *prima causa* человеческой личности. И подпольный герой выполняет свою обязанность необычайно смело — упражняется в мышлении, напрягает все свои мыслительные способности, ищет сущность своей личности в мысли,

² Записки из подполья. С.-Петербург, 1894. Издание А.Ф. Маркса. С. 95. (Далее все ссылки на издание: Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского. С.-Петербург. Издание А.Ф. Маркса. 1894. — Примеч. автора.)

³ Там же. С. 83.

в сознании, и, увы, приходит к болезненному заключению, что «всякая первоначальная причина тотчас же тащит за собою другую, еще первоначальнее, и так далее — в бесконечность»⁴. Такова сущность его сознания, но, что всего хуже, «такова именно сущность всякого сознания и мышления»⁵. Тайниственная сущность мысли и сознания исчезает в бесконечности; на самом деле, и все тайны исчезают в бесконечности, ибо мы исследуем их мыслью и сознанием, тайна которых отдалается для нас в бесконечность. «...Все — суета и томление духа»⁶, ибо дух сам для себя представляет наибольшее томление. Существует некое онтогенетическое родство между сознанием и страданием. Подпольный герой исследует происхождение сознания и уясняет, что страдание — «единственная причина сознания» и что сознание «есть величайшее для человека несчастье»⁷. Более того, он устанавливает для себя: «...Я крепко убежден, что... всякое сознание — болезнь»⁸.

Вы не верите, вы сомневаетесь в этом? Подпольный герой вам в отчаянии клянется: «Клянусь вам, господа, что слишком сознавать — это болезнь, настоящая, полная болезнь»⁹. Человек «усиленно сознающий» вполне естественно сам себя «считает за мышь, а не за человека»¹⁰. Он считает себя мышью, «пусть это... и усиленно сознающая

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Еккл. 1: 14.

⁷ Записки из подполья. С. 98.

⁸ Там же. С. 74—75.

⁹ Там же. С. 74.

¹⁰ Там же. С. 77.

мышь»¹¹. «И, главное, он сам, сам ведь считает себя за мышь»¹². В сути своей сознание имеет нечто ужасное, нечто поражающее, нечто проклятое. «Вследствие... проклятых законов сознания»¹³ человек есть «сознающая мышь»¹⁴, он — человеко-мышь. Сознать — это «первоначальная гадость»¹⁵, но несчастная человеко-мышь не остановилась перед этой гадостью, а успела уже «нагородить кругом себя, в виде вопросов и сомнений, столько других гадостей, к одному вопросу подвела столько неразрешенных вопросов, что поневоле кругом ее набирается какая-то роковая бурда, какая-то вонючая грязь, состоящая из ее сомнений, волнений и, наконец, из плевков...»¹⁶. Несчастной человеко-мышь не остается ничего иного, кроме как «с улыбкой напускного презренья... проскользнуть в свою щелочку»¹⁷. И «там, в своем мерзком, вонючем подполье, наша обиженная, прибитая и осмеянная мышь немедленно погружается в холодную, ядовитую и, главное, вековечную злость»¹⁸.

Prima causa не найдена; в своей эмпирической данности сознание — это отрицание всех первоначальных причин. Человеко-мышь не остается ничего иного, кроме как с отчаянием удвоить свои усилия, чтобы пробиться вовне сознания, чтобы проникнуть в праосновные части человеческого существа, чтобы там искать сущность свою, первую

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 84.

¹⁴ Там же. С. 77.

¹⁵ Там же. С. 78.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 78.

¹⁸ Там же.

причину свою, без которой она — как дом без фундамента. Ей необходимо обязательно отыскать нечто, что стало бы проявлением всей ее жизни, стилем ее личности. И человеко-мышь цепляется, как полип, за рассудок. Безудержно его анализирует, измеряет его объем, оценивает его деятельность; сорок лет исследует его первопричину и, разочаровавшись, выносит ему приговор: «...рассудок, господа, есть вещь хорошая, это бесспорно, но рассудок есть только рассудок и удовлетворяет только рассудочной способности человека»¹⁹. По отношению ко всей личности человека рассудочная способность обладает «какой-нибудь одной двадцатой долей» всей способности жить²⁰. Ибо: «Что знает рассудок? Рассудок знает только то, что успел узнать (иного, пожалуй, и никогда не узнает: это хоть и не утешение, но отчего же этого и не высказать?), а натура человеческая действует вся целиком, всем, что в ней есть, сознательно и бессознательно, и хоть врет, да живет»²¹. Значит, рассудок как двадцатая доля человеческой природы, как незначительный фрагмент, не имеет права занимать основного места в ней; он — не *prima causa*, не сущность человека, не основание его личности. Человеко-мышь в своем подполье создала свой грубый и язвительный бергсонизм, являясь непривлекательной, однако настоящей предшественницей привлекательного и легкого французско-европейского бергсонизма.

Между тем мученическая одиссея человеко-мышь в конце концов завершается успешно. Она

¹⁹ Там же. С. 92.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

находит первоначальную причину своего существа. Это нечто сколь надрассудочное и надсознательное, столь и подрассудочное и подсознательное. Это — свободная воля, неограниченное и самостоятельное хотенье²². «Свое собственное, вольное и свободное хотенье, свой собственный, хотя бы самый дикий, каприз, своя фантазия, раздраженная иногда хоть бы даже до сумасшествия, — вот это все и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни под какую классификацию не подходит и от которой все системы и теории постоянно разлетаются к черту»²³. «Человеку надо — одного только самостоятельного хотенья, чего бы эта самостоятельность ни стоила и к чему бы ни привела»²⁴. «...Хотенье есть проявление всей жизни, то есть всей человеческой жизни, и с рассудком, и со всеми почесываниями. И хоть жизнь наша, в этом проявлении, выходит зачастую дрянцо, но все-таки жизнь, а не одно только извлечение квадратного корня»²⁵. «Ведь я, например, — продолжает человек-мышь, — совершенно естественно хочу жить для того, чтоб удовлетворить всей своей способности жить, а не для того, чтоб удовлетворить одной только моей рассудочной способности, то есть какой-нибудь одной двадцатой доли всей моей способности жить»²⁶. В хотении участвует весь человек без остатка. Свободная воля, неограниченное хотенье «сохраняет нам самое главное и самое дорогое, то есть нашу личность и нашу индивидуальность»²⁷.

²² См.: Там же. С. 90.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 92.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 93.

Человеко-мышь нашла свою многожеланную сущность. Воля для нее равнозначна жизни. В ней когезивная, сконцентрированная, сила личности, в ней критерий, в ней *prima causa*. Человек — это воля, и вне воли нет человека. Но человек окружен безвольным миром, миром, не знающим ни о каком хотении, имеющим свои неумолимые, людоедские законы. Человек безвыходно пойман в сеть законов природы, как мышь в мышеловку. Вот что чувствует и знает отчаявшаяся несчастная человеко-мышь.

«Природа вас не спрашивается; ей дела нет до ваших желаний и до того, нравятся ль вам ее законы или не нравятся. Вы обязаны принимать ее так, как она есть, а следственно, и все ее результаты»²⁸. Природа и ее законы не позволяют полностью проявиться человеческой воле и, *eo ipso*, человеческой личности. Человеко-мышь скрежетом зубов протестует против законов природы. Они растрavляют ее до безумного ужаса и болезненности. «...Законы природы постоянно и более всего всю жизнь меня обижали»²⁹, — признается человеко-мышь и добавляет: — «...законов природы нельзя прощать»³⁰. Она бунтует и с негодованием ищет слово, которое бы исчерпывающе выразило ее отношение к законам природы. И в конце концов находит — вот оно: «Наплевать!» Наплевать на все законы природы³¹. Они составляют непробиваемую и неустранимую стену, роковую «последнюю стену»³². Человеко-мышь

²⁸ Там же. С. 80. Ср.: Там же. С. 92.

²⁹ Там же. С. 82.

³⁰ Там же. С. 76.

³¹ Там же. С. 81.

³² Там же. С. 75.

не имеет выхода³³ и своим весьма развитым сознанием отчаяннейше бросается в атаки на эту последнюю стену, да атаки неизменно заканчиваются поражением. «Стена, значит, и есть стена...»³⁴ — признает измученная человеко-мышь. Но вопиет: «Господи Боже, да какое мне дело до законов природы и арифметики, когда мне почему-нибудь эти законы и дважды два четыре не нравятся? Разумеется, я не пробью такой стены лбом, если и в самом деле сил не будет пробить, но я не примирюсь с ней потому только, что у меня каменная стена и у меня сил не хватило»³⁵. Какое-то ужасное метафизическое чудовище скалится на несчастную человеко-мышь с этой последней стены, как позднее скалилось на не менее несчастного Ницше, который своим страстным умом безустанно атаковал «letzte Wände»³⁶. Непробиваемость стены для человеческого сознания столь унижительна и бесцельность человеческого страдания столь болезненна, что человеко-мышь не остается ничего иного, как презрительно плевать на всю систему законов природы³⁷ и вопить: «О, нелепость нелепостей! То ли дело все понимать, все сознавать, все возможности и каменные стены; не примиряться ни с одной из этих невозможностей и каменных стен, если вам мерзит примиряться; дойти путем самых неизбежных логических комбинаций до самых отвратительных заключений на вечную тему о том, что даже и в каменной стене

³³ См.: Там же.

³⁴ Там же. С. 80.

³⁵ Там же.

³⁶ Nietzsche F.W. Also Sprach Zarathustra. Von den Hinterwelten, Erster Theil.

³⁷ См.: Записки из подполья. С. 81.

как будто чем-то сам виноват, хотя опять-таки до ясности очевидно, что вовсе не виноват, и вследствие этого, молча и бессильно скрежеща зубами, сладострастно замереть в инерции, мечтая о том, что даже и злиться выходит тебе не на кого; что предмета не находится, а может быть, и никогда не найдется, что тут подмена, подтасовка, шулерство, что тут просто бурда, — неизвестно что и неизвестно кто, но, несмотря на все эти неизвестности и подтасовки, у вас все-таки болит, и чем больше вам неизвестно, тем больше болит!»³⁸.

Жестокая тайна мира до безумия мучает человеко-мышь; и та вне себя из-за этого — она готова злость объявить сутью существования своего³⁹, она не может не страдать, ибо страдание имманентно ее сознанию. Наибольший ужас для нее в том, что ее отношение к себе самой и ко всему миру повелительно обусловлено ужасным устройством ее самосознания и ее самопознания. Она невозможна без них; она заключена в них, как в вечной темнице, и с отчаянием воспринимает комизм своего существования и всего мира. «Одним словом, человек устроен комически»⁴⁰, — не говорит, а стенает человеко-мышь. Человек — несчастная цель для смертельных оскорблений и надувательств кого-то или чего-то неизвестного. Кто-то издевается над человеком, мучит его и душит, но «проклятые законы» человеческого сознания не позволяют человеку найти виновного, и из всего этого создают зловещий фатум, который свирепо мучит человека. И ничтожной человеко-мышью не остается

³⁸ Там же. С. 80.

³⁹ Там же. С. 83.

⁴⁰ Там же. С. 97. Ср.: Там же. С. 100.

ничего иного, кроме как биться чем сильнее головой о последнюю стену. «В результате: мыльный пузырь и инерция»⁴¹. Человеко-мышь придавлена инерцией. «Ведь прямой, законный, непосредственный плод сознания — это инерция, то есть сознательное сложа-руки-сиденье»⁴², — так скептическое мышление подпольного философа о природе человеческого сознания напоминает нам Пирона, который всю свою философию сводит к *ἐποχή*, т.е. к воздержанию от какого бы то ни было суждения о чем бы то ни было⁴³. Но скептицизм нашего героя несколько смелее, чем у Пирона. Он в отчаянии находит удовольствие: «...Но в отчаянии-то и бывают самые жгучие наслаждения, особенно когда уж очень сильно сознаешь безвыходность своего положения»⁴⁴. Человеко-мышь от отчаяния кусает себя, гложет себя до того, что горечь обращается в какую-то позорную, проклятую сладость и, наконец, в самое что ни есть наслаждение. «Наслаждение... тут именно от слишком яркого сознания своего унижения; оттого, что уж сам чувствуешь, что до последней стены дошел, что и скверно это, но что и нельзя тому иначе быть...»⁴⁵. В кровных обидах и насмешках, неизвестно чьих, человеко-мышь находит наслаждение, доходящее иногда до высшего сладострастия⁴⁶. «Сок того странного наслаждения» содержится «в этом холодном, омерзительном полуотчаянии, полувере, в этом

⁴¹ Там же. С. 84.

⁴² Там же. С. 83.

⁴³ См.: Zeller E. Grundriss der Geschichte der Griechischen Philosophie/ Bearbeitet von W. Nestle. Leipzig, 1920. S. 292.

⁴⁴ Записки из подполья. С. 76.

⁴⁵ Там же. С. 75.

⁴⁶ Там же. С. 81.

сознательном погребении самого себя заживо с горя в подполье...»⁴⁷. Но именно из подполья она и направляет свою бунтарскую философию, через которую проявляет свою измученную личность, свою смелую и необузданную волю. Чтобы сохранить самостоятельность своей воли, человеко-мышь готова «против всех законов пойти, то есть против рассудка, чести, покоя, благоденствия — одним словом, против всех этих прекрасных и полезных вещей...»⁴⁸. И сама цивилизация — насмешка над человеком. Она «...вырабатывает в человеке только многосторонность ощущений и... решительно ничего больше. А через развитие этой многосторонности человек еще, пожалуй, дойдет до того, что отыщет в крови наслаждение. Ведь это уж и случилось с ним. Замечали ли вы, что самые утонченные кровопроливцы почти сплошь были образованные господа...»⁴⁹. «По крайней мере, — заключает человек из подполья, — от цивилизации человек стал если не более кровожаден, то уж наверно хуже, гаже кровожаден, чем прежде»⁵⁰.

Но бунт подпольного философа особенно беспощаден по отношению к науке. Человек в опасности от науки, ибо она механизировала жизнь, все подводит под закон необходимости. Она учит, что человек, на самом деле, не имеет ни воли, ни капризов и что никогда их не имел; она учит, что человек — вроде фортепианной клавиши или органного штифтика, и все, что бы он ни делал, делается не по его хотению, а само собою, по законам

⁴⁷ Там же. С. 79.

⁴⁸ Там же. С. 87.

⁴⁹ Там же. С. 88.

⁵⁰ Там же.

природы. Следственно, эти законы природы стоит только открыть, и уж за свои поступки человек отвечать не будет, и жить ему будет чрезвычайно легко. Все поступки человеческие тогда будут рассчитаны по этим законам, математически, вроде таблиц логарифмов до 108.000, и занесены в календарь; или, еще лучше того, появятся некие издания, вроде теперешних энциклопедических справочников, в которых все будет так точно исчислено и обозначено, что на свете уже не будет больше ни поступков, ни приключений⁵¹. Тогда-то настанут новые экономические отношения, совсем уже готовые и тоже вычисленные с математической точностью, так что в один миг исчезнут всевозможные вопросы, собственно потому, что на них получатся всевозможные ответы. Тогда... Ну, одним словом, тогда прилетит птица Каган.

Разумеется, — добавляет со своей стороны подпольный философ, — никак нельзя гарантировать, что тогда не будет, например, ужасно скучно, поскольку все рассчитано по таблице. И не будет удивительно, если среди того всеобщего благоразумия появится какой-нибудь джентльмен и бросит в лицо всем: «А что, господа, не столкнуть ли нам все это благоразумие с одного разу, ногой, прахом, единственно с той целью, чтоб все эти логарифмы отправились к черту и чтоб нам опять по своей глупой воле пожить!»⁵².

Наука мало знает человека; она предвидела его сущность — волю, ибо «человек всегда и везде, кто бы он ни был, любил действовать так, как хотел, а вовсе не так, как повелевали ему разум и

⁵¹ Там же. С. 89.

⁵² Там же. С. 89—90.

выгода»⁵³. На самом деле, если когда-либо и будет найдена какая-то формула всех людских хотений и капризов — от чего они зависят, по каким законам возникают, как распространяются, куда устремляются в одном и другом случае, — то есть настоящая математическая формула, тогда человек, пожалуй, сразу перестанет хотеть, наверняка перестанет. Ибо какое же удовольствие «хотеть по табличке». Более того, он тотчас же обратится из человека в органичный штифтик или в фортепианную клавишу; поскольку — что же такое человек без желаний, без воли и без хотений, как не штифтик, не клавиша?⁵⁴

Таким образом человеко-мышь защищает человека. Для нее самое главное — чтобы человек остался личностью, не допустить, чтобы природа и наука его обезличили. «...Ведь все дело-то человеческое... и действительно в том только и состоит, чтобы человек поминутно доказывал себе, что он человек, а не штифтик! Хоть своими боками, да доказывал; хоть троглодитством, да доказывал»⁵⁵. Но если вы спросите нашего подпольного философа, в чем состоит суть воли, суть хотения как ядра личности, индивидуальности, он вам ответит: «...Покамест еще черт знает, от чего зависит» и в чем она состоит⁵⁶. Загадочностью своей и она отражается в бесконечности; и она — мучение для духа человеческого.

Человеко-мышь оценила человека, определила его ценность, подвергла его безжалостному и очень

⁵³ Там же. С. 90.

⁵⁴ Там же. С. 91.

⁵⁵ Там же. С. 95.

⁵⁶ Там же. С. 95. Ср.: С. 90.

смелому анализу, обнажила до корней его отрицательные потенциальные и реальные возможности, объявила волю сущностью его личности, подчинив ей все ценности и все критерии, в своей героической борьбе за личность восстала против всех обезличивающих сил — против природы и рассудка, против сознания и цивилизации, против науки. Она — антигерой, — справедливо считает Достоевский, — ибо в ней собраны все черты для антигероя⁵⁷. В ней Достоевский до крайности довел все то, что остальные не осмеливались доводить и до половины⁵⁸. И что самое новое, Достоевский в ней до крайности довел и само отчаяние. Антигерой — новость как отчаяние, ибо никто никогда не пришел к апокалиптически более ужасному выводу о природе познания и сознания вообще. «Сознание есть болезнь» — это самое большое отчаяние, большего-то и нет. Отчаявшийся славянин в своем аскетическом подполье пришел к такой формуле путем лично-экспериментального анализа природы сознания. Он — наиболее отчаявшийся среди отчаявшихся, ибо в отчаянии находит наслаждение, которое доходит до сладострастия. Даже сама религия отчаяния — буддизм, — которая каждую вещь выжимает, пока не выжмет из нее сок отчаяния, не создала столь отчаявшегося. Его отчаяние переходит в исступление, ибо он со всех сторон герметически закрыт проклятыми законами природы, которые у него вытягивают признание, что сознание — «самое большое несчастье для человека».

⁵⁷ По поводу мокраго снега. С. 177.

⁵⁸ Там же.

Глава II

Бунт

а) Неприятие мира

Человеко-мышь проанализировала человека и многопланово показала, что проблема человека — проклятая проблема. Проклятая, ибо сущность человеческого существа окружена чудовищными тайнами, которые подобно огненным указательным пальцам неизменно указывают на некую бесконечность — бесконечность в человеке, бесконечность вокруг человека. Чтобы проклятая ирония была невыносимой, в человеке встречаются эти две бесконечности. Он бесконечен в сущности своей, т.е. бесконечность имманентна его сущности, и бесконечен во внешней, транс-субъективной бесконечности, реальность которой он неминуемо сознает. Эти две бесконечности непримиримы для подпольного философа. Он решительно против внешней бесконечности, которая так нагло проявляется через природу и ее законы. Неутомимый борец за человеческую личность, он полностью за бесконечность сущности человека — ей придает всю значимость, ее возводит до абсолюта, ее идолизует. Личность должна расти, а все безличное — уменьшаться. Природа не знает ни о личности, ни об устремлениях ее, *ergo*: природа есть то, что следует покорить. Если же это невозможно, тогда:

природа есть то, что не следует принимать, с чем не следует примиряться.

Проблема личности включает в себя все вечные проблемы. По сути, проблема личности, существования Бога и мира — это три аспекта одной и той же проблемы. В проблеме личности, как в фокусе, сходятся все остальные проблемы. Личность есть поприще всех вечных и временных проблем и противоречий. Часто, по причине загадочной сложности своей, личность кажется своего рода несуразной попыткой некоего неизвестного существа примирить непримиримые противоречия. Проблема личности глубоко входит в проблему мира, ибо личность человека помещена в мир. Поэтому решение первой проблемы предполагает решение второй проблемы. Решением одной — решается другая. Органическую зависимость и связь этих проблем Достоевский искусно отражает во всех своих героях, а особенно в Иване Карамазове, который, в известном смысле, наиболее полно воплощает муки Достоевского в решении вечных, проклятых проблем.

Чтобы как можно яснее и вернее выразить сущность своей личности, Иван излагает брату Алеше свое отношение к Богу и миру. «...Нам прежде всего надо предвечные вопросы решить, вот наша забота¹, — говорит Иван Алеше, — решить проблемы: "Есть ли Бог, есть ли бессмертие?"»². Но возникает вопрос: имеет ли человек такое орудие познания, которое позволяет решить вечные проблемы, имеет ли психические способности, которые могут претендовать на решение этих проблем?

¹ Братья Карамазовы. С. 270.

² Там же. С. 271; ср.: Подросток. С. 28.

Иван исследует природу человеческого ума как основного орудия познания и находит, что ум человеческий создан «с понятием лишь о трех измерениях»³, что он эвклидовский, немощный и маленький, как атом⁴. «...Если Бог есть и если Он действительно создал землю, то, как нам совершенно известно, создал Он ее по эвклидовой геометрии»⁵. Между тем находятся геометры и философы, которые сомневаются, что весь мир создан по эвклидовой геометрии, они даже осмеливаются мечтать, что две параллельные линии, которые, по Эвклиду, никак не могут сойтись на земле, может быть, и сошлись бы где-нибудь в бесконечности. «Я, голубчик, решил так, что если я даже этого не могу понять, то где же мне про Бога понять. Я смиренно сознаюсь, что у меня нет никаких способностей разрешать такие вопросы, у меня ум эвклидовский, земной, а потому где нам решать о том, что не от мира сего. <...> Все это вопросы, совершенно несвойственные ему, созданному с понятием лишь о трех измерениях»⁶.

Значит, человек психологически не способен к познанию Бога; эвклидовский ум его — герметически закрытая монада, никак не открытая к Богу. Но и при всем этом Иван не может не решать вечные вопросы. И он говорит Алеше: «Итак, принимаю Бога и не только с охотой, но, мало того, принимаю и премудрость Его, и цель Его — нам совершенно уж неизвестные, верую в порядок, в смысл жизни, верую в вечную гармонию, в которой мы

³ Братья Карамазовы. С. 272.

⁴ Там же. С. 273.

⁵ Там же. С. 272.

⁶ Там же. С. 272 — 273.

будто бы все сольемся, верую в Слово, к Которому стремится вселенная и Которое Само «*век Богу*» и Которое есть Само Бог. <...> Ну, так представь же себе, что в окончательном результате я мира этого Божьего — не принимаю, и хоть и знаю, что он существует, да не допускаю его вовсе. Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я мира, Им созданного, мира-то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять. Оговорюсь: я убежден как младенец, что страдания заживут и сгладятся, что весь обидный комизм человеческих противоречий исчезнет, как жалкий мираж, как гнусенькое измышление малосильного и маленького, как атом, человеческого эвклидовского ума, что, наконец, в мировом финале, в момент вечной гармонии, случится и явится нечто до того драгоценное, что хватит его на все сердца, на утешение всех негодований, на искупление всех злодейств людей, всей пролитой ими их крови, хватит, чтобы не только было возможно простить, но и оправдать все, что случилось с людьми — пусть, пусть это все будет и явится, но я-то этого не принимаю и не хочу принять! Пусть даже параллельные линии сойдутся и я это сам увижу: увижу и скажу, что сошлись, а все-таки не приму. Вот моя суть, Алеша, вот мой тезис»⁷.

Иваново неприятие мира имеет главной причиной своей страдания человечества вообще и страдания детей в частности. Чтобы объяснить своему брату Алеше, почему он не принимает мир таким, каков он есть, Иван стремится поставить его на свою точку зрения, чтобы тот с точки зрения

⁷ Там же. С. 273.

страданий рассматривал его неприятие мира. Он останавливается только на страданиях детей, чтобы уменьшить размеры своей аргументации. В сужении своей темы он идет до того, что даже о подростках не желает говорить, поскольку они «съели яблоко и познали добро и зло, и стали "яко вози"». Они страдают, может быть, по заслугам. «Но деточки ничего не съели и пока еще ни в чем не виновны. <...> Если они на земле тоже ужасно страдают, то уж, конечно, за отцов своих, наказаны за отцов своих, съевших яблоко; — но ведь это рассуждение из другого мира, сердцу же человеческому здесь на земле непонятное. Нельзя страдать неповинному за другого, да еще такому неповинному!»⁸.

Отчаянно напрягая свой несчастный эвклидовский ум, чтобы решить страшную проблему страданий, Иван безумно мучится страданиями мучимых детей; ужасные факты страданий разрастаются в кошмар, и он, как в безумии, говорит Алеше: «...Выражаются иногда про "зверскую" жестокость человека, но это страшно несправедливо и обидно для зверей: зверь никогда не может быть так жесток, как человек, так артистически, так художественно жесток»⁹.

Нет сомнения, Иван прав. Невыносимо ужасная история человечества подтверждает это. Человек сознательно, рационально, по своей воле суров и зол; в этом его печальное преимущество над зверями. Он сумел до наслаждения довести истязание детей. Ни один зверь не может чувствовать

⁸ Там же. С. 275.

⁹ Там же. С. 276.

наслаждение в таких гадостях и артистических злодеяниях, в каких наслаждается человек. Любовь ко злу — это сугубо человеческая особенность; звери неспособны к такой любви. Вот пример: обезумевшая от страха мать держит на руках своего невинного грудного младенца; кругом галдят вошедшие турки. Им захотелось пошутить: они ласкают младенца, смеются, чтобы его рассмешить, и это им удается — младенец рассмеялся. В этот момент турок подносит к его личику пистолет на расстояние пяди. Ребенок радостно смеется, протягивает ручки к пистолету и... Артист спускает курок, раздаётся выстрел, пуля вонзается в смеющееся личико младенца и раздробляет ему головку¹⁰.

«Артист» чувствует наслаждение от своих действий. А Иван? Иван в исступлении от боли говорит: «Я думаю, что если дьявол не существует и, стало быть, создал его человек, то создал он его по своему образу и подобию»¹¹. «Человек, ты царь зверей — *re delle bestie*, — ибо поистине зверство твое наибольшее»¹². «Человек — деспот от природы и любит быть мучителем»¹³. Любовь ко злу человек сознательно и по своей воле развивает, совершенствует и придает ей окончательную форму в любви к истязанию детей, особенно детей. «Никогда люди не творят зла так много и с радостью, как тогда, когда творят его сознательно»¹⁴. Получать

¹⁰ Там же. С. 276 — 277.

¹¹ Там же.

¹² Так в своем дневнике Леонардо да Винчи доверительно охарактеризовал человека. Цитата заимствована из работы Мережковского «Л.Толстой и Достоевский». (Издание Т-за М.О. Вольф. С.-Петербург, Москва, 1912. С. 220.)

¹³ Достоевский. Игрок. С. 245 (Т. III, ч. II).

¹⁴ Паскаль. *Pensées*.

удовольствие в мучении детей — это способность, которую человек исхитрился выработать в себе. «Во всяком человеке, конечно, таится зверь, — утверждает Иван, — зверь гневливости, зверь сладострастной распаляемости от криков истязуемой жертвы, зверь без удержу спущенного с цепи...»¹⁵. Иван владеет фактами, статистическими данными, доказательствами. Вот случай один из многих: маленькую пятилетнюю девочку возненавидели отец и мать, «почтеннейшие и чиновные люди, образованные и воспитанные». И эти образованные родители девочку подвергали всевозможным истязаниям. Били ее, секли, пинали ногами, не зная сами за что; все ее тело превратили в синяки; наконец дошли до высшей утонченности: в мороз ее запирали на всю ночь в отхожем месте, вымазывали ей все лицо ее калом и заставляли ее есть этот кал — и это мать, мать заставляла! И эта мать могла спать, когда ночью слышались стоны бедной девочки, запертой в мерзком месте! «Понимаешь ли ты это? — спрашивает измученный Иван, — когда маленькое существо, еще не умеющее осмыслить, что с ней делается, в темноте и холоде бьет себя своим маленьким кулачком в надорванную грудку и плачет своими незлобивыми, кроткими слезками к "Боженьке", чтобы Он защитил ее, понимаешь ли ты эту ахинею, друг мой и брат мой, послушник ты мой Божий и смиренный, понимаешь ли, для чего все это нужно, для чего создано! Говорят, без этого человек не мог бы жить на земле, ибо не познал бы добра и зла. Но для чего познавать это чертово добро и зло, когда это столького

¹⁵ Братья Карамазовы. С. 280.

стоит? Да ведь весь мир познания не стоит слез ребенка к "Боженьке". Мучаю я тебя, Алешка, — добавляет Иван с болью, ты как будто бы не в себе. Я перестану, если хочешь. — Ничего, я тоже хочу мучиться», — отвечает Алеша¹⁶, и с ним вместе отвечают все искренне мучимые проблемой страданий, мучимые тем высшим мучением, способные «горныя мудрствовати и горних искати».

Страшно быть человеком, быть заключенным в пять чувств, и проявлять свою человечность через мучение других, и причинять страдания другим. Но это становится невыносимым при очевидности факта: страдание всюду присутствует; страдает всё, что существует; вся вселенная потоплена в страдании; оно — некая роковая необходимость этого трехмерного мира. От коры до ядра полита слезами людскими наша несчастная планета. Ее устройство непостижимо: мерилom человеческим она не может быть измерена. Но мало-мальски мыслящий человек должен разделять мнение Ивана: «Я... признаю... что ничего не могу понять, для чего все так устроено. <...> О, по моему, по жалкому, земному эвклидовскому уму моему, я знаю лишь то, что страдание есть, что виновных нет, что все одно из другого выходит прямо и просто, что все течет и уравнивается, — но ведь это лишь эвклидовская дичь, ведь я знаю же это, ведь жить по ней я не могу же согласиться! Что мне в том, что виноватых нет и что все прямо и просто одно из другого выходит, и что я это знаю — мне надо возмездие, иначе ведь я истреблю себя. И возмездие не в бесконечности где-нибудь и когда-

¹⁶ Там же. С. 280–281.

нибудь, а здесь уже на земле, и чтоб я его сам видел. Я веровал, я хочу сам и видеть, а если к тому часу буду уже мертв, то пусть воскресят меня, ибо если все без меня произойдет, то будет слишком обидно. Не для того же я страдал, чтобы собой, злодействами и страданиями моими унавозить кому-то будущую гармонию. Я хочу видеть своими глазами, как лань ляжет подле льва¹⁷ и как зарезанный встанет и обнимется с убившим его. Я хочу быть тут, когда все вдруг узнают, для чего все так было. <...> Но вот, однако же, детки, и что я с ними стану тогда делать? Это вопрос, который я не могу решить. <...> Слушай, если все должны страдать, чтобы страданием купить вечную гармонию, то при чем тут дети, скажи мне, пожалуйста? Совсем не понятно, для чего должны страдать и они, и зачем им покупать страданиями гармонию? Для чего они-то тоже попали в материал и унавозили собою для кого-то будущую гармонию? Солидарность в грехе между людьми я понимаю, понимаю солидарность и в возмездии, но не с детками же солидарность в грехе, и если правда в самом деле в том, что и они солидарны с отцами их во всех злодействах отцов, то, уж конечно, правда эта не от мира сего мне непонятна»¹⁸.

Страдание настолько реально и страшно своей жестокой реальностью, настолько безгранично, неизмеримо и непонятно, что убогий ум человеческий вынужден с болью вопрошать: а не является ли страдание необходимостью не только во времени и в пространстве, но и в бесконечности и в

¹⁷ Аллюзия на предсказание пророка Исаии (Ис. 11: 6).

¹⁸ Братья Карамазовы. С. 282—283.

вечности? Мир проявляет свою ужасную реальность через категорию страдания — так неужели возможно, чтобы и Сам Бог проявлялся помимо этой категории? Страдание делает невозможной, если не исключает, какую бы то ни было нынешнюю или будущую гармонию, поскольку оно — действительность, которую почти невозможно сделать недействительной. Ограниченный ум человеческий с отчаянием должен признать, что он не может оправдать страдание, а потому не может признать и возможность какой бы то ни было высшей гармонии в жизни. Но если такая гармония и возможна в некоем далеком будущем, униженный и обиженный до комизма ум человеческий не сможет простить нанесенных ему обид, не сможет забыть страдание, которое легло в самые праосновы жизни и дает человеку право протестовать против столь трагичной гармонии. Иван считает, что такая гармония возможна, но она неполноценная и неприемлемая для ума человеческого, который остается при данности неискупленного и неоправданного страдания. Он понимает, как всколыхнется вселенная, когда все на небе и на земле сольется в единое славословие и все живое и жившее воскликнет: «Прав Ты, Господи, ибо открылись пути Твои!». Тогда настанет венец познания и все объяснится. «Но вот... этого-то я и не могу принять, — стонает Иван. — <...> Пока еще время, спешу оградить себя, а потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре своей неискупленными слезками своими к "Боженьке"! Не стоит,

потому что слезки его остались неискупленными. Они должны быть искуплены, иначе не может быть и гармонии. Но чем, чем ты искупишь их? Разве это возможно? Неужто тем, что они будут отмщены? Но зачем мне их отмщение, зачем мне ад для мучителей, что тут ад может поправить, когда те уже замучены? И какая же гармония, если ад: я простить хочу и обнять хочу, я не хочу, чтобы страдали больше. И если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены. Не хочу я, наконец, чтобы мать обнималась с мучителем, растерзавшим ее сына псами! Не смеет она прощать ему! Если хочет, пусть простит за себя, пусть простит мучителю материнское безмерное страдание свое; но страдания своего растерзанного ребенка она не имеет права простить, не смеет простить мучителя, хотя бы сам ребенок простил их ему! А если так, если они не смеют простить, где же гармония? Есть ли во всем мире существо, которое могло бы и имело право простить? Не хочу гармонии, из-за любви к человечеству не хочу. Я хочу оставаться лучше со страданиями неотомщенными. Лучше уж я останусь при неотомщенном страдании моем и неутоленном негодовании моем, *хотя бы я был и не прав*¹⁹. Да и слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу вернуть обратно. И если только я честный человек, то обязан вернуть его как можно заранее. Это и делаю. Не Бога я не принимаю,

¹⁹ Курсив принадлежит Достоевскому.

Алеша, а только билет Ему почтительнейше возвращаю»²⁰.

Измеряя мир мерилom эвклидовского ума своего, Иван потерял веру в порядок вещей и гармонию; для него мир — «проклятый... и бесовский хаос»²¹, над которым никакой дух не витает. «На нелепостях мир стоит, — заявляет, как в бреду, Иван. — <...> Я ничего не понимаю. Я и не хочу теперь ничего понимать. Я хочу оставаться при факте. Я давно решил не понимать. <...> Не могу понять, для чего все так устроено»²².

Мир — непостижимая тайна, бесконечная в своем трагизме, а человек не имеет таких способностей познания, которые бы позволили отыскать смысл этой тайны. Вольно или невольно все бунты возникают из этого. И бунт Ивана так возник, ибо все мученические усилия человека втиснуть тайну мира в категории эвклидовского ума человеческого заканчиваются бунтом. Бунт — психологически неизбежное следствие веры в разум, который может принять и вместить в себя лишь незначительнейший кусочек жизни; а верить, что он может вместить в себя тайну мира и разгадать ее — то же самое, что верить, будто комар может вместить в утробу свою Млечный Путь. Иван — олицетворенное подтверждение этого. Он немилосердно напрягал ум свой, чтобы с его помощью решить страшную проблему мира,

²⁰ Там же. С. 283–284. Здесь невольно чувствуется поразительное психологическое сходство между бунтарским Ивановым возвратом билета и возвратом таланта в евангельской притче (Мф. 25: 24–25).

²¹ Там же. С. 266.

²² Там же. С. 282.

и путем экспериментальным и личным пришел к горячечному сознанию и признанию, что атомный, земной, эвклидовский ум человеческий абсолютно не способен решить эту проблему, которая загадочнее всего проявляется в страданиях детей. Всякий рационализм, когда разовьется до своей завершающей стадии, должен — по закону психологической и логической необходимости — закончить нигилистическим бунтом, анархическим неприятием мира. «Вера в категории разума является причиной нигилизма»²³, — искренне признается Ницше. И если бы рационалисты, независимо от окраски, были столь отважно смиренны, что у Ивана и Ницше позаимствовали бы искренность, они бы стали открыто исповедовать, что вера в разум человеческий — самый надежный путь, ведущий через разочарование в отчаяние, а из отчаяния к бунту, к неприятию мира, к нигилизму и анархизму.

Иваново неприятие мира — это конечная форма долго вызревавшего бунта. То, что подпольный антигерой измыслил в миниатюре, Иван расширил до невиданных масштабов. Идея неприятия мира зачинается в человеко-мышь, растет в Раскольникове, Свидригайлове, Ипполите, Ставрогине, Кириллове, Верховенском и созревает в Иване. Всех их поражает очевидный факт, что этот мир бесконечен — своим ужасом. Но что еще хуже, чем страстнее и отважнее погружаются они в чудовищный трагизм этого мира, тем глубже и неодолимее чувствуют и сознают, что горний мир лишь продолжение этого мира со всеми его ужасами и нелепостями, что сама

²³ Nietzsche F.W. Wille zur Macht, Nihilismus.

вечность — не что иное, как трагический комизм времени и пространства, возведенный до абсолюта, до вечного существования. Когда Свидригайлов свой гносеологический аппарат поворачивает к будущей жизни и вечности, они являются ему в самом ужасном виде. «Нам вот всё представляется вечность как идея, — говорит он Раскольникову, — которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность»²⁴.

Неприятие мира неминуемо перерастает в неприятие вечности. Леденящий ужас пронизывает и время, и вечность. Антигерои Достоевского имеют в себе какую-то злосчастную магнетическую силу, с помощью которой притягивают к себе все ужасное и трагичное в мире и вечности. Неодолимый ужас исходит из всей природы и вечности, из всех законов их, доводя антигероев Достоевского до убийственного отчаяния. Безжалостно битый непобедимым ужасом природы и ее законов, Ипполит погружается в самоубийственное настроение. Он сам это признает. Ему природа напоминает какого-то огромного, неумолимого и немного зверя или, вернее, некую громадную машину новейшей конструкции, которая бессмысленно все хватает и пожирает²⁵. Но природа, хоть и безобразное некое чудовище, Ипполиту все-таки является в определенных формах. «Но мне как будто

²⁴ Преступление и наказание. С. 286.

²⁵ Идиот. С. 441.

казалось временами, — рассказывает он, — что я вижу, в какой-то странной и невозможной форме, эту бесконечную силу, это глухое, темное и немое существо. Я помню, что кто-то будто бы повел меня за руку, со свечкой в руках, показал мне какого-то огромного и отвратительного тарантула и стал уверять меня, что это то самое темное, глухое и всесильное существо, и смеялся над моим негодованием»²⁶. Здесь от ужаса цепенеет всякая мыслительная способность; ум леденеет; здесь человек теряет свое имя и нарекается не человек, а ужас, ужас, ужас. «Нельзя оставаться в жизни, которая принимает такие странные, обижающие меня формы, — говорит Ипполит. — Это привидение меня унизило. Я не в силах подчиниться темной силе, принимающей вид тарантула»²⁷.

Человеку, похоже, дано сознание, чтобы он мог осознать отчаянную немощность свою и ужас жизни. Сознание — самая издевательская привилегия, которую имеет человек. Обмирая от ужаса, Ипполит приходит к предположению, что его никчемная жизнь, жизнь атома, требуется для пополнения некой всеобщей гармонии, для неких плюса и минуса, для некоего контраста, как требуются ежедневно в жертву жизни миллионов существ, без смертей которых остальной мир не может существовать. «Но пусть! — продолжает Ипполит. — Я согласен, что иначе, то есть без непрерывного поядения друг друга, устроить мир было никак невозможно; я даже согласен допустить, что ничего не понимаю в этом устройстве... <...> А между тем я

²⁶ Там же. С. 442.

²⁷ Там же. С. 444.

никогда, несмотря даже на всё желание мое, не мог представить себе, что будущей жизни и провидения нет. Вернее всего, что все это есть, но что мы ничего не понимаем в будущей жизни и в законах ее. Но если это так трудно и совершенно даже невозможно понять, то неужели я буду отвечать за то, что не в силах был осмыслить непостижимое? <...> Я умру, прямо смотря на источник силы и жизни, и не захочу этой жизни! Если б я имел власть не родиться, то наверно не принял бы существования на таких насмешливых условиях. Но я еще имею власть умереть... Не великая власть, не великий и бунт»²⁸.

Бунтарская настроенность духа у антигероев Достоевского поднимается до такого уровня, на котором дух человеческий расточается в ужасе и немых мучениях. Как последнюю сущность всего они являют метафизический ужас. Он захватил их своим течением, бросая в неизведанные глубины свои, и они нам в исступлении рассказывают об ужасе жизни так, как никто никогда не рассказывал. «В произведениях Достоевского, — пишет один английский критик, — ужаса и жестокости больше, чем во всех литературах всех эпох, ему предшествовавших. И дело не в том, что он — "жестокый талант", как говорили некоторые, а в том, что в нем человеческое сознание работало интенсивнее, чем в других людях его времени, что он был намного более ужасной жертвой крайней жестокости реальности»²⁹. Даже сам «многоглазый» Шекспир со своими «Королем Лиром» и «Макбетом»

²⁸ Там же. С. 447 — 448.

²⁹ J. Middleton Murry. F.M. Dostojevsky, a critical study. P. 37 (1916 год).

не смог так многосторонне и глубоко увидеть и познать последний ужас этой жизни, хотя иногда чувствовал его и говорил, что жизнь — это «повесть, рассказанная дураком»³⁰.

«Жизнь есть боль, жизнь есть страх, и человек несчастен, — как будто пробивая некий внутренний духовный лед, говорит Кириллов. — Теперь всё боль и страх. Теперь человек жизнь любит, потому что боль и страх любит. И так сделали. Жизнь дается теперь за боль и страх, и тут весь обман»³¹. Для него мир иной, горный, — огромный камень, который висит над человеком и в любой момент может упасть на него³². Для Ставрогина жизнь — «бесконечный ряд обманов»³³.

Все сводится к тому, что вся жизнь, весь мир — хаотическая эвклидовская бессмыслица. «...Все на свете — загадка!»³⁴. Достоевский чувствует это каждым нервом своего измученного существа. Он весь открыт для апокалиптических ужасов; и они обрушиваются на него, они — тяжелые, как мельничные

³⁰ Macbeth. Act V, Sc. V.

Life's but a walking shadow, a poor player,
That struts and frets his hour upon the stage
And then is heard no more: it is a tale
Told by an idiot, full of sound and fury,
Signifying nothing.

...

Жизнь — ускользающая тень, фигляр,
Который час кривляется на сцене
И навсегда смолкает; это — повесть,
Рассказанная дураком, где много
И шума и страстей, но смысла нет.

(Пер. М. Лозинского)

³¹ Бесы. С. 112.

³² Там же. С. 111.

³³ Там же. С. 650.

³⁴ Братья Карамазовы. С. 127.

жернова. «Страшно много тайн! Слишком много загадок угнетают на земле человека»³⁵. Широко человек, слишком широко, надо было бы его сузить, ибо ужасно много тайн может вмещать он в себя. Для более узкого человека и ужас жизни был бы уже, сноснее, проще. Но в бескрайне широком хаосе жизни широкий духом человек безмерно страдает и не может найти смысла, оправдания того чудовищного творения, что миром зовется. Всё — загадка всему, а прежде всего себе самому. «Зачем я сотворена, почему создана?» — спрашивает каждая тварь. «Это маленькое словечко "почему" разлито по всей вселенной с самого первого дня мироздания, и вся природа ежеминутно кричит своему Творцу: "Почему?" — и вот уже семь тысяч лет не получает ответа»³⁶.

Ограниченная, эвклидовская, расслабленная страданиями человеческая природа не имеет в себе способности ответить на страшные, вечные вопросы. Некое мистериозное сознание находится в ней, похоже, только для того, чтобы человек мог сознавать ужасную дисгармоничность мира. «Сознание же мое есть именно не гармония, — пишет Достоевский в своем "Дневнике", приписывая это резонирование материалисту-самоубийце, — а, напротив, дисгармония, потому что я с ним несчастлив»³⁷.

Всесильные вечные законы природы, похоже, имеют в качестве единственного смысла и цели своего существования то, чтобы как можно немилосерднее и оскорбительнее обижать человека. «...В самом деле: какое право имела эта природа

³⁵ Там же. С. 128.

³⁶ Бесы. С. 170.

³⁷ Дневник писателя за 1876 год. С. 350.

производить меня на свет, вследствие каких-то там своих вечных законов? Я создан с сознанием и эту природу *сознал*³⁸: какое право она имела производить меня, без моей воли на то, сознающего? Сознающего, стало быть, страдающего, но я не хочу страдать — ибо для чего бы я согласился страдать?»³⁹.

Необъяснимый трагический комизм существования вообще порождает в человеке безысходно невыносимые мысли: «Ну что, если человек был пущен на землю в виде какой-то наглой пробы, чтоб только посмотреть: уживется ли подобное существо на земле или нет? Грусть этой мысли, главное — в том, что опять-таки нет виноватого, никто пробы не делал, некого проклясть, а просто всё произошло по мертвым законам природы, мне совсем непонятным, с которыми сознанию моему никак нельзя согласиться. Ergo: — так как на вопросы мои о счастье я через мое же сознание получаю от природы лишь ответ, что могу быть счастлив не иначе, как в гармонии целого, которой я не понимаю, и очевидно для меня, и понять никогда не в силах; — так как природа не только не признает за мной права спрашивать у нее отчета, но даже и не отвечает мне вовсе — и не потому, что не хочет, а потому, что и не может ответить; — так как я убедился, что природа, чтоб отвечать мне на мои вопросы, предназначила мне (бессознательно) *меня же самого*⁴⁰, и отвечает мне моим же сознанием (потому что я сам это все говорю себе); — так как, наконец, при таком порядке, я принимаю на

³⁸ Курсив Достоевского.

³⁹ Там же. С. 349.

⁴⁰ Курсив Достоевского.

себя в одно и то же время роль истца и ответчика, подсудимого и судьи и нахожу эту комедию, со стороны природы, совершенно глупую, а переносить эту комедию, с моей стороны, считаю даже унижительным; — то, в моем несомненном качестве истца и ответчика, судьи и подсудимого, я присуждаю эту природу, которая так бесцеремонно и нагло произвела меня на страдание, — вместе со мною к уничтожению... А так как природу я истребить не могу, то и истребляю себя одного, единственно от скуки сносить тиранию, в которой нет виноватого»⁴¹.

Сознание делает человека несчастным, уединяет его до полной оторванности от мира, доводит его до самоубийственного отчаяния, в то время как природа его окружает со всех сторон и он живет в ней, как в некоем отвратительном и огромном черепе мертвеца. «О, природа! — вопиет Достоевский. — Люди на земле одни — вот беда!<...> Говорят, солнце живет вселенную. Взойдет солнце и — посмотрите на него, разве оно не мертвец? Всё мертво, и всюду мертвецы. Одни только люди, а кругом них молчание — вот земля!»⁴².

Ввергнутый в «дьявольский хаос», в пасть чудовища, называемого время и пространство, несчастный человек протестует своим атомным умом, по-бунтарски отказывается принимать таким образом устроенный мир, бросает проклятие на всё и упорно остается при нем, ибо оно — «его привилегия, главнейшим образом отличающая его от других животных»⁴³. Человек, проклиная, отдает

⁴¹ Там же. С. 351 — 352.

⁴² Кроткая. С. 409.

⁴³ Записки из подполья. С. 95.

долг тому, кто его создал проклятым. «Мы прокляты, жизнь людей проклята вообще!», поэтому: «Смелей, человек, и будь горд! Не ты виноват!..»⁴⁴.

б) Неприятие Христа

Неприятие мира достигает своей высшей точки и окончательной полноты в неприятии Христа. Бурные души бунтующих антигероев не считают, что проблема решена неприятием мира, так как они настолько взбудоражены трагизмом мира, что не могут упустить из виду близкую связь Христа с этим миром. И прежде чем решиться на самоубийственное отчаяние и последнюю анафему, они неизбежно, инстинктивно и добровольно поворачиваются ко Христу, мобилизуют все свои силы и искренне борются с Ним, чтобы Им победить мир; или: миром — Его. Говорят: Христос есть Логос мира и оправдание жизни, но эвклидовский ум утверждает: мир есть безлогосное чудовище, а жизнь — неоправданная бессмыслица, ужас и хаос. Невыносимо мучимый абсурдностью этого мира, человек содрогается и вопрошает: неужели возможно, чтобы где-то было такое существо, которое могло бы неопровержимо оправдать этот мир и изгладить все злодеяния, которое могло бы искупить все страдания, не уничтожив самосознание человеческое? Говорят, якобы Христос и есть такое существо, такой Искупитель; но это все же не снимает вопроса: разве можно быть Искупителем такого мира, который устройством своим исключает всякую возможность искупления? Если же допускается и эта возможность, то возникает

⁴⁴ Дневник писателя за 1876 г. С. 386; Кроткая. С. 409.

вопрос: может ли эвклидовский ум человеческий признать и принять Христа как оправдание жизни, если Его Личность и Его план спасения не могут вместиться в узкие категории ума?

Достоевский — великий аналитик и знаток человеческого ума, его границ, сил и возможностей, — в своем «Великом Инквизиторе» подвергает Христа и Его план спасения необычной критике, которую осуществляет эвклидовским умом своим Иван. Чтобы критика была как можно живее и непосредственнее, Иван придает ей форму поэмы, в которой Христос лично встречается с великим инквизитором. Это происходит в Испании, в городе Севилье, в средневековье, в самое страшное время инквизиции. Однажды, сразу после того как кардинал, великий инквизитор, в «великолепном аутодафе» сжег разом чуть не целую сотню еретиков *ad majorem Dei gloriam*, Он появился тихо, незаметно, — и вот все узнают Его. Народ непобедимую силою стремится к Нему, окружает Его, собирается вокруг Него толпами, следует за Ним. Он молча проходит среди них с тихой улыбкой бесконечного сострадания. Он простирает к ним руки, благословляет их, исцеляет — слепые прозревают, хромые начинают ходить. Народ плачет и целует землю, по которой идет Он. Дети бросают пред Ним цветы, поют и вопиют Ему: «Осанна!» «Это Он, это Сам Он, повторяют все, это должен быть Он, это никто, как Он». В это время появляется похоронная процессия: семилетнюю девочку, единственную дочь у матери, несут хоронить. Несчастливая мать рыдает и, увидев Его, повергается к ногам Его, вопия: «Если это Ты, то воскреси дитя мое!» Процессия останавливается, гробик

опускают на паперть к ногам Его. Он глядит с состраданием, и уста Его тихо и еще раз произносят: «Талифа куми» — «и воста девица». В народе смятение, крики, рыдания, и вот в эту самую минуту вдруг проходит мимо собора по площади сам кардинал, великий инквизитор. Он простирает перст свой и велит стражам взять Его. И стража тотчас берет Его и уводит в тесную и мрачную сводчатую тюрьму в древнем здании Святого Судилица и запирает в нее. Проходит день, настает темная севильская ночь. И в глухую пору ночи неожиданно отворяется железная дверь тюрьмы и сам старик великий инквизитор со светильником в руке медленно входит в тюрьму. Он останавливается при входе и долго всматривается в лицо Его. Наконец, тихо подходит, ставит светильник на стол и говорит Ему: «Это Ты? Ты? — Но, не получая ответа, быстро прибавляет: — Не отвечай, молчи. Да и что бы Ты мог сказать?.. Да Ты и права не имеешь ничего прибавлять к тому, что сказано Тобой прежде. Зачем же Ты пришел нам мешать? Ибо Ты пришел нам мешать и Сам это знаешь. Но знаешь ли, что будет завтра? Я не знаю, кто Ты, и знать не хочу: Ты ли это или только подобие Его, но завтра же я осужу и сожгу Тебя на костре, как злейшего из еретиков...»⁴⁵.

Никто никогда не говорил так дерзко Христу и не вершил над Ним такого страшного суда. Если бы человечество, по каким бы то ни было причинам, пожелало измыслить страшный суд для Христа, то, как нам кажется, оно бы могло взять для себя в качестве примера великого инквизитора.

⁴⁵ Братья Карамазовы. С. 290.

Тот осуждает Христа и Его план спасения как неприемлемый для человеческой природы и неосуществимый в устроенном так мире. Неосуществимый идеализм плана Христа, выраженного в ответах Искусителю, страшному и умному, в пустыне, характеризует Христа как еретика в отношении к человеческой природе. А для великого инквизитора три вопроса Искусителя — это наибольшее громовое чудо из совершавшихся на земле, поскольку они отражают всю будущую историю человечества, поскольку в них сходятся все неразрешимые исторические противоречия человеческой природы; прибавить к ним или убавить от них ничего нельзя более⁴⁶. Конечно, и Искуситель и Искушаемый выражают свои планы и свои методы устроения мира: первый — через свои вопросы, второй — через Свои ответы. Евангелия свидетельствуют об этом. В своих трех вопросах Искуситель изложил и отразил всю свою биографию, определил свое существо, выявил свою сущность. Чтобы соблазнить Искушаемого, он собрал все зло, мобилизовал все нечистые умственные силы и предстал как дух умный и страшный, как воплощение вселенского зла. Он испытывал Христа всеми искушениями⁴⁷ и таким образом невольно раскрыл план и способ своей работы в мире. Ибо на самом деле все искушения, которыми Искуситель искушал людей всех времен, — это лишь развитие трех искушений, которыми он искушал Христа. Великий инквизитор, несомненно, прав, когда подчеркивает огромную важность искушений в пустыне.

⁴⁶ См.: Там же. С. 292.

⁴⁷ Мф. 4: 1–11; Мк. 1: 12–13; Лк. 4: 1–14. Ср.: Евр. 4: 15.

Он оценивает оба плана, проверяет их осуществимость в этом мире, определяет их приемлемость для людей и приходит к поразительному заключению, «что лишь советы великого страшного духа могли бы хоть сколько-нибудь устроить в сносном порядке малосильных бунтовщиков»⁴⁸, то есть людей. Он обвиняет Христа за то, что Христос отверг эти советы. «Таким образом, Сам Ты положил основание к разрушению Своего же Царства и не вини никого в этом более. А между тем, то ли предлагалось Тебе? Есть три силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их счастья, — эти силы: чудо, тайна и авторитет. Ты отверг и то, и другое, и третье, и Сам подал пример тому»⁴⁹.

Христос отверг советы «умного духа», но за это Его отвергает великий инквизитор. Он не принимает Христа, Который отвергает первый совет Искусителя, не желая покупать покорность людей за хлеб. Ставя свободу выбора превыше всего, Христос предвидел великую тайну мира сего, кроющуюся в том совете⁵⁰. «...Ты не захотел, — говорит инквизитор Христу, — лишить человека свободы и отверг предложение, ибо какая же свобода, рассудил Ты, если послушание куплено хлебами?»⁵¹. Во имя свободы совести Христос отверг совет Искусителя, показав тем, что либо не знает, либо намеренно замалчивает основную тайну человеческой природы, так как «ничего и никогда не было для человека и человеческого общества

⁴⁸ Братья Карамазовы. С. 303.

⁴⁹ Там же. С. 295 — 296.

⁵⁰ См.: Там же. С. 294.

⁵¹ Там же. С. 293.

невыносимее свободы»⁵². Во имя свободы и хлеба небесного Христос отверг единственный и абсолютный знак, который Ему был предложен для покорения людей Себе — знак хлеба земного. «...Вместо того чтоб овладеть свободой людей, Ты увеличил им ее еще больше! Или Ты забыл, что спокойствие и даже смерть человеку дороже свободного выбора в познании добра и зла? Нет ничего обольстительнее для человека, как свобода его совести, но нет ничего и мучительнее. И вот вместо твердых основ для успокоения совести человеческой раз навсегда — Ты взял все, что есть необычайного, гадательного и неопределенного, взял все, что было не по силам людей, а потому поступил как бы и не любя их вовсе, — и это кто же: Тот, Который пришел отдать за них жизнь Свою! Вместо того чтоб овладеть людской свободой, Ты умножил ее и обременил ее мучениями душевное царство человека, вовеки. Ты возжелал свободной любви человека, чтобы свободно пошел он за Тобою, прельщенный и плененный Тобою. Вместо твердого древнего закона, — свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве Твой образ пред собою, — но неужели Ты не подумал, что он отвергнет же, наконец, и оспорит даже и Твой образ, и Твою правду, если его угнетут таким страшным бременем, как свобода выбора? Они воскликнут, наконец, что правда не в Тебе, ибо невозможно было оставить их в смятении и мучении более, чем сделал Ты, оставив им столько забот и неразрешимых задач»⁵³.

⁵² Там же. С. 298 и 294.

⁵³ Там же. С. 295.

Бунт инквизитора против Христа незаметно переходит в протест и бунт против такого устройства человеческой личности. Зачем человеку дается свобода, если он со всех сторон ограничен необходимостью природных законов, которые управляют этим наихудшим из возможных миров? Причина всех несчастий и страданий заключается в свободе, с которой человек рождается. Психологически вполне оправданно видеть в свободе человеческой личности причину всех несчастий и страданий. На самом деле, современная наука представляет систематически организованное восстание против свободы, против той наиболее роковой привилегии, которую имеет человек. Сводя всю многообразную жизнь существ, твари к необходимости, наука подводит под нее и самого человека, чтобы избежать мук в связи с решением кошмарной проблемы свободы. Тем самым она опосредованно бунтует против таким образом устроенного человека: реальность свободы в мире необходимости невозможна; а если и возможна, то настолько ужасна, что ее следует уничтожить и объявить ненужной. Это наука и делает: необходимость управляет всем механизмом мира, а человек является деталью этого механизма; все, что в нем происходит и что им совершается, — происходит по необходимости; свобода немыслима и не нужна, необходимость — все и вся. Выраженное этической терминологией это звучит: нет преступления, нет греха, зло является необходимостью.

А если так, то современная наука представляет не что иное, как непрестанное утверждение, что вся жизнь является неоправданным и невыносимым

ужасом, абсолютно неоправданным, ибо все происходит по необходимости. В таком случае научный оптимизм — абсолютная невозможность.

Великий инквизитор бунтует против свободы как сущности человеческого существа и особенно против Христа Искупителя, Который умножает и увеличивает свободу человека и обуславливает успех дела Своего свободным согласием человека и человечества.

Смысл второго искушения заключается в тайном желании Искупителя склонить Христа, чтобы Он догматизировал чудо как единственное средство осуществления Своего искупительного плана, то есть чтобы Он уничтожил человеческую свободу ради покорения людей чудом, а не любовью, и тем самым искушает Господа Бога Своего, чтобы доказать, что это Он Сам, создав человека свободным, заложил основы для разрушения дела Своего. Великий инквизитор осуждает Христа за то, что Он отверг это предложение Искупителя. «Ты, выслушав, отверг предложение и не поддался и не бросился вниз. О, конечно, Ты поступил тут гордо и великолепно, как Бог, но люди-то, но слабое бунтующее племя это — они-то боги ли?.. Но, повторяю, много ли таких, как Ты? И неужели Ты в самом деле мог допустить хоть минуту, что и людям будет под силу подобное искушение? Так ли создана природа человеческая, чтоб отвергнуть чудо, и в какие страшные моменты жизни, моменты самых страшных основных и мучительных душевных вопросов своих оставаться лишь со свободным решением сердца?.. Но Ты не знал, что чуть лишь человек отвергнет чудо, то тотчас отвергнет и Бога, ибо человек ищет не

столько Бога, сколько чудес»⁵⁴. Человек — несчастная часть несчастной эвклидовской нелепости, называемой миром. Христос слишком хорошо думал о людях, которые являются рабами, хотя созданы бунтовщиками. «Клянусь, — говорит инквизитор Христу, — человек слабее и ниже создан, чем Ты о нем думал! Может ли, может ли он исполнить то, что и Ты?.. Он слаб и подл. ...[Люди], хоть они и бунтари, но бунтари слабосильные, собственного бунта своего не выдерживающие. Обливаясь глупыми слезами своими, они сознаются, наконец, что создавший их бунтовщиками, без сомнения, хотел посмеяться над ними. Скажут это они в отчаянии, и сказанное ими будет богохульством, от которого они станут еще несчастнее, ибо природа человеческая не выносит богохульства и, в конце концов, сама же себе всегда и отомстит за него»⁵⁵.

Люди слабы, вечно порочны и вечно неблагодарны. Ошибка Христа в Его нежелании подчинить Себе этих вечно порочных существ — подчинить посредством чуда. Он хотел веры от свободного сердца, а не вынужденную посредством чуда. Но эта Его неограниченная свобода привела людей к наизумительнейшему рабству и смятению⁵⁶. Беспокойство, смятение и несчастье — вот нынешний удел людей после всего, что Христос претерпел ради их свободы. Он не знал человека. Он слишком много от него требовал и тем самым обрек Себя на поражение⁵⁷.

⁵⁴ Там же. С. 295.

⁵⁵ Там же. С. 297.

⁵⁶ См.: Там же. С. 299.

⁵⁷ Там же. С. 297.

Тайная цель третьего предложения Искусителя кроется в его желании побудить Христа, чтобы Он принял «все царства сего мира» как средство для осуществления Своего искупительного плана, то есть чтобы Царство Небесное основал на гнилых основаниях людских царств. Христос отверг предложение и метод Искусителя в пользу Божьего метода, ради того чтобы основать Свое Небесное Царство на Боге как основании. Великий инквизитор осуждает Христа за то, что Он отверг третье и последнее предложение Искусителя, ибо этим обрек Царство Свое на полную безуспешность и уничтожение. «Зачем Ты отверг этот последний дар? — спрашивает инквизитор у Христа. — Приняв этот третий совет могучего духа, Ты исполнил бы все, чего ищет человек на земле, то есть: пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться, наконец, всем в бесспорный общий и согласный муравейник, ибо потребность всемирного соединения есть третье и последнее мучение людей... Приняв мир и порфиру Кесаря, основал бы всемирное царство и дал бы всемирный покой»⁵⁸. Но поскольку Христос решительно отверг последнее предложение Искусителя, равно как и первое, и второе, великий инквизитор объявляет Христу свое заключительное обвинение: «Ибо если был, кто всех более заслужил наш костер, то это Ты. Завтра сожгу Тебя. Dixi»⁵⁹.

Эвклидовский ум человеческий не принимает этого мира, не принимает и Христа, ибо так устроенный мир — неискупимая и неоправданная

⁵⁸ Там же. С. 298 — 299.

⁵⁹ Там же. С. 301.

бессмыслица. Искупительный план и подвиг Христов — «безумие»⁶⁰. Безжалостные законы природы представляют собой всеильную и вседержительную необходимость; они не допускают, чтобы хоть нечто Божественное вошло в эту жизнь; они не только людоедские, но и «богоедские». «Слушай большую идею: был на земле один день, и в середине земли стояли три креста. Один на кресте до того веровал, что сказал другому: "Будешь сегодня со Мною в раю". Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресения. Не оправдывалось сказанное. Слушай: этот человек был высший на всей земле, составлял то, для чего ей жить. Вся планета, со всем, что на ней, без этого человека — одно сумасшествие. Не было ни прежде, ни после *Него* такого же, никогда, даже до чуда. В том и чудо, что не было и не будет такого же никогда. А если так, если законы природы не пожалели и *Этого*⁶¹, даже чудо свое же не пожалели, а заставили и *Его* жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоит на лжи и глупой насмешке. Стало быть, самые законы планеты ложь и диаволов водевиль. Для чего же жить, отвечай, если ты человек?»⁶².

Мир и человек в этой эмпирической данности не могут не быть космологическим доказательством несуществования Бога. В таком мире и за таким миром невозможно найти Бога. «И действительно, человек выдумал Бога, — говорит Иван. И не то странно, не то было бы дивно, что Бог в самом деле существует, но то дивно, что такая мысль —

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Курсив Достоевского.

⁶² Бесы. С. 596.

мысль о необходимости Бога — могла залезть в голову такому дикому и злому животному, каков человек, до того она свята, до того трогательна, до того премудра и до того она делает честь человеку»⁶³. — Невероятно измученный решением вечных вопросов о существовании Бога и бессмертии души, эвклидовский ум дает единственно возможное решение: нет Бога, нет и бессмертия.

«— Иван, говори: есть Бог или нет?..

— Нет, нету Бога...

— Иван, а бессмертие есть, ну, там какое-нибудь, ну, хоть маленькое, малюсенькое?

— Нет и бессмертия.

— Никакого?

— Никакого.

— То есть совершеннейший нуль или нечто. Может быть, нечто какое-нибудь есть? Все же ведь не ничто!

— Совершенный нуль...

— Кто же это так смеется над человеком, Иван? В последний раз и решительно: есть Бог или нет? Я в последний раз!

— И в последний раз: нет.

— Кто же смеется над людьми, Иван?

— Черт, должно быть, — усмехнулся Иван Федорович.

— А черт есть?

— Нет, и черта нет»⁶⁴.

⁶³ Братья Карамазовы. С. 272.

⁶⁴ Там же. С. 158—159.

Глава III

Творцы человеко-бога

Нет Бога, нет бессмертия, нет дьявола, но есть проклятые природные законы, есть проклятые страдания, есть проклятые ужасы. Что будет с ними делать несчастный эвклидовский ум человеческий? Не существует Бог, но существует боль, существует больное, несчастное, осмеянное существо, называемое человеком, — существо, наделенное микроскопически малым умом, природа которого исчерпывается сознанием, что этот мир — невыносимая эвклидовская бессмыслица, на абсурдах почивающая. Взбунтовавшийся эвклидовский ум человека не принимает Бога, не принимает мира; для него невозможно примириться ни с Богом, ни с миром, но он безмерно страдает от людоедского чудовища, называемого миром; он должен или победить мир, или быть побежденным миром, *tercium non datur*. Чудовищная ужасность так устроенного мира доводит несчастный ум человеческий до последнего отчаяния, которое переходит в сумасшествие. Человек должен либо измениться физически и духовно, либо принять мир таким, какой он есть, и терпеть людоедскую тиранию этого отвратительного чудовища. Чтобы постичь физис мира, человек должен изменить свой

собственный физис; а чтобы постичь идею и план мира, человек должен изменить эвклидовский дух свой. Такой, какой он есть, человек является рабом трагизма, комизма, тирании, ужаса; человек есть «человеко-раб». Чтобы спастись от этого бессмысленного рабства, человек должен или перестать быть человеко-рабом и стать человеко-богом, или — иного выхода нет. Но несчастный человеко-раб, бедная человеко-мышь, чтобы стать человеко-богом, должен прежде всего *de idea* и *de facto* уничтожить всех других богов. А это значит, что он должен сделать себя идолом, которому вся тварь будет поклоняться и ему одному служить. Только на кладбище всех прежних богов человек может объявить себя человеко-богом. Бог есть Абсолют. Два абсолюта невозможны, они взаимоисключаются. Чтобы стать абсолютным властелином мира сего, человеко-бог должен уничтожить всякий иной Абсолют. Поскольку же Бог — единственный Абсолют, то человеко-бог считает единственной своей обязанностью уничтожить Бога, полностью искоренить и удалить из человеческого сознания идею о Боге. Уничтожением идеи о Боге и бессмертии исчерпывается вся негативная часть программы человеко-бога, а позитивная часть зависит от его самовластной воли и силы.

«По-моему, — резонирует Иван Карамазов, — и разрушать ничего не надо, а надо всего только разрушить в человечестве идею о Боге, вот с чего надо приняться за дело! С этого, с этого надобно начинать, — о, слепцы, ничего не понимающие! Разве человечество отречется поголовно от Бога (а я верю, что этот период, параллельно геологическим периодам, совершится), то само собою, без

антропофагии, падет все прежнее мировоззрение и, главное, вся прежняя нравственность, и наступит все новое. Люди совокупятся, чтобы взять от жизни все, что она может дать, но непременно для счастья и радости в одном только здешнем мире. Человек возвеличится духом божеской, титанической гордости и явится человек-бог. Ежечасно побеждая уже без границ природу, волею своею и наукой, человек тем самым ежечасно будет ощущать наслаждение столь высокое, что оно заменит ему все прежние упования наслаждений небесных. Всякий узнает, что он смертен весь, без воскресения, и примет смерть гордо, как бог. Он из гордости поймет, что ему нечего роптать за то, что жизнь есть мгновение, и возлюбит брата своего уже безо всякой мзды»¹.

Титаническое гордоумие человека разрастается в абсолют, становится критерием всего видимого и невидимого, навязывает себя в качестве необходимости истории и единственного знака, в котором будет заключаться смысл времен. Иванова философия человеко-божества представляет собой теоретически осуществимую возможность, но она может стать практической и психофизической реальностью лишь в том случае, если человек и человечество имеют психофизические силы, которые способны эту философию воплотить в себе, сделать ее своей сущностью. Если же человек и человечество имеют эти силы *in pisse*, то возникает вопрос, а может ли когда-нибудь наступить период, в который идея человеко-божества овладеет всем человечеством, воплотится в нем

¹ Братья Карамазовы. С. 733—734.

окончательно и абсолютно. Может ли человек, может ли человечество когда-нибудь в самосознании своем достичь полного уничтожения идеи о Боге? Может ли когда-нибудь наступить такой период?

«Если наступит, — думает Иван, — то все решено, и человечество устроится окончательно. Но так как, ввиду закоренелой глупости человеческой, это, пожалуй, еще и в тысячу лет не устроится, то всякому, сознающему уже и теперь истину, позволительно устроиться совершенно как ему угодно, на новых началах. В этом смысле ему "все позволено". Мало того: если даже период этот и никогда не наступит, то так как Бога и бессмертия все-таки нет, то новому человеку позволительно стать человеко-богом, даже хотя бы одному в целом мире, и, уж конечно, в новом чине, с легким сердцем, перескочить всякую прежнюю нравственную преграду прежнего раба-человека, если оно понадобится. Для Бога не существует закона! Где станет Бог — там уже место Божие! Где стану я, там сейчас же будет первое место... "все дозволено" и шабаш!»².

Атеизм неизбежно развивается в анархизм. Безбожие по природе своей есть беззаконие. Иван, несомненно, прав, когда анархизм выводит из атеизма и мортализма. Уничтожьте в человечестве веру в Бога и бессмертие, и тогда ничто не будет аморальным, все будет позволено, даже и людоедство. Но Иван идет дальше, доводит свою мысль до самой крайней степени. Он утверждает, что для каждого частного лица, не верующего ни в Бога,

² Там же. С. 734.

ни в бессмертие свое, нравственный закон природы должен немедленно измениться в полную противоположность прежнему религиозному закону и что эгоизм даже до злодейства должен быть человеку не только позволен, но даже признан как необходимый и самый рациональный исход³. «Злодейство не только должно быть позволено, но даже признано самым необходимым и самым умным выходом из положения всякого безбожника»⁴.

«Все позволено» человеко-богу и кандидату в человеко-бога. Однако против такого принципа человеческая совесть протестует.

«Совесть! Что совесть? — вопрошает Иван. — Я сам ее делаю. Зачем же я мучаюсь? По привычке. По всемирной человеческой привычке за семь тысяч лет. Так отвыкнем и будем боги»⁵.

Кириллова разъедает идея человеко-бога. Она из ума его перешла в сердце, вошла в кровь его, в тело его, воплотилась в нем. Он не только имеет эту идею, но она обладает им, он сам — эта идея. Он не отличает себя от нее. Она вошла в его инстинкты. Его единственное непрестанное мучение — осмыслить эту идею, сделать ее обязательно приемлемой для всех людей. Но чтобы сделать человека богом этого ужасного мира, Кириллов безмерно мучится и напрягается, чтобы идею старого Бога удалить из человеческой природы и из этого мира. Он из-за этого мучится, единственно из-за этого. «Я не могу о другом, — признается он, — я всю жизнь об одном. Меня Бог всю жизнь мучил...»⁶.

³ Там же. С. 84.

⁴ Там же. С. 84 — 85.

⁵ Там же. С. 738.

⁶ Бесы. С. 113.

Кириллов исследует происхождение идеи о Боге и находит, что человек не только имеет эту идею, но боится ею. Она — его боль, вызванная в нем страхом смерти. «Бог есть боль страха смерти. Кто победит боль и страх, тот сам станет бог. Тогда новая жизнь, тогда новый человек, все новое... Тогда историю будут делить на две части: от гориллы до уничтожения Бога и от уничтожения Бога до...

— Гориллы?

— ...До перемены земли и человека физически. Будет богом человек и переменится физически. И мир переменится, и дела переменятся, и мысли, и все чувства»⁷.

Нужно победить боль, нужно уничтожить страдание — и тем самым будет побежден Бог и уничтожен. Не только страх создал первых богов, но боль, страдание. Кириллов глубже Лукреция проник в психологическое происхождение идеи о Боге. Если можно хотя бы на момент допустить, что какое-то психическое свойство создало богов, то это свойство — боль, страдание. Освободить человека от страдания и боли — значит освободить его от богов. Убить богов — значит убить обман. «Всякий, кто хочет главной свободы, тот должен смель убить себя. Кто смеет убить себя, тот тайну обмана узнал. Дальше нет свободы; тут все, а дальше нет ничего. Кто смеет убить себя, тот бог. Теперь каждый может сделать, что Бога не будет, и ничего не будет. Но никто еще ни разу не сделал.

— Самоубийц миллионы были.

— Но всё не затем, всё со страхом и не для того. Не для того, чтобы страх убить. Кто убьет

⁷ Там же. С. 112.

себя только для того, чтобы страх убить, тот тотчас бог станет»⁸.

Совершить самоубийство, а через самоубийство и бого-убийство — это и есть первая и главная обязанность первого человеко-бога. Кириллов неустанно ищет свойство, которое будет суммировать и предопределять всю деятельность нового божества, и находит его — в своеволии, полном и абсолютном своеволии, которое исключает всякую иную абсолютную волю. «Если Бог есть, — говорит он, — тогда вся воля Его, и из воли Его я не могу. Если нет, то вся воля моя, и я обязан заявить своеволие. <...> Потому что вся воля стала моя. Неужели никто на всей планете, кончив Бога и уверовав в своеволие, не осмелится заявить своеволие, в самом полном пункте? <...> Я хочу заявить своеволие. Пусть один, но сделаю. <...> Я обязан себя застрелить, потому что самый полный пункт моего своеволия — это убить себя самому.

— Да ведь не один же вы себя убиваете; много самоубийц.

— С причиною. Но безо всякой причины, а только для своеволия — один я»⁹.

Свободный и своевольный человеко-бог невозможен рядом со свободным Богом. Если человек должен возвеличиваться, Бог должен умяляться. Окончательная, абсолютная полнота и совершенство человеко-бога непременно постулирует окончательное, абсолютное уничтожение Бога и веры в Него. «Я обязан неверие заявить, — вещает Кириллов. — Для меня нет выше идеи, что Бога нет.

⁸ Там же. С. 112—113.

⁹ Там же. С. 595.

За меня человеческая история. Человек только и делал, что выдумывал Бога, чтобы жить, не убивая себя; в этом вся всемирная история до сих пор. Я один во всемирной истории не захотел первый раз выдумывать Бога»¹⁰.

Бога нет. «Если нет Бога, то я бог»¹¹, — решает Кириллов. Все спасение всех людей вообще состоит в усвоении этой идеи — идеи, что Бога нет и что каждый человек потенциально и реально является человеко-богом¹². «Я не понимаю, — говорит Кириллов, — как мог до сих пор атеист знать, что нет Бога, и не убить себя тотчас же? Сознать, что нет Бога, и не сознать в тот же раз, что сам богом стал, есть нелепость; иначе непременно убьешь себя сам. Если сознаешь — ты царь и уже не убьешь себя сам, а будешь жить в самой главной славе. Но один, тот, кто первый, должен убить себя сам непременно; иначе кто же начнет и докажет? Это я убью себя сам непременно, чтобы начать и доказать. Я еще только бог поневоле, и я несчастен, ибо *обязан*¹³ заявить своеволие. Все несчастны потому, что все боятся заявлять своеволие. Человек потому и был до сих пор так несчастен и беден, что боялся заявить самый главный пункт своеволия и своевольничал с краю, как школьник. Я ужасно несчастен, ибо ужасно боюсь. Страх есть проклятие человека... Но я заявлю своеволие, я обязан уверовать, что не верую. Я начну и кончу, и дверь отворю. И спасу. Только это одно спасет всех людей и в следующем поколении

¹⁰ Там же. С. 596.

¹¹ Там же. С. 595.

¹² Там же. С. 597.

¹³ Курсив Достоевского.

переродит физически; ибо в теперешнем физическом виде, сколько я думал, нельзя быть человеку без прежнего Бога никак. Я три года искал атрибут божества моего и нашел: атрибут божества моего — Своеволие! Это всё, чем я могу в главном пункте показать непокорность и новую страшную свободу мою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою»¹⁴.

Критериология подпольного философа находит в Кириллове своего нового апологета. Своеволие становится непогрешимым критерием для всего человеческого и Божественного. Поверяя им все, Кириллов приходит к заключению, что все хорошо. Он — первый человеко-бог — не делает различия между добром и злом. Он не по эту сторону добра и зла, он уравнивает добро со злом. Для Ивана все позволено, для Кириллова — все добро. И рационализм и волюнтаризм в своем окончательном виде отрицают всякую возможность и реальность этики.

«Всё хорошо... — говорит Кириллов. — Всё. Человек несчастлив потому, что не знает, что он счастлив. Это всё, всё! Кто узнает, тотчас сейчас станет счастлив, сию минуту... всё хорошо. Я вдруг открыл.

— А кто с голоду умрет, а кто обидит и обесчестит девочку — это хорошо?

— Всё хорошо, все. Всем тем хорошо, кто знает, что всё хорошо... Вот вся мысль, вся, больше нет никакой! ...Кто научит, что все хороши, тот мир закончит.

¹⁴ Там же. С. 597.

- Кто учил, Того распяли.
- Он придет, и имя ему человекобог.
- Богочеловек?
- Человекобог, в этом разница»¹⁵.

Ставрогин — «гордый как бог»¹⁶; он живет, как бог; для него нет законов; он гордо и холодно попирает все; ему ничего не значит пожертвовать жизнью, и своею и чужою¹⁷. Он имеет необыкновенную способность к преступлению, которая доходит до гениальности¹⁸. Даже в наибольшем проступке и преступлении он не теряет спокойствия, самообладания и разума¹⁹. В нем угасла способность чувствовать различие между злом и добром. Он не знает, почему зло отвратительно, а добро прекрасно. Он не знает различия в красоте между какой-нибудь сладострастной, зверской штукой и каким угодно подвигом, даже если бы этот подвиг был жертвой жизнью для человечества²⁰. Тайна зла в нем воплотилась; он пропитан ею; он артист и виртуоз во зле; он не знает преград, не знает страха; он атеист и чужодей во зле²¹. Как олицетворение атеизма и аморализма в превосходной степени, он — новый тип человека²²; самые крайние эксцессы атеизма и аморализма для него свойственны, обычны, лично характерны; для него не

¹⁵ Там же. С. 229 — 230.

¹⁶ Там же. С. 409.

¹⁷ Там же. С. 406.

¹⁸ Там же. С. 245 — 246.

¹⁹ Там же. С. 650, 652, 198.

²⁰ Там же. С. 245.

²¹ Там же. С. 198, 240, 262.

²² Material zum Roman «Die Dämonen» /Herausgegeben von Moeller van den Bruck: F.M. Dostojevski, Die Dämonen, zweiter Teil, München und Leipzig 1916. S. 519.

существует неожиданности, он не впадает в разочарование²³, поскольку и дух и тело его заледене-ли в некоем великом ужасе; и нет солнца оптимизма, которое может растопить этот лед; ему все чуждо; между ним, заледеневшим от ужаса жизни, и миром не имеется ни одной нити привязанности; он не может сжиться с таким миром, он не может восстановить ни мысленную, ни чувственную связь между собой и вселенной. Он — «вызов здравому смыслу»²⁴. Он — ледяное и выразительное *Nicht-Sagung* этому миру; от него исходит только отрицание²⁵. Злость его *разумна*²⁶ и потому наиболее отвратительна и страшна²⁷. Он — воплощенный демон иронии, который постоянно с безграничной иронией объясняет этот мир, все его явления и отвергает его новым, невиданным прежде способом. Иногда его демон иронии проявляется так неожиданно, так цинично и искусно отвратительно, что от этого в ужасе леденеет все человеческое, а особенно то, что называется умом человеческим²⁸. Некоторые из его знакомых смогли в известной степени определить его личность, называя его «премудрым змием». Он на самом деле необычайно умен, но, может быть, и помешан, безумен²⁹. Лицо у него неподвижное, застывшее, как у бездушной восковой фигуры, и походит на маску³⁰. Он крайне горд, он не говорит, зато о нем

²³ Бесы. С. 180.

²⁴ Там же. С. 246.

²⁵ Там же. С. 650.

²⁶ Курсив Достоевского.

²⁷ Там же. С. 199.

²⁸ Там же. С. 184.

²⁹ Там же. С. 99.

³⁰ Там же. С. 221, 41, 176.

все говорят. Он с величайшим презрением относится ко всем, даже наиполнейшим, человеческим лексиконам, поскольку они не в состоянии выразить его личность. И хотя молчалив, как некий символ молчания, все же он — *spiritus rector* всех «бесов». Он с собой носит атмосферу, полную некоей мистической и ужасной отвратительности. Эта атмосфера очень заразна и заражает всех его обожателей. На самом деле, все бесы ничего иного и не делали, кроме как развивали до крайних пределов некоторые его особенности; он живет посредством их и живет жизнью человека-бога. Кающийся атеист Шатов, бывший ученик Ставрогина, так говорит ему: «В Америке я лежал три месяца на соломе, рядом с одним... несчастным, и узнал от него, что в то же самое время, когда вы насаждали в моем сердце Бога и родину, — в то же самое время, даже, может быть, в те же самые дни, вы отравили сердце этого несчастного, этого маньяка, Кириллова, ядом... Вы утверждали в нем ложь и клевету и довели разум его до исступления... Подите взгляните на него теперь, это ваше создание...»³¹. Но Шатов говорит также и о себе как о его создании. «Ставрогин, для чего я осужден в вас верить во веки веков? ...Разве я не буду целовать следов ваших ног, когда вы уйдете? Я не могу вас вырвать из моего сердца, Николай Ставрогин!»³² — восклицает он. «Ставрогин, вы красавец! — вскрикивает в упоении Петр Верховенский. — Знаете ли, что вы красавец! ...Я люблю красоту. Я нигилист, но люблю красоту. Разве

³¹ Там же. С. 240. Ср.: С. 239, 244, 245.

³² Там же. С. 247.

нигилисты красоту не любят? Они только идолов не любят, ну а я люблю идола! Вы мой идол! Вы никого не оскорбляете, и вас все ненавидят; вы смотрите всем ровней, и вас все боятся, это хорошо. К вам никто не подойдет вас потрепать по плечу. Вы ужасный аристократ. Аристократ, когда идет в демократию, обаятелен! Вам ничего не значит пожертвовать жизнью, и своею и чужою. Вы именно таков, какого надо. Мне, мне именно такого надо, как вы. Я никого, кроме вас, не знаю. Вы предводитель, вы солнце, а я ваш червяк... Мне вы, вы надобны, без вас я нуль. Без вас я муха, идея в стеклянке, Колумб без Америки»³³.

Верховенский высказывает Ставрогину, что тот — личность, от которой зависит осуществление их плана по переустройству мира. Один из «бесов», Шигалев, создал новый план устройства мира, и Верховенский сообщает Ставрогину, что его осуществление зависит именно от Ставрогина: «...папа будет на Западе, а у нас, у нас будете вы!»³⁴. По плану Шигалева, каждый принадлежит всем и все каждому. Все — рабы, и в рабстве равны. Главное — равенство: «Слушайте, Ставрогин! — восклицает Верховенский. — ...Я за Шигалева! Не надо образования, довольно науки! И без науки хватит материалу на тысячу лет, но надо устроиться послушанию. В мире одного только недостает: послушания. Жажда образования есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вот уже и желание собственности. Мы уморим желание: мы пустим пьянство, сплетни,

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 406.

донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Всё к одному знаменателю: полное равенство. ...Необходимо лишь необходимое — вот девиз земного шара отселе. Но нужна и судорога; об этом позаботимся мы, правители. ...Но одно или два поколения разврата теперь необходимо; разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь... Мы провозгласим разрушение... почему, почему, опять-таки, эта идея так обаятельна! Мы пустим пожары... Мы пустим легенды... Ну-с, и начнется смута! Раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал... Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам... Ну-с, тут-то мы и пустим... Кого?

— Кого?

— Ивана Царевича.

— Кого-о?

— Ивана Царевича; вас, вас!»³⁵.

Вообще, все «бесы», неутомимые идеологи и реализаторы идеи человеко-бога, неустанно пытаются на этой планете осуществить такой план. Им все позволено. Они, как боги, безбоязненно переходят все границы и преодолевают все преграды, используют все средства, не спрашивая ничьей санкции, ничьего разрешения. Само злодеяние, само преступление для них — «здравый-то смысл и есть, почти долг, по крайней мере благородный протест»³⁶. В осуществлении своего плана по переустройству мира они идут от беспредельной свободы, а заканчивают беспредельным деспотизмом.

³⁵ Там же. С. 405, 407, 408. Ср.: С. 644.

³⁶ Там же. С. 407.

Они делят человечество на две неравные части. Десятая часть получает свободу личности и безграничное право преимущества над остальными девятью десятыми. Последние должны утратить личность и превратиться в стадо, которое вынуждено жить в вечном подчинении³⁷.

Все создатели человеко-бога опьянены своеволием как единственной творческой и всемогущей силой. Они кружат около нее, пока она их не очарует, а затем, как идолопоклонники, пред ней бьют поклоны и себя приносят в жертву все소жжения. Через своеволие они тщатся достичь наивысшей свободы личности, чтобы освободиться от всех оков нравственно-социальных традиций. Они верны своему подпольному прародителю-антигерою — возводят себя на своеволии как на фундаменте. Проявить абсолютное своеволие для них — значит проявить себя, последнюю сущность своей личности. Поэтому каждый из них — «человек как воля», не «мир как воля», ибо это последнее означало бы абсолютное отрицание человека.

Раскольников — «человек как воля». Он являет собою ответ, первый ответ на вопрос антигероя: «Что есть воля? От чего она зависит?» Он первый пробовал лично, экспериментально, решить поставленную проблему. Воля, своеволие — гончар той глины, которая миром зовется. Она — критерий, определитель ценности. Каждое существо и каждая тварь должны рассматриваться *sub specie voluntatis*.

«*Всё в руках человека*» — это аксиома Раскольникова³⁸. Человек же ни в чьих руках. Он сам себя

³⁷ Там же. С. 390 — 391.

³⁸ Преступление и наказание. С. 4.

окружил призраками и сказками, законами и обязанностями. Он боится каждого нового шага, нового слова, нового дела. Таков обыкновенный человек; таковы обыкновенные люди. Однако наряду с ними есть люди необыкновенные, люди новые. Раскольников всех людей делит на «обыкновенных» и «необыкновенных». Обыкновенные люди должны жить в послушании и не имеют права переступить закон, потому что они обыкновенные. А необыкновенные люди имеют право совершать всякие преступления и всегда переступают закон просто потому, что они необыкновенные³⁹. Законодатели и установители человечества — такие, как Ликург, Солон, Магомет, Наполеон, — все до одного были преступниками уже только потому, что, давая новый закон, тем самым нарушали старый, унаследованный от предков, и не останавливались даже перед кровопролитиями, если это могло им помочь⁴⁰. «Одним словом, я вывожу, — говорит Раскольников, — что и все, не то что великие, но и чуть-чуть из колеи выходящие люди, то есть чуть-чуть даже способные сказать что-нибудь новенькое, должны, по природе своей, быть непременно преступниками»⁴¹. «Я только в главную мысль мою верю. Она именно состоит в том, что люди, по закону природы, разделяются вообще⁴² на два разряда: на низших (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать

³⁹ Там же. С. 255.

⁴⁰ Там же. С. 256.

⁴¹ Там же.

⁴² Курсив Достоевского.

в среде своей *новое слово*⁴³. Подразделения тут, разумеется, бесконечные, но отличительные черты обоих разрядов довольно резкие: первый разряд, то есть материал, говоря вообще, люди по натуре своей консервативные, чинные, живут в послушании и любят быть послушными. По-моему, они и обязаны быть послушными, потому что это их назначение, и тут решительно нет ничего для них унижительного. Второй разряд, все преступают закон, разрушители, или склонны к тому, судя по способностям. Преступления этих людей, разумеется, относительно и многообразны; большею частью они требуют, в весьма разнообразных заявлениях, разрушения настоящего во имя лучшего. Но если ему надо, для своей идеи, перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь, то он внутри себя, по совести, может, по-моему, дать себе разрешение перешагнуть через кровь...»⁴⁴. Огромная масса людей, материал, для того только и существует на свете, чтобы через какое-то усилие, каким-то таинственным процессом, посредством перекрещивания родов и пород произвести на свет хотя сколько-нибудь самостоятельного человека. С несколько большей самостоятельностью рождается, может быть, один из десяти тысяч обыкновенных людей; с еще большей — из ста тысяч. Один гениальный человек рождается из миллионов обыкновенных людей; а великие гении, завершители человечества, являются по истечении многих миллиардов людей на земле⁴⁵. Необыкновенные

⁴³ Курсив Достоевского.

⁴⁴ Там же. С. 257.

⁴⁵ Там же. С. 259.

люди своевольны; для них нет преград, им «все разрешается»⁴⁶, как утверждает Раскольников. Гениальный преемник Раскольникова, Иван Карамазов, апологетически разрабатывает раскольниковскую этику и суммирует ее в своем категорическом императиве: «все позволено». Ужасная оригинальность Раскольникова — в том, что он по совести⁴⁷ разрешает проливать кровь⁴⁸. К такой теории, к такому принципу он приходит путем разнообразных логических комбинаций. Как паук, он забирается в угол и сплетает свою философию и этику. Он детально анализирует себя, желая узнать, вошь ли он, как остальные обыкновенные люди, или же человек, может ли переступить законы, преодолеть нравственные преграды или не может, тварь ли он дрожащая или право имеет власть иметь⁴⁹. Ему хочется стать необыкновенным человеком, сделаться Наполеоном⁵⁰, а для этого «сила, сила нужна: без силы ничего не возьмешь; а силу надо добывать силой же»⁵¹. «Царство рас­судка и света теперь и ...воли, и силы... и посмотрим теперь!»⁵² — восклицает Раскольников. Кто крепок, силен умом и духом, тот и властелин. Кто много посмеет, тот и прав. Кто на большее может плюнуть, тот и законодатель; а кто больше всех может посметь, тот и более всех прав имеет. Власть и сила даются только тем, кто посмеет склониться и взять их. Тут одно только, одно: стоит только

⁴⁶ Там же. С. 271.

⁴⁷ Курсив Достоевского.

⁴⁸ Там же. С. 260.

⁴⁹ Там же. С. 417.

⁵⁰ Там же. С. 413.

⁵¹ Там же. С. 188.

⁵² Там же. С. 187.

посметь!⁵³ «Свободу и власть, а главное власть! — восклицает Раскольников. — Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!.. Вот цель!»⁵⁴.

Чтобы достичь этой цели, Раскольников мобилизует все свои силы; он всё ставит в прямую зависимость от своей аксиомы: «всё в руках человека». Опиумом этой аксиомы он напивает все свои психофизические способности, и они решительно отрицают всякую абсолютную ценность: «все относительно»⁵⁵ для необыкновенного человека. Из своего категорического императива «всё в руках человека» Раскольников делает неизбежное логическое заключение, что убить одну старуху — «не преступление»⁵⁶, если кто-то с помощью этого станет необыкновенным человеком. Умом своим он внимательно анализирует этот свой вывод; в нравственном смысле проблема решена: казуистика его отточилась, как бритва, и сам в себе он уже не находил ни сознательных возражений, ни протеста⁵⁷.

И он убивает старуху. Но вместо того чтобы стать необыкновенным человеком, наполниться титанической силой и увенчаться властью великих гениев, он в испуге замечает: «Господи! С ума, что ли, я схожу?»⁵⁸. Мучительная, темная мысль поднимается в нем — мысль, что он с ума сходит⁵⁹. Как в бреду, он не может собрать свои силы, не может прийти в себя и вопиет: «Господи, что

⁵³ Там же. С. 416.

⁵⁴ Там же. С. 327.

⁵⁵ Там же. С. 93.

⁵⁶ Там же. С. 73.

⁵⁷ Там же. С. 72.

⁵⁸ Там же. С. 80.

⁵⁹ Там же. С. 82.

же делать!»⁶⁰. Вследствие убийства старухи расслабилось его существо; он весь расстроен: разбит его дух, разбито сердце — как будто ударами топора он изрубил душу свою, а не старуху. Способность соображать у него ослабела, мышление раздроблено, ум помрачен⁶¹; он не способен мыслить целостно; все его мысли — осколки, обрывки, куски. Он во всем существе своем чувствует страшный беспорядок, хаос⁶². С ним происходит что-то совершенно ему незнакомое, новое, внезапное и никогда не бывалое; какое-то безгранично мучительное ощущение пронизывает все его существо⁶³ — ощущение, которое отделяет кость от кости его, нерв от нерва, мысль от мысли, душу от тела. Это ощущение постепенно превращается в пожар, в котором Раскольников весь горит, но не сгорает. Все в нем становится ломким и делимым, мелким, как атомы, и подвижным, как живой песок или ртуть. Его личность утратила свой центр, и он не может ни на чем сконцентрироваться. Постепенно происходит дезинтеграция его личности. Его душа рассыпалась в легион мелких душ, его дух — в легион духов, его «я» — в легион «я». Одним словом, Раскольников стал «легионом». Поэтому каждая его мысль — мысль-легион, каждое чувство — чувство-легион, каждое слово — слово-легион, то есть имеет неисчислимыя значения. Ни в одной мысли, ни в одном ощущении или слове он не присутствует весь без остатка, ибо весь раздроблен, дезинтегрирован. Это является причиной, что критики никак

⁶⁰ Там же. С. 86.

⁶¹ Там же. С. 91.

⁶² Там же. С. 95—96.

⁶³ Там же. С. 103—104.

не могут прийти к твердому и единодушному мнению, покаялся Раскольников на самом деле или нет. Отчасти он покаялся, отчасти нет. Животно, биологически покаялся, а умственно, логически — нет. И когда он при помощи казуистической аргументации и логики уверял себя, что убийство старухи является не преступлением, а естественным актом необыкновенного человека, то нечто глубоко внутреннее в нем протестовало против таких аргументов; и это нечто разрасталось неодолимо и быстро в определенное доминирующее ощущение, в живую непобедимую психическую силу, которая неоспоримо доказывала, что убийство это — преступление, неестественное преступление, грех, в котором человек должен каяться, ибо человеческая природа не может выдержать преступление как нечто естественное и логичное⁶⁴. Пораженная преступлением богообразная сущность личности Раскольникова привела его к суду, где он исповедал свое преступление как грех. Одно определено: раскольниковская моральная аксиома «всё в руках человека» оказалась несостоятельной; его принцип убит. «...Я не человека убил, — признает он, — я принцип убил!»⁶⁵. «Я себя убил, а не старушонку»⁶⁶, — исповедуется он Соне.

В Раскольникове несостоятельным оказался «человек как воля». Он сам убил принцип свой и подпольного антигероя — принцип, согласно которому

⁶⁴ «...Я буду говорить прежнее, — пишет Достоевский, — что преступление всегда останется преступлением, что грех всегда будет грехом, постыдным, гнусным, неблагородным, на какую бы степень величия вы ни вознесли порочное чувство!» («Неточка Незванова. С. 213. Т. II. Ч. I. Курсив его.)

⁶⁵ Преступление и наказание. С. 271.

⁶⁶ Там же. С. 418.

воля есть *prima causa* и основание человеческой личности.

Кириллов сделал то же самое. Он, первый человеко-бог, убил себя, чтобы экспериментально и наглядно показать и доказать, что своеволие — наивысшее проявление личности и что самоубийство — наивысшая ступень своеволия. Но самоубийство — не что иное, как полная дезинтеграция человеческой личности.

Ставрогин, воплощенная тайна беззакония и своеволия, повесился и таким образом уничтожил принцип своей жизни и претерпел полный распад личности.

Иван, чудодейственный творец и апологет человеко-бога, глубокий аналитик эвклидовского ума человеческого, сошел с ума. Сошел он с ума, когда увидел страшную реальность своей теоретической аксиомы «все позволено» при ее применении в жизни. Он сошел с ума, так как Смердяков убил Федора Карамазова, руководствуясь этой Ивановой аксиомой. «Вы убили, — говорит Смердяков Ивану, — вы главный убийца и есть, а я только вашим приспешником был, слугой Личардой верным, и по слову вашему дело это и совершил... "Все, дескать, позволено", — говорили-с... Самым естественным манером сделано было-с, с ваших тех самых слов...»⁶⁷.

Таким образом, все творцы человеко-бога достигают наивысшего проявления и полноты своего существа в полном распаде личности.

⁶⁷ Братья Карамазовы. С. 704, 705, 706.

Глава IV

Тайна атеистической философии и анархической этики

Трагизм человека в таком мире безмерен. Но его трагизм переходит в невыносимый комизм, когда несчастный человек пытается безмерную и неизмеримую загадочность мира вместить в несколько иглистых загадок и в их отгадках видит разгадку безмерной загадки жизни. Уставшее от трагизма, человеческое существо прибегает к сказкам различным: религиозным, философским, научным. И вместо успокоения в них находит беспокойство, вместо дружеского объятия — резкую насмешку. Кто-то насмехается над человеком. Но европейский человек не может без бунта снести эту насмешку. Он отвечает на нее — хотя бы скрежетом зубов. Измученное и весьма обиженное загадочностью мира человечество протестует. Но страшно, если этот протест — протест глухонемых. В отместку европейский человек поспешил сузить загадочность и мира, и человека. В нервном противоборстве и мир, и человек сужены до комичности, сведены к «семи загадкам». И эту смехотворную честь жадно присваивали себе многие, оказываясь в комическом положении. А над маленьким европейским человеком и далее гремят

грозы небесных загадок, и далее бьют по нему молнии вселенских тайн, и нет громоотвода, который бы его защитил. Жизнь всегда нова если не чем иным, то загадками и неожиданностями. Хотя открытые глаза не могут не видеть, что пределы жизни — в отсутствии всяких пределов, что конец ее — бесконечность, граница — безграничность.

Создатели человеко-бога попытались упростить и сузить человека, чтобы можно было упростить всю жизнь мира; они попытались логизировать человека, чтобы можно было выдержать, перенести обидный трагизм мира. Но при всем своем неумном стремлении достичь желаемой цели, они задали нам грандиозную загадку, оставили великую тайну. Возможно, эту грандиозную загадку никто никогда не смог бы нам разгадать, если бы Достоевский, автор романа «Братья Карамазовы», не разгадал ее в главе, которая имеет название *«Черт. Кошмар Ивана Федоровича»*.

Здесь Достоевский открывает нам самый тайный тайник Ивановой души, в котором содержится основная творческая сила человеко-бога. Иван — огромная, соборная, коллективная личность, в которой присутствуют подпольный философ и Раскольников, Ставрогин и Кириллов, Ипполит и Смердяков. Их тайна — в Ивановой тайне. Философия Ивана — их философия, только оформленная в его огромном уме. Раскрытие Ивановой тайны в то же время — раскрытие их общей тайны. В упомянутой главе Достоевский раскрывает нам, насколько Иван был самим собой, когда создавал свою философию и этику — неприятие мира и Христа и создание человеко-бога. До убийства Федора Карамазова Иван теоретически жил тройственной

догмой атеизма: нет Бога, нет бессмертия, нет дьявола, — а также категорическим императивом анархизма: все позволено. Но когда Смердяков, вдохновленный его философией, применил в жизни его категорический императив, в Иване произошел страшный внутренний переворот, произошло духовное землетрясение, которое до основания перевернуло его существо, пробудило все его чувства и мысли, всю его личность. Из глубины потрясенной его души хлынули подавленные прежде чувства и затопили немощный и разбитый ум его. Примененный принцип анархизма вызвал в нем поразительную анархию, духовную анархию — анархию чувств, воли, сердца, ума. Он не может подавить в себе анархический бунт против себя; он не может совладать ни с сердцем своим, ни с умом, ни с волей, ни с телом. У него всё в диком движении, в безумности, как у Раскольникова после убийства старухи. Нарушенная святость личности и ее нравственных основ протестует, бунтует все его существо, доводит его эвклидовский ум до кошмарного бреда, до галлюцинаций, до страшного внутреннего пожара, в котором сгорает вся его атеистическая философия и анархическая этика; и он, как некогда Раскольников, идет сдаваться, чтобы перед судом объявить себя убийцей Федора Карамазова.

В страшные моменты жизни человек почти не чувствует физических границ своей личности, не чувствует тела своего, становясь духовнее; и само тело его перестает быть только физическим и материальным, становясь в некоем роде духовным телом. Тогда человек наиболее способен прийти в соприкосновение со всем духовным, чтобы

преодолеть категории времени и пространства и прикоснуться к вечности. В такие моменты человек опытно познает, что его существо шире того, что ум его знает, что его личность глубже того, что его сердце предчувствует, что он имеет точки соприкосновения с чем-то, превосходящим время и пространство. Вот и Иван, в наипугливший момент своей жизни, неопровержимо убедился, что в создании его философии и этики участвовала некая надразумная, надвременная и надпространственная сила, становящаяся кошмаром, как только пытается воплотиться, войти во время и пространство. Иван чувствует присутствие этой нежеланной силы; а она доказывает свою реальность некими таинственными, но воздействующими на чувства доказательствами. Да, она постепенно объективизируется и измученного Ивана вынуждает принять ее как объективную реальность. Даже чувства Ивана вынуждены принять ее как реальность: в его глазах эта таинственная сила из точки, из эмбриона, вырастает в некую полуреальную личность — полуреальную в плане физическом, но неопровержимо реальную в плане идейном, духовном, метафизическом. Однако ужас Ивана заключается особенно в том, что он неизменно чувствует свое психическое родство с этой кошмарной личностью, в которой на его глазах осуществляется таинственный переход из физичности в метафизичность, из времени в вечность. Иван протестует всем существом своим: он обставился и оградились законами логики, и ничто надлогическое не имеет права вторгаться в обитель его. Ему хватает страданий, причиняемых временем и пространством, и никто не имеет права навязывать

ему существование вечности. Ему нужен закрытый универсум — не нужны окна, которые смотрят в вечность. Но его таинственный гость не спрашивает разрешения. Необъяснимым способом он мыслит мыслями Ивана. Более того, он завершает Ивановы мысли, его хаотическому психическому состоянию придает определенные формы, облакает в слова проблески мыслей, удваивает Иваново сознание, философствует философией Ивана и напештывает ему новые мысли, новые теории, новую идеологию и новую этику. Если спрашивать, кто этот таинственный гость, можно ли его определить в известных категориях, Иван отвечает прямо и просто: это черт. Достоевский же отвечает: это кошмар-черт. Он так отвечает и добавляет, что вся тайна философии и этики Ивана заключается в его интеллектуальном союзе с кошмар-чертом. Их интеллекты настолько близко сопрягаются, что Иван и кошмар-черт имеют одну философию. В одном из наиболее интересных диалогов Достоевский эту их философию нам излагает. Кошмар-черт — экспонент, носитель этой философии; она имеет четыре догмата: 1) неприятие этого мира Божьего; 2) неприятие Христа, Божьего Логоса; 3) все позволено; 4) создание человека-бога.

Свой первый догмат кошмар-черт обосновывает и оправдывает просто артистически. Он представляет этот мир как нечто сотворенное из наилучшей субстанции, нечто такое, что своим чудовищным устройством изгоняет и уничтожает всё ангельское и сущностное добро. «...Обыкновенно в обществе принято за аксиому, что я падший ангел. Ей-Богу, не могу представить, каким образом я мог быть когда-нибудь ангелом. Если и был когда, то

так давно, что не грешно и забыть»¹. Безграничные пространства, окружающие землю и зияющие ужасом, наполнены таким холодом, что все имеваемое человеком и духом должно замерзнуть и заледенеть.

«...В пространствах-то этих, в эфире-то, в воде-то этой, я же все над твердню, — ведь это такой мороз... то есть какой мороз, — это уж и морозом назвать нельзя; можешь представить: сто пятьдесят градусов ниже нуля! Известна забава деревенских девок: на тридцатиградусном морозе предлагают новичку лизнуть топор; язык мгновенно примерзает, и олух в кровь сдирает с него кожу; так ведь это только на тридцати градусах, а на ста-то пятидесяти да тут только палец, я думаю, приложить к топору — и его как не бывало, если бы... только там мог случиться топор...

— А там может случиться топор? — рассеянно и гадливо перебил вдруг Иван Федорович.

Он сопротивлялся изо всех сил, чтобы не поверить своему бреду и не впасть в безумие окончательно.

— Топор? — переспросил гость в удивлении.

— Ну да, что станется там с топором? — с каким-то свирепым и настойчивым упорством вдруг вскричал Иван Федорович.

— Что станется в пространстве с топором? *Quelle idée!* Если куда попадет подальше, то примется, я думаю, летать вокруг земли, сам не зная зачем, в виде спутника»².

Топор как спутник земли — это, как нам представляется, одна из самых дьявольских идей, какие

¹ Братья Карамазовы. С. 721.

² Там же. С. 723—724.

могли быть зачаты и рождены в этом мире: облетая землю, он невольно уничтожает каждое человеческое существо, которое посмеет подняться над поверхностью земли. В земной атмосфере человек заключен, как в стальном шаре, пределы которого охраняет топор, уничтожая всех удаляющихся от земли.

Мир так отвратительно устроен, что кошмар черт отрицает его, отрицает страстно и безоговорочно. Он, пожалуй, и мог бы сносить эту тиранию, если бы она была внешней, транс-субъективной реальностью. Но самый большой ужас его в том, что Творец сделал отрицание имманентным его самосознанию, то есть сделал для него так: отрицать — значит существовать. «Каким-то там довременным назначением, которого я никогда разобрать не мог, я определен "отрицать"»³, — говорит он Ивану.

Отрицать все сотворенное, все существующее, не принимать мир, всегда утверждать, что мир «herzlich schlecht»⁴, — это сущность Иванова кошма-

³ Там же. С. 725.

⁴ Goethe. Faust. Prolog im Himmel.

Der Herr.

Hast du mir weiter nichts zu sagen?

Kommst du nur immer anzuklagen?

Ist auf der Erde ewig dir nichts recht?

Mephistopheles:

Nein, Herr! ich find' es dort, wie immer, herzlich schlecht.

Гете. Фауст. Пролог на Небесах.

Господь: Ты кончил? С жалобой одною

Являешься ты вечно предо мною!

Иль на земле добра совсем уж нет?

Мефистофель:

Нет, что ни говори, а плох наш белый свет!

(Перевод Н. Холодковского)

ра и Фаустова Мефистофеля, это сущность всякого демонизма вообще:

Я отрицаю все — и в этом суть моя.

Затем, что лишь на то, чтоб с громом провалиться,

Годна вся эта дрянь, что на земле живет.

Не лучше ль было б им уж вовсе не родиться!

(Перевод Н. Холодковского)⁵

Главная роль дьявола — критиковать творение Божье и отрицать. Он первый критик и основоположник критицизма. Так устроенный мир сей является постоянным оскорблением для его самосознания. Но он умело защищает себя: не он в ответе за этот мир, ибо не он сотворил его. Более того, кошмар-черт утверждает, что он предопределен для отрицания, так как без отрицания нет критики. А без «отделения критики» чем был бы этот журнал, называемый жизнью? Без критики была бы только «осанна». Однако для жизни мало одной «осанны», нужно, чтобы «осанна» проходила через горнило сомнений. «Ну, и выбрали козла отпущения, заставили писать в отделении критики, и получилась жизнь. Мы эту комедию понимаем: я, например, прямо и просто требую себе уничтожения. Нет, живи, говорят, потому что без тебя ничего не будет»⁶. Жизнь — комедия; трагедия же людей в том, что они эту комедию принимают за нечто серьезное. Дьявол понимает это и потому стремится к самоуничтожению. Но ему не дают

⁵ Так Мефистофель представляется Фаусту (Goethe. Faust. Erster Theil):

Ich bin der Geist, der stets verneint!
Und das mit Recht; denn Alles, was entsteht,
Ist werth, dass es zu Grunde geht;
Drum besser wär's, dass nichts entstande.

⁶ Братья Карамазовы. С. 725.

уничтожить себя, потому что он необходим для жизни и творит все «по приказу»⁷. «Честь добра кто-то берет всю себе, — говорит он, — а мне оставлены в удел только пакости»⁸. Он касается основ бунта Ивана: «...страдание-то и есть жизнь. Без страдания какое было бы в ней удовольствие; все обратилось бы в один бесконечный молебен: оно свято, но скучновато»⁹. Собственно, страдание можно было бы и вытерпеть, если бы оно было лишь атрибутом нашего трехмерного мира. Но ужас в том, что оно приходит с той стороны видимого мира сего. Чтобы дополнить свою богоборческую космологию, кошмар-черт говорит Ивану, что в ином мире они имеют то же, что мы имеем в этом мире, т.е. имеют все виды абсурдности, суеверий, сплетен, особенно же много страданий, мук, мучений.

« — А какие муки у вас на том свете?.. — с каким-то странным оживлением прервал Иван.

— Какие муки? Ах, и не спрашивай: прежде было и так, и сяк, а ныне все больше нравственные пошли, "угрызения совести" и весь этот вздор. Это тоже от вас завелось, от "смягчения ваших нравов". Ну, и кто же выиграл, выиграла одни бессовестные, потому что ж ему за угрызения совести, когда и совести-то нет вовсе. Зато пострадали люди порядочные, у которых еще оставалась совесть и честь...»¹⁰.

Кошмарный гость говорит Ивану о бессмертии, о потусторонней жизни как о чем-то для него

⁷ Там же. С. 726.

⁸ Там же. С. 732.

⁹ Там же. С. 726.

¹⁰ Там же. С. 727.

очевидном — о том, что он непрестанно наблюдает, что является частью его самосознания. Он это не доказывает, а изображает, описывает, стараясь из этого как можно больше втиснуть в тесные оболочки человеческих понятий и слов. На эту вечную тему, «на нашу тему», как говорит он Ивану, у него есть анекдот, а точнее — легенда, и рассказывает: «Был, дескать, здесь у вас на земле один такой мыслитель и философ, "все отвергал законы, совесть, веру", а главное — будущую жизнь. Помер, думал, что прямо во мрак и смерть, а перед ним — будущая жизнь. Изумился и вознегодовал: "Это, говорит, противоречит моим убеждениям". Вот его за это и присудили <...> присудили, видишь, его, чтобы прошел во мраке квадриллион километров <...>, и когда кончит этот квадриллион, то тогда ему отворятся райские двери и все простят... <...> Ну, так вот этот осужденный на квадриллион постоял, посмотрел и лег поперек дороги: "не хочу идти, из принципа не пойду!" <...> Он пролежал почти тысячу лет, а потом встал и пошел. <...> А только что ему отворили в рай, и он вступил, то, не пробыв еще двух секунд <...> воскликнул, что за эти две секунды не только квадриллион, но квадриллион квадриллионов пройти можно, да еще возвысив в квадриллионную степень!»¹¹.

Но в этот анекдот кошмар-черт влетает мысль о повторяемости происходящего на земле, чтобы еще сильнее отравить расслабленного Ивана, примерно так, как эта же мысль позднее отравляла Ницше. «Да ведь теперешняя земля, может, сама-то миллиард раз повторялась; ну, отживала, леденела,

¹¹ Там же. С. 727—728.

трескалась, рассыпалась, разлагалась на составные начала, опять вода, яже бе над твердню, потом опять комета, опять солнце, опять из солнца земля — ведь это развитие, может, уже бесконечно раз повторяется, и все в одном и том же виде, до черточки. Скучища неприличнейшая...»¹².

Но поскольку земля комично создана, поскольку она — самый что ни есть дьявольский хаос, поскольку весь мир почивает в абсурде, то вечное повторение мира является не чем иным, как вечным повторением всех абсурдов и комизмов.

Ивана невыносимо мучает его кошмарный гость; ему бы хотелось логически охарактеризовать это создание, так смело философствующее и говорящее о земле, словно о каком-то гнилом яблоке, которое держит в руке. Гость тоже чувствует этот немой вопрос и пробует охарактеризовать себя сам, говоря Ивану: «Я — икс в неопределенном уравнении. Я — какой-то призрак жизни, который потерял все концы и начала, и даже сам позабыл, наконец, как и назвать себя. Ты смеешься... нет, ты не смеешься, ты опять сердисься. Ты вечно сердисься, тебе бы все только ума, а я опять-таки повторю тебе, что я отдал бы всю эту надзвездную жизнь, все чины и почести за то только, чтобы воплотиться в душу семипудовой купчихи и Богу свечки ставить.

— Уж и ты в Бога не веришь? — ненавистно усмехнулся Иван.

— То есть как тебе это сказать, если ты только серьезно...

¹² Там же. С. 728.

— Есть Бог или нет? — опять со свирепою настойчивостью крикнул Иван.

— А, так ты серьезно? Голубчик мой, ей-Богу не знаю, вот великое слово сказал.

— Не знаешь, а Бога видишь? Нет, ты не сам по себе, ты — я¹³, то есть я и более ничего! Ты — дрянь, ты — моя фантазия!

— То есть, если хочешь, я *одной с тобой философии*, вот это будет справедливо. Je pense donc je suis, это я знаю наверно, остальное же все, что кругом меня, все это миры, Бог и даже сам сатана — все это для меня не доказано, существует ли оно само по себе или есть только одна моя эманация, последовательное развитие моего я, существующего до временно...»¹⁴.

«*Я одной с тобой философии*», — говорит кошмар-черт Ивану и тем самым открывает тайну Ивановой рационалистической философии. Она — плод таинственной сопряженности психических творческих сил Ивана с теми же силами кошмар-черта. Непостижимо, таинственно кошмарная демоническая сила пронизывает личность Ивана, пронизывает его мысли, чувства, желания. Она как-то полувоплощена в нем, и Иван совершенно не способен с определенностью отличать себя от нее. Он чувствует не только сходство, но и неопровержимое генетическое родство между своими мыслями и мыслями и словами кошмар-черта. И он в болезненно-яростном отчаянии кричит: «...*Это я, я сам говорю, а не ты!*»¹⁵ <...> Ты — я, сам я, только с другой рожей. Ты именно говоришь то, что я

¹³ Курсив Достоевского.

¹⁴ Там же. С. 726.

¹⁵ Курсив Достоевского.

уже мыслю... <...> Ты ложь, ты болезнь моя, ты призрак. Я только не знаю, чем тебя истребить, и вижу, что некоторое время надобно пострадать. Ты моя галлюцинация. Ты воплощение меня самого, только одной, впрочем, моей стороны... моих мыслей и чувств, только самых гадких и глупых. <...> Только все скверные мои мысли берешь, а главное — глупые. Ты глуп и пошл. Ты ужасно глуп. Нет, я тебя не вынесу! Что мне делать, что мне делать!»¹⁶.

Весьма существенно, что мысли о неприятии мира и Бога Иван относит к своим самым мерзким и глупым мыслям. Это знак, что Иванова старая критериология начала уступать место новой, диаметрально противоположной критериологии. Но процесс замены одной критериологии на другую невообразимо болезнен для такой искренней и безоглядной натуры, как Иван. Кошмарное присутствие дьявола навязывает ему, чтобы он признал новую реальность бытия — существование дьявола, чего он не признавал и не желал никогда признавать. «Ни одной минуты не принимаю тебя за реальную правду»¹⁷, — яростно кричит Иван своему гостю. «Нет, ты не сам по себе, ты — я, ты есть я и более ничего!»¹⁸; «Ты глуп, ты ужасно глуп! <...> Ты хочешь побороть меня реализмом, уверить меня, что ты есть, но я не хочу верить, что ты есть! Не поверю!!»¹⁹ Кошмар же на это отвечает: «Это в Бога в наш век ретроградно верить, а ведь я черт, в меня можно»²⁰.

¹⁶ Там же. С. 719, 720, 721.

¹⁷ Там же. С. 720.

¹⁸ Там же. С. 726.

¹⁹ Там же. С. 724.

²⁰ Там же. С. 725.

Иван изо всех сил противится, не желает верить в реальность полу-реального и полу-фантастического явления своего гостя. Ему непонятен такой метод доказательства реальности своего существования. Но гость открывает ему тайну своего метода. «Я тебя вожу между верой и безверием попеременно, и тут у меня своя цель. Новая метода-с. Ведь когда ты во мне совсем разуверишься, то тотчас меня же в глаза начнешь уверять, что я не сон, а емь в самом деле, я тебя знаю: вот я тогда и достигну цели, а цель моя благородная»²¹. — «Оставь меня, ты стучишь в моем мозгу как неотвязный кошмар, — болезненно простонал Иван, в бессилии пред своим видением, — мне скучно с тобою, невыносимо и мучительно! Я бы много дал, если бы мог прогнать тебя!»²².

Труднее всего — и онтологически почти невозможно — освободиться от своего самосознания; и нет на этом свете большего ужаса, чем наблюдать в своем самосознании самую страшную и самую мерзкую реальность. Иван, возможно, и освободился бы от кошмарного присутствия своего гостя, если бы тот не был полу-воплощением его самосознания. Под ударами ужасов жизни самосознание Ивана разрослось до крайних пределов, а кошмарный гость умело и незаметно ведет Ивана через отчаяние в безумие, через неприятие мира к неприятию Христа. Он на это предопределен и вынужден природой своего несчастного христорборческого сознания; виноват, дескать, не он, кошмар-черт, а Творец, создавший его злым!

²¹ Там же. С. 729.

²² Там же. С. 731.

Насколько имеет свободы, он добр и предобр! Ивану он говорит: «Мефистофель, явившись к Фаусту, засвидетельствовал о себе, что он хочет зла, а делает лишь добро²³. Но это как ему угодно, я же совершенно напротив. Я, может быть, единственный человек во всей природе, который любит истину и искренно желает добра. Я был при том, когда умершее на Кресте Слово восходило в небо, неся на персях Своих душу распятого одесную разбойника, я слышал радостные взвизги херувимов, поющих и вопиющих: "Осанна!", — и громовой вопль восторга серафимов, от которого потряслось небо и все мироздание. И вот, клянусь же всем, что есть свято, я хотел примкнуть к хору и крикнуть со всеми: "Осанна!" Уже слетало, уже рвалось из груди... <...> Но здравый смысл — о, самое несчастное свойство моей природы — удержал меня и тут в должных границах, и я пропустил мгновение! Ибо что же, подумал я в ту же минуту, — что же бы вышло из моей-то "осанны"? Тотчас бы все угасло на свете и не стало бы случаться никаких происшествий. И вот, единственно по долгу службы и по социальному моему положению я принужден был задавить в себе хороший момент и остаться при пакостях... <...> Почему изо всех существ в мире только я лишь один обречен на проклятия <...>? Я ведь знаю, тут есть секрет, но секрет мне ни за что не хотят открыть, потому что я, пожалуй, тогда, догадавшись, в чем дело, рявкну

²³ На вопрос Фауста: «*Wer bist du denn?*», т.е. «Так кто же ты?», Мефистофель отвечает: «*Ein Theil von jener Kraft, — Die stets das Böse will und stets das Gute schafft!* — *Faust. Erster Theil.*, т.е. «Часть вечной силы я, всегда желавшей зла, творившей лишь благое!» (Пер. Н. Холодковского.)

“осанну”, и тотчас исчезнет необходимый минус... Я ведь знаю, в конце концов я помирюсь, дойду и я мой квадриллион, и узнаю секрет. Но пока это произойдет, будирую, и, скрепя сердце, исполняю мое назначение: губить тысячи, чтобы спасся один. <...> Нет, пока не открыт секрет, для меня существуют две правды: одна тамошняя, ихняя, мне пока совсем неизвестная, а другая моя. И еще неизвестно, которая будет почище...»²⁴.

Эта удивительная апология неприятия Христа имеет так много Ивановаго, так много его биографически личного, что может быть известна только тому, кто из самого центра самосознания Ивана наблюдал таинственное зачатие и развитие его философии неприятия Христа. Причем не только наблюдал, но и активно участвовал. Здоровый ум, эвклидовский ум — вот то свойство, которое удерживает и Ивана, и его гостя принять Христа как Логос мира. Но Ивану ужасно больно оттого, что его кошмарный гость бесцеремонно и нагло забирается в последние тайники его души, и он злобно выговаривает: «...Все, что ни есть глупого в природе моей, давно уже пережитого, перемолотого в уме моем, отброшенного, как падаль, — ты мне же подносишь как какую-то новость»²⁵.

Особенно важно отметить эту Иванову покаянную исповедь, в которой он свое рационалистическое неприятие Христа называет глупым и давно отброшенным. Но когда дьявол ему заявляет, что в своей апологии неприятия Христа он имел в виду автора поэмы, которая носит название «Великий Инквизитор», Иван, весь покраснев от стыда,

²⁴ Братья Карамазовы. С. 731 — 732.

²⁵ Там же. С. 733.

кричит: «Я тебе запрещаю говорить о "Великом Инквизиторе"!» <...> Молчи, а то я убью тебя!».

Но, не обращая внимания на угрозы Ивана, кошмарный гость смело и подробно излагает Ивану его же план об уничтожении в человеке идеи о Боге, об уничтожении прежнего мировоззрения и прежней морали, о создании человеко-бога, о смертности человека и его души, о новом человеке и новой морали: «все позволено». Он говорит с воодушевлением, упиваясь своим красноречием и насмешливо поглядывая на Ивана, а Иван, не в силах больше выдержать, хватает вдруг со стола стакан и швыряет в оратора. Как раз в этот момент заходит Алеша с известием, что Смердяков повесился. Иван же ему говорит:

« — А ведь я знал, что он повесился.

— От кого же?

— Не знаю, от кого. Но я знал. Знал ли я? Да, он мне сказал. Он сейчас еще мне говорил...

— Кто он²⁶? <...>

— Он улизнал. <...> Он тебя испугался, тебя, голубя. Ты «чистый херувим». Тебя Дмитрий херувимом зовет. Херувим... Громовый вопль восторга серафимов! Что такое серафим? Может быть, целое созвездие. А может быть, все-то созвездие есть всего только какая-нибудь химическая молекула... <...>

— Брат, сядь! <...> Сядь, ради Бога, на диван. Ты в бреду... <...>

— Нет, нет, нет! — вскричал вдруг Иван, — это был не сон! Он был, он тут сидел, вон на том диване. <...> Он ужасно глуп, Алеша, ужасно глуп... <...>

— Кто глуп? Про кого ты говоришь, брат?

²⁶ Курсив Достоевского.

— *Черт!* Он ко мне повадился. Два раза был, даже почти три. <...> Но он не сатана, это он лжет. Он самозванец. Он просто черт, дрянной, мелкий черт. <...> Раздень его и наверно отыщешь хвост длинный, гладкий... <...>

— И ты твердо уверен, что кто-то тут сидел? — спросил Алеша.

— Вот на том диване, в углу. Ты бы его прогнал. Да ты же его и прогнал: он исчез, как ты явился. Я люблю твое лицо, Алеша. <...> А он²⁷, — это я, Алеша, я сам. Все мое низкое, все мое подлое и презренное! <...> Он надул меня, как мальчишку. Он мне, впрочем, сказал про меня много правды. Я бы никогда этого не сказал себе. Знаешь, Алеша, знаешь <...> я бы очень желал, чтоб он в самом деле был он²⁸, а не я!»²⁹.

Иван мучительно чувствует и осознает, что дьявол вплетен в его самосознание, что он — главная творческая сила его атеизма и анархизма, а точно так же мучительно чувствует и осознает, что его натура не может вынести такого интимного единения с дьяволом. Его униженная натура восстает против его дьявольской логики, против его дьявольской философии и этики, и он идет в суд, где рассматривается дело об убийстве его отца — Федора. Там он делает заявление, что убийца — Смердяков, а не Дмитрий Карамазов.

« — Он убил, а я его научил убить...

— Вы в уме или нет? — вырвалось у председателя.

²⁷ Курсив Достоевского.

²⁸ Курсив Достоевского.

²⁹ Там же. С. 736, 737, 738.

— То-то и есть, что в уме... и в подлом уме... <...>
Успокойтесь, не помешанный, я только убийца! <...>

— Кто ваш свидетель?

— С хвостом, ваше превосходительство... *Le diable n'existe point!* Не обращайтесь внимания, *грянной, мелкий черт...*³⁰.

Тайна личности Ивана раскрыта: близкая дружба и союз с дрянным дьяволом. Как дьявол говорит Ивану: «Сатана *sum et nihil humanum a me alienum puto*»³¹, с той же уверенностью Иван может ему сказать: *Homo sum et nihil satanicum a me alienum puto*. Найдена *prima causa* Ивановой личности и всех отрицательных, атеистических и анархических типов. Тайна их философии и этики раскрыта. Подпольная человеко-мышь достигла последней и окончательной полноты своей личности — стала человеко-богом = человеко-дьяволом.

³⁰ Там же. С. 775 — 776.

³¹ Там же. С. 723. Ставрогин также сознает участие дьявола в его жизни. На слова Дарьи Павловны: «Да сохранит вас Бог от вашего демона» — он отвечает: «О, какой мой демон! Это просто маленький, гаденький золотушный бесенок с насморком» (Бесы. С. 284). Раскольников исповедуется Соне, что черт его навел на убийство старухи, «а уж после того мне объяснил, что не имел я права туда ходить, потому что я такая же точно вошь, как и все!» (Преступление и наказание. С. 417.)

Глава V

Достоевский — легион

Вера в человека — самая страшная и самая заразная из болезней, которыми болеет современное человечество. Она пронизывает деятельность и творчество европейского человека. Вся европейская культура вылупилась из этой веры в человека. Тип европейского человека развился и сформировался на этой вере. И вполне закономерно, что вера в человека развилась в обожание человека, которое обретает свою окончательную форму в человекоумии. Человекоцентризм неминуемо заканчивается человекопоклонством. А как итог: лишь человека следует уважать, следует обожать; не нужны иные боги, кроме человека.

Психологический анализ этой веры в человека Достоевский дает нам в своих отрицательных типах — в отважных борцах за человека и его личность, в создателях человеко-бога. Следя за развитием этой веры от эмбриона до окончательного расцвета, Достоевский нам не только показывает, но и неопровержимо доказывает, что человек как человек, в своей эмпирической данности, не обладает такой силой, которая бы сделала его способным быть единственным создателем и осуществителем своей личности. Сам по себе человек никогда не способен найти центр и периферию

человеческой личности и отделить человеческое от нечеловеческого. Он не может найти формулу человека, собственно человека. Более того, он совершенно не способен быть настоящим мерилom себя самого, чтобы объяснить собою себя для себя, понять себя через себя. В этом плане всех представленных Достоевским создателей человеко-бога можно принять как непревзойденное психологическое иллюстрирование глубокой мысли апостола Павла: *Они измеряют себя самими собою и сравнивают себя с собою неразумно*¹.

Но главное, наиглавнейшее открытие Достоевского заключается в том, что он обнаружил основные психические причины современного атеизма, анархизма и нигилизма, что нашел сверхэмпирический корень зла. Как провидец, он не мог ограничиться самой видимой поверхностью современного индивидуального и социального зла, а отважно погрузился в его неизведанные глубины и открыл, к большому и неожиданному удивлению многих, что основная психологическая причина современного атеизма и анархизма — дьявол, который невидимо использует эвклидовский ум человека в качестве своего посредника. Человек — не причина этого зла, а со-причина; и он, даже если бы хотел, не мог бы в себе найти такую огромную и первоосновную силу, чтобы самому быть единственной причиной всеобщего зла. Человеческая природа не чиста, но такова она потому, что всецело поражена метафизической нечистотой, имя которой — дьявол. Надчувственно и надразумно, но все же ощутимо и реально, эта метафизическая сила

¹ 2 Кор. 10: 12.

захватывает мыслительные способности духа человеческого, и, когда человек оформляет мысль, эта нечистота участвует в данном акте как творческая сила; тогда *je pense donc je suis* означает *je pense donc je suis et le diable est*, ибо в этом случае мысль человеческая — не что иное, как психологическое доказательство существования дьявола. Более того, вся тварь, вся вселенная, объясняемая такой человеческой мыслью, неминуемо становится космологическим доказательством существования дьявола.

Мы, конечно же, вполне осознаем, что такими выводами о существовании дьявола многие будут раздражены. И нас это не удивляет, поскольку такие роли берут на себя люди с куцыми мыслями, беззаботно живущие на эгоистическом клочке своей индивидуальной жизни, а потому их мысли не ищут ни начала, ни конца таких явлений, как атеизм и анархизм. Мы же это делаем потому, что излагаем философию Достоевского, который не имел покоя в мятежном духе своем, пока не открыл неопровержимо первооснову этих явлений. Искренность и невиданную смелость Достоевского в высказывании и защите своих убеждений невозможно оспорить, что бы ни говорилось.

А если кого-то можно назвать великомучеником атеизма и анархизма, то это Иван Карамазов. Никто никогда так по-великомученически смело и искренно не исповедовал основных догматов атеизма и анархизма — неприятие мира, неприятие Христа, «все позволено», создание человекобога. Но точно так же никто, как он, не имел смелости признать, что эти догматы — основные догматы философии и этики дьявола, нашептываемые им человеку. Иван смело и искренно утверждал,

что нет ни Бога, ни дьявола; но он так же смело и искренно признал, что есть дьявол. Психологический анализ его личности нам это неоспоримо доказывает. Сам Достоевский опытно и реально убедился в существовании дьявола. Поэтому он решительно заявляет: «Неверие в дьявола есть французская мысль, есть легкая мысль»². Физическая и метафизическая сила зла своей беспощадной реальностью настолько превосходит все именующееся человеком, что абсолютно невозможно видеть в человеке его начальную и конечную творческую причину. Человек представляет зло, но не является злом в сущности. Он представляет зло, потому что разделяет злую логику, злую волю и злоумие дьявольское. Его логика сорастворяется с логикой злого духа, а ум его — со злоумием, посему для дьяволу подчиненной личности преступление и грех становятся не только законными и позволительными, но признаются ими как «самый необходимый и самый умный выход»³. Для дьяволу подчиненного интеллекта рациональность, логичность греха является очевидной истиной, ибо грех — «логика и сущность сатаны»⁴. Поэтому все дьяволу подчиненные герои романа Достоевского «Бесы» видят в преступлении, в грехе — логику и суть своей жизни и всякой жизни вообще; поэтому для всех создателей человеко-бога аксиома «*alles ist erlaubt*»⁵ логична и необходима, поэтому для

² Идиот. С. 404.

³ Братья Карамазовы. С. 85.

⁴ Так определяет грех св. Макарий Великий: *Homil*, XV, 40; P.Gr. t. 34, col. 609 B.

⁵ Nitzsche. Also Sprach Zarathustra, *Der Schatten*, Vierter Teil; и в изложении этого принципа Достоевский является предтечей Ницше.

логики Фауста, подчиненной Мефистофелю, «erlaubt» погубить простодушную Маргариту. Грех — рациональность и логика этой ужасной жизни, поэтому Великий инквизитор разрешает грех своей санкцией⁶. Сорастворяясь с умом человеческим, дьявол порабощает и волю человеческую, ферментирует ее злом и использует ее как свое орудие. Поэтому все создатели человеко-бога вращаются вокруг оси личного своеволия, которое по сути своей есть не что иное, как воля человеческая, пронизанная волей злого духа. Своеволье сосредоточивает человеческую личность в солипсическом эгоизме. Как гениальный аналитик и чрезвычайно глубокий исследователь психологии дьявола, Достоевский особо подчеркнул неспособность дьявола воплотиться⁷, т.е. выйти из тесной оболочки солипсического эгоизма и воплотиться посредством жертвенного подвига любви. Корень греха, грех в его метафизической сущности, представляет собой настойчивое утверждение: Я = Я.

«Грех — в нежелании выйти из состояния самоощущения, из тождества "Я = Я", или, точнее, "Я"! Утверждение себя как себя, без своего отношения к другому, т.е. к Богу и ко всей твари, само-упорного невыходения из себя и есть коренной грех или корень всех грехов. Иными словами, грех есть та сила охранения себя как себя, которая делает личность "самоистуканом"⁸, идолом себя, "объясняет" "Я" через "Я" же, а не через Бога, обосновывает "Я" на "Я", а не на Боге. Грех есть то коренное

⁶ Братья Карамазовы. С. 300.

⁷ Там же. С. 722 и 726.

⁸ Канон Вел. Андрея Критского — четверток первой седмицы Великого поста, песнь 4, троп. 7.

стремление "Я", которым "Я" утверждает в своей способности, в своем единении и делает из себя единственную точку реальности. Грех есть то, что закрывает от "Я" всю реальность, ибо видеть реальность — это именно значит выйти из себя и перенести свое "Я" в не-"Я", в другое, в зримое, т.е. *полюбить*. Отсюда грех есть то средостение, которое "Я" ставит между собою и реальностью. <...> Грех есть непрозрачное — мрак, мгла, тьма, почему и говорится: *Тьма ослепила ему глаза* (1 Ин. 2:11)⁹. Грех в своем беспримесном, предельном развитии, т.е. *геенна* — это тьма, беспросветность, *без-светлостность*, мрак, *σχότος*. Свет есть являемость реальности; тьма же, напротив, отъединенность, разрозненность реальности, — невозможность явления друг другу, невидимость друг для друга. Само название *ада* или *Auga* указывает на такой геенский разрыв реальности, на обособление реальности, на солипсизм, ибо там каждый говорит: "*Solus ipse sum!*" На самом деле, *Ἄδης* (*Ἄιδης* — изначально) *Ἀΐδης* происходит от *ΐδ* (= русскому и сербскому "вид"), которое образует глагол *ἰδ-εἶν* — видеть и *ἄ* *privativum*. *Ад* — это то место, то состояние, в котором нет *видимости*, которое лишено "*видимости*", которое не видно и в котором не видно»¹⁰.

Анализируя личности своих отрицательных типов до исходных психофизических праоснов, Достоевский обнаружил, что зло, грех — таинственная сила, которая обезличивает человеческую личность, которая разваливает, дезинтегрирует целостность

⁹ В Св. Писании есть еще много мест, где тьма является синонимом греха.

¹⁰ Флоренский П.А. Столпъ и Утверждение Истины. М., 1914. С. 177—178.

и целесообразность ее. Самый детальный, самый гениальный анализ и иллюстрацию этого Достоевский представляет нам в образе Раскольникова, неподражаемо описывая зачатие греха, его неприметное постепенное вращание во все психофизические составляющие Раскольникова, пока полностью не овладеет им и не сделает его своим орудием. А наряду с этим Достоевский основательно наблюдает и описывает постепенную дезинтеграцию человеческого ума, который пронизан грехом, постепенную дезинтеграцию человеческой воли и всех психических и физических составляющих человеческой личности, которые заражены микробами греха. В Раскольникове, на самом деле, произошел большой и страшный раскол, причина которого — воле-интеллектуальное подчинение греху. Раскольников является *раскольником*, ибо грех, зло — единая раскольническая сила, которая в человеческой личности раскол совершает. Эту раскольническую силу в Раскольникове Достоевский проанализировал поразительно, до мельчайших деталей ее сущности, и обнаружил, что эта злая сила, по преимуществу, одарена интеллектом и волей, что она входит в человека и действует с помощью человеческого интеллекта и человеческой воли и что посредством их доводит человека и общество до полной дезинтеграции, т.е. до безумия и смерти.

Раскольникову приснился сон, будто бы весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, которая из глубин Азии приходит в Европу. Все должны были погибнуть, кроме весьма немногочисленных избранных. Появились какие-то новые трихины, новые микробы, существа микроскопические, вселявшиеся

в тела людей. Но эти существа были духи, *огаренные умом и волей*. Люди, принявшие их в себя, тотчас же становились бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшестввовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, *что считать злом, что добром*. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. В городах целый день били в набат: созывали всех, но кто и для чего зовет, никто не знал того, а все были в тревоге. Оставили самые обыкновенные ремесла, потому что всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледелие. Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, — но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сей час же предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались пожары, начался голод. Все и всё погибало. Язва росла и по-двигалась дальше и дальше¹¹.

¹¹ Преступление и наказание. С. 542—543.

Этот сон Раскольникова можно вполне воспринимать как настоящий пролог романа «Бесы». В нем Достоевский с поразительной убедительностью показывает и иллюстрирует, как атеизм и анархизм — микробы бешенства — захватывают человеческую природу, доводят ум до безумия и всю душу до безрассудства, как из людей создаются бесы, а из героев — антигерои. Анархически беспринципно и атеистически безбоязненно все бесы работают на социализацию зла. Вот их миссия: быть злым до безумия и социализировать зло до всеобщего безумия. Средствами для этого являются разнообразные преступления, которые они придумывают и обосновывают своим от зла обезумленным умом и дьяволу подчиненным своеволием. Можно даже сказать, что этот роман Достоевского — исключительно и психологически верно составленная современная биография старого евангельского легиона. Достоевский и дал в качестве эпитафии к названному произведению евангельский текст о происшествии с легионом (Лк. 8: 27 — 37). Кажется, будто евангельский легион вселился в бесов Достоевского и живет их жизнью. Их интеллектуальные силы, взятые в подчинение легионом, дробятся, легионируются, пребывая в гробах солипсического-эгоистического рационализма; силы их воли, взятые в подчинение легионом, легионируются и пропадают, поскольку живут собой, питаются собой, собственным гордым и безумным своеволием. Используя свой легионизированный ум, Кириллов делает логически заключение, что самоубийство, т.е. полная дезинтеграция человеческой личности, — единственный способ человеку

стать новым человеком, человеко-богом. Он и убивает себя «с рассудка»¹².

Вообще, Достоевский, как никто иной, проследил до самого корня индивидуальное и социальное зло современного человечества, гениальным психологическим анализом показал и убедительнейшим образом доказал, что единственным творцом зла является дьявол, который постоянно и неустанно создает свою дьяволодицею при помощи дьяволу подчиненного интеллекта атеистов и дьяволу подчиненной воли анархистов. Наряду с этим Достоевский новым и до него неизвестным способом доказал, что дьявол является крайним и закоренелым рационалистом. Он доказал это, обнаружив и раскрыв, что дьяволов метод завоевания человека — конрационализирование, т.е. сорастворение разума его с разумом человека, первым, главным и постоянным признаком которого является интеллектуальная гордыня. Этот интеллектуальный союз их особенно проявляется в бунте против Бога и анархическом бунте против человека. Если возропщет на Бога человек — это признак, что он заразился сатанинской гордыней. «О гордости же сатанинской, — пишет Достоевский, — мысляю так: трудно нам на земле ее и постичь, а потому сколь легко впасть в ошибку и приобщиться ей, да еще полагая, что нечто великое и прекрасное делаем»¹³. Если заразится человек сатанинской гордостью, если разделяет жизнь этого метафизического злоумия, тогда от него неминуемо исходит богоборческий бунт, который обычно

¹² Бесы. С. 111.

¹³ Братья Карамазовы. С. 369.

заканчивается отрицанием Бога и мира, Им сотворенного. Такой человек попускает — вольно или невольно, сознательно или несознательно, — чтобы злоумная сила использовала его ум и сердце в качестве своего богоборческого «богословия», ибо θεολογία τῶν δαιμόνων всегда — θεομαχία¹⁴.

Настроение, которое делает человека безбожником, прежде всего нарушает духовный строй его, затем парализует ум и доводит до безумия. Безбожник неминуемо без-умец; безбожный не может не быть без-умным: ἄθεος = ἄφρων. Это Достоевский доказывает судьбами своих антигероев и подтверждает неоспоримую истинность мудрой мысли Псалмопевца: Рече безумен в сердце своем: несть Бог¹⁵.

Человеческая природа не терпит ни психической, ни физической относительности; если же сносит ее, то не иначе как объявив ее сначала своим абсолютom. Люди, настроенные безбожно, абсолютизируют это свое настроение и через него создают себе божество. Человеческая природа не может вынести жизни без божества, хоть какого, но божества. Это подтверждают отрицательные типы Достоевского. Их гордынеумие, рационалистический союз их с дьяволом разрастается в их божество. Но Достоевский знает и таких людей, которые намеренно и добровольно навечно связывают судьбу свою с нечистым духом, уходят в крошечную адскую вечность и полностью предаются сатане. «О, есть и во аде пребывающие гордыми и

¹⁴ Так говорит великий знаток не только психологии людей, но и психологии демонов — святой Иоанн Лествичник: Scala Paradisi; Migne, P. Gr. t. 88, col. 1068 A.

¹⁵ Пс. 14: 1 (13).

свирепыми <...> есть страшные, приобщившиеся сатане и гордому духу его всецело. Для тех ад уже добровольный и ненасытимый; те уже доброхотные мученики. Ибо *сами прокляли себя, прокляв Бога и жизнь*. Злобною гордостью своею питаются, как если бы голодный в пустыне кровь собственную свою сосать из своего же тела начал. Но ненасытимы во веки веков и прощение отвергают, Бога, зовущего их, проклинают. Бога Живаго без ненависти созерцать не могут и требуют, *чтобы не было Бога жизни, чтоб уничтожил Себя Бог и все создание Свое*. И будут гореть в огне гнева своего вечно, жаждать смерти и небытия. Но не получают смерти...»¹⁶.

Злобная, богоборческая гордость имеет свою вечность, свою солипсическую, эгоцентрическую вечность, ибо невозможно быть человеком и не этернизировать, увековечивать хотя бы одно свойство своей природы. Хочет человек или нет, что-то человеческое постоянно стремится к вечности и наконец становится вечным. Человек может не признавать существование вечности, но он не может сделать так, чтобы это самое непризнание не стало вечным свойством его самосознания. Трагедия его именно в этом — в неспособности уничтожить свое самосознание. В таинственной структуре человеческой природы всегда есть что-то вечное. Оно обычно в самом центре самосознания. Оно питает самосознание. Когда антигерои Достоевского упрямо и гордо твердят: «Нет Бога, нет бессмертия, нет дьявола», — Достоевский спускается в праосновы этих утверждений, исследует их

¹⁶ Братья Карамазовы. С. 373.

праначало и открывает, что в центре их самосознания — действует как творческая сила — дьявол. Своим атеистическим умом и анархической жизнью антигерои доказывают одно: дьявол есть. Но особая заслуга Достоевского в том, что он открыл метод действий дьявола в сфере человеческой природы: он незаметно, тайно забирается в самосознание человека, становится его неотделимой частью, постепенно и неприметно захватывает ум и все психические силы человека, так что человек незаметно чувствует его как себя, как содержание своего самосознания: мыслит посредством его, а считает, что мыслит сам по себе, чувствует посредством его, а считает, что чувствует сам по себе, желает посредством его, а считает, что желает сам по себе. Все свои силы дьявол методически использует на то, чтобы незаметно стать имманентным человеческому самосознанию. Открыв это, Достоевский стал самым большим знатоком дьявольской психологии и методологии. Дьявол был бы слишком глуп, если бы являлся людям с шумом и громом, как Мефистофель Фаусту. Гете не разгадал ни методологии, ни психологии дьявола. О Достоевском же смело можно сказать: он знает глубины сатанинские¹⁷. Он знает каждое искушение, которым сатана может искушать Сына Божьего и сынов человеческих. Это подтверждает его *Великий инквизитор*. В нем чувствуется кошмарное присутствие неотделимого сатаны, который проявляет себя через огромное, поражающее злоумие. По сравнению с сатаной Достоевского, Мефистофель Гете — прежде библиотека, нежели

¹⁷ Откр. 2: 24.

сатана. Гете повествует о сатане, у Достоевского же чувствуется присутствие сатаны. Поэтому многие критики идентифицируют Достоевского с дьяволом. В. Вересаев говорит, что он — «сподвижник дьявола»¹⁸. Отто Бирбаум заявляет, что он «...русского дьявола имел в своем теле! Да еще какого дьявола! Во скольких обликах! Легион дьяволов! Поэтому его произведения — настоящий пандемониум»¹⁹.

Все это правда, но правда также и то, что лишь таковым будучи Достоевский мог познать тайну дьявольской природы, познать его злоумие, его сущность, его методы; только такой Достоевский мог выявить, что дьявол — единственный обезличиватель человеческой личности и что все обезличивающие теории и силы исходят от него; только такой Достоевский мог разоблачить тайну деятельности дьявола, который с помощью дьяволу подчиненных человеческих личностей создает свою дьяволодицею.

Достоевский — пламенный борец за человеческую личность, Достоевский — бунтарный богоборец и христоровец. Достоевский — анархист и нигилист. Достоевский — сподвижник дьявола. Достоевский — русский легион... Только такой Достоевский мог реально и опытно почувствовать и познать всю отвратительную физическо-метафизическую мерзость дьявола, а также ниц пасть страстно и бесповоротно пред «Пресветлым Образом Богочеловека Христа» и стать христоустремленным Достоевским, христолюбивым и христолюбимым Достоевским.

¹⁸ Вересаев В. Живая жизнь. Москва, 1911. С. 208.

¹⁹ Bierbaum Otto J. Dostojewski, zweite Aufl. München, 1914. S. 49.

Часть вторая
Православная
теодицея

Глава I

Единственное утешение человечества

Достоевский несомненно и неопровержимо доказал одно: дьявол есть. Но если бы он не доказал так же несомненно и неопровержимо, что Бог есть, — горе ему, лучше было бы, чтобы его из колыбели сразу в гроб перенесли. Но еще хуже было бы нам, так как без Бога невозможно вынести ужасающее присутствие страшного дьявола Достоевского. От поверхности до сердцевины загорчил Достоевский жизнь наигорчайшей метафизической горечью, отравил ее отравой наужаснейшего скепсиса. Из бурлящего вулкана своей кипучей души неустрашимый исповедник атеизма извергает лаву огнедышащего отчаяния и затопляет несчастных жителей жалкой планеты нашей. Славянский «дьяволодицеист» имеет при себе устрашающие аргументы: мир и человечество за него; через существование вот такого мира и такого человека он доказывает существование дьявола. Мир дьяволу подчинен, и человек дьяволу подчинен. Такой, какой есть, мир — это результат или отчаяния, или безумия. Такой, какой есть, человек — это переход и проход для некоего беспредельного отчаяния, которое на своем бешеном пути временно облекается в него как в тело свое.

Дьявол есть. Но разве можно жить в мире, где дьявол есть, а Бога нет?

Можно, — отвечает Достоевский, — но такая жизнь неминуемо завершается сумасшествием или самоубийством; третьего не дано. Можно для многих; и эти многие пусть бросают якорь души своей в пучину отчаяния и остаются навсегда в нем. Но для бурной души Достоевского невозможно жить в мире, где дьявол есть, а Бога нет. Такой мир не дает покоя Достоевскому, а все время вынуждает его неустанно искать Бога, Который мог бы объяснить и оправдать все существующее; такой человек вынуждает Достоевского искать бессмертия, которое могло бы осветить и осмыслить этот смертный фрагмент, называемый человеческой жизнью. Без Бога мир — невыносимая бессмыслица; без бессмертия человек — воплощение непростительной насмешки. «Нет Бога, нет бессмертия — чего ради тогда жить?»¹ — вопиет Достоевский. Весь мир, весь человек, все человечество — дьяволу подчиненные и не могут быть смыслом жизни. Достоевский пробивается сквозь них, вырывается из людоедской пасти этого трехмерного чудовища и погружается в океан Вечности, разыскивая смысл жизни; он проходит через все временное и смертное в человеке, отыскивая в нем микроскопические остатки бессмертного и вечного. И после мучительных и долгих исканий он решительно и бесстрашно выражает опытом обретенное убеждение: «Без веры в свою душу и в ее бессмертие бытие человека неестественно,

¹ Биография и письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского. СПб., 1883.

немыслимо и невыносимо»². Только с помощью веры в свое личное бессмертие человек начинает быть человеком. В бессмертии человек обретает бессмертный смысл своей жизни, и в Вечном находит свое разрешение вечная проблема человеческой личности. «В результате ясно, что самоубийство, при потере идеи о бессмертии, становится совершенною и неизбежною даже необходимостью для всякого человека, чуть-чуть поднявшегося в своем развитии над скотами. Напротив, бессмертие, обещая вечную жизнь, тем крепче связывает человека с землей. Тут, казалось бы, даже противоречие: если жизни так много, то есть кроме земной и бессмертная, то для чего бы так дорожить земною-то жизнью? А выходит именно напротив, ибо только с верой в свое бессмертие человек постигает всю разумную цель свою на земле. Без убеждения же в своем бессмертии связи человека с землей порываются, становятся тоньше, гнилее, а потеря высшего смысла жизни несомненно ведет за собою самоубийство... Если убеждение в бессмертии так необходимо для бытия человеческого, то, стало быть, оно и есть нормальное состояние человечества, а коли так, то и самое бессмертие души человеческой *существует несомненно*³. Словом, идея о бессмертии — это сама жизнь, живая жизнь, ее окончательная формула и главный источник истины и правильного сознания для человечества»⁴. Лишь из этой одной веры в бессмертие души... выходит весь высший смысл и значение

² Дневник писателя. Т. X. С. 242.

³ Курсив Достоевского.

⁴ Там же. С. 426.

жизни, выходит желание и охота жить⁵. Эта вера есть единственный источник живой жизни на земле — жизни, здоровья, здравых идей и здравых выводов и заключений⁶.

Идея бессмертия неизбежно постулирует существование Бога. Без Бога она ирреальна, абстрактна, бессодержательна. «Бессмертие души и Бог — это все одно, одна и та же идея»⁷, — пишет Достоевский. Без идеи Бога идея личности невозможна; личность обусловлена Богом. Без Бога нет личности. Бессмертие души есть, потому что Бог есть; Бог есть, потому что бессмертие души есть. Одно содержится в другом; одно невозможно без другого. Бессмертие — в Боге. Бог имманентен бессмертной сущности человеческой личности. Присутствие Бога в человеческой природе проявляется в форме ощущения личного бессмертия. Если это ощущение разовьется в сознание, то оно от самосознания прокладывает самый надежный путь к богопознанию. В душе человеческой находится неопровержимое доказательство существования Бога. В этом его сила. Если бы это доказательство не было имманентным человеческому существу, его легко мог бы выдуть из человека ураган бунта Достоевского. Но оно имманентно, и потому естественно и неискоренимо. Оно — основа и потребность личности. Каждое чувство и каждая мысль, устремленные к беспредельности и бессмертию, — это плод таинственной деятельности Божией в тайнике человеческой личности. Без Бога — все смертно

⁵ См.: Там же. С. 427.

⁶ См.: Там же. С. 430.

⁷ Letters of F.M. Dostojevsky. Translated by E.C. Mayne. London, 1907. P. 222.

и проявляется через категорию смертности, с Богом и в Боге — бессмертие становится неопровержимой реальностью. «Если Бог есть, тогда я бессмертен»⁸, — с полным правом утверждает Достоевский. Чувство личного бессмертия связывает человека с Бессмертным, расширяет до космичности и вечности его узкое и эгоистичное "я". «Размышляйте о человеческом "я", — пишет Достоевский в одном письме. — Если мое "я" все осознало, т.е. всю землю и ее аксиому, то, стало быть, это мое "я" выше всего этого, по крайней мере, не укладывается в одно это, а становится как бы в сторону над всем этим, судит и сознает его. Но в таком случае это "я" не только не подчиняется земной аксиоме, земному закону, но и выходит из них, выше их имеет закон. Где же этот закон? Не на земле, где все закончено и все умирает бесследно и без воскресения. Не *это*⁹ ли намек на бессмертие души? Если бы его не было, то стали бы Вы сами-то, Николай Лукич, о нем беспокоиться, письма писать, искать его? Значит, Вы с Вашим "я" не можете справиться, в земной порядок оно не укладывается, а ищете еще чего-то другого, кроме земли, чему тоже принадлежит оно»¹⁰.

Ощущение бессмертия, сознательно или бессознательно, пронизывает человека от сердцевины сознания до самых темных инстинктов. Оно всегда действует, хочет того человек или нет, поскольку обладает невероятной жизнестойкостью. Человек может его своей волей сознательно парализовать,

⁸ Бесы. С. 623.

⁹ Курсив Достоевского.

¹⁰ Letters of F.M. Dostojevsky. Translated by E.C. Mayne. London, 1907. P. 222.

но никак не уничтожить или искоренить. У современного европейского человека парализованность чувства бессмертия уже почти полная. Человек слишком сложен, его нужно упростить — это Европа и делает, парализуя чувство бессмертия. Но как бы ни было парализовано, оно очень часто проявляется в форме метафизической, космической грусти, в форме Weltschmerz-а, мировой скорби, в форме тоски, душевного беспокойства и недовольства. В конце концов, страшно то возмездие, которым парализованное, подавленное чувство бессмертия воздает своему тирану: лишает его высшего смысла жизни и уводит в идолопоклонство. И человек неутомимо создает идолов и богов, ибо такова ирония жизни — как только человек парализует свое чувство бессмертия и перестанет веровать, что он бессмертен и бесконечен, что его Бог создал бесконечным, то сразу же начинает создавать богов и идолов. Это нам Достоевский гениально показывает на своих бунтующих антигероях, морталистах. В них мы наблюдаем банкротство всего человеческого, ощущаем смертный кризис всех богов, созданных по образу и подобию европейского человека. Боги Европы не смогли ни отстоять свою божественность, ни разрешить проклятые вопросы Достоевского. Это ненастоящие боги для ненастоящих верующих — в них верят легковверные и маловверные. А где же Бог, в Которого мог бы уверовать Достоевский? Есть ли Бог для Достоевского? Кто может иметь смелость предложить Достоевскому себя в качестве бога? И если есть, то не искушал бы ли его Достоевский страшными искушениями, не испытывал бы ли ужасными соблазнами и не победил

бы ли? Легко быть богом для легковерных, а кто будет богом для Достоевского? Кто ответит на его бунт? В роскошном пантеоне Европы есть много богов, но нет ни одного, который бы мог решить вечные проблемы и смирить бунтарную и бурную душу Достоевского.

Растревоженному вихрем бессмысленного трагизма этого мира Достоевскому, чтобы не сойти с ума от ужаса и отчаяния, необходим Бог, Истинный Бог, необходим более, нежели кому бы то ни было другому — Шекспиру или Канту, Толстому или Негошу. Ему совершенно необходим Бог, Который был в человеке, Который был человек и не забыл от животного ужаса, что Он Бог. Ему необходим Бог, Который смотрел теми же глазами, что и человек, и осознал и оправдал человека, Бог, Который был заключен в пяти чувствах и не сошел с ума, Бог, Который испытал все боли, извдал все страдания человечества, и осознал их и оправдал, Бог, Который осознал смерть и оправдал так устроенный мир и так устроенного человека, Бог, Который всё осознал, оправдал, облагодетельствовал и ублажил. Если есть такой Бог, то это Достоевского Бог и Господь.

Гонимый безжалостным змием отчаяния, Достоевский с рыданием и криком бросился к ногам такого Бога, к ногам кроткого Господа Иисуса. «Я из этого (т.е. из бунта) вывел и доказал необходимость веры в Христа»¹¹, — исповедуется он. Пресветлый Лик Богочеловека Христа пленил навеки терявшего ум богоборца. Богоборец

¹¹ Биография и письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского.

стал богоприимцем. До дна его мятежной души проник благой взгляд Благого Иисуса, успокоил бурю его, укротил взбунтовавшийся дух его и покорила всё сердце его. Некогда дьволу подчиненный Достоевский стал Христу подчиненным. Совершилось великое таинство, решена проклятая проблема: Богочеловек Христос — единственное решение проблемы личности и мира, единственный смысл жизни, смысл и цель истории, оправдание жизни и идеал. Бунтарный христородец ранен сладостной стрелой любви Христа; победил «Пресветлый Лик Богочеловека, Его нравственная недостижимость, Его чудесная и чудотворная красота»¹².

Горячо и безоговорочно Достоевский весь отдается Христу, молитвенно устремляется к Нему, «впивается» в Него, делает Его содержанием своей личности, пока Он не станет его всеобъемлющим и незаменимым Богом и Господом. Пресветлый Лик Богочеловека — единственное очарование, которое неизменно все более и более очаровывает и никогда не разочаровывает. Очарованный Им до абсолютной и необратимой любви, спасенный Им от атеистического отчаяния и анархического безумия, Достоевский по-апостольски и исповеднически исповедует и проповедует, что Богочеловек Христос — единственная наинедобходимейшая необходимость для нашей планеты, единственный Спаситель от отчаяния и самоубийственного скепсиса, что спасение всех людей заключается единственно в безоговорочном и всецелом приятии Христа как смысла и цели жизни.

¹² Достоевский. Дневник писателя. Т. IX. С. 173.

Говорят: нет Бога. Но откуда же чудесная Личность Христа? Разве наша жалкая планета могла создать сама по себе такое поразительное явление? — Христос не только доказывает, но и *показывает Бога телесно*. Каждым Своим чувством, каждой Своей мыслью, каждым словом, движением, каждым Своим деянием Он доказывает, что является Богом и человеком. В Нем нет ничего нереального, нет фантастического. Он — то, *что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши*¹³. Он в каждый момент божественно безгрешен и по-человечески реален, божественно совершенен и по-человечески доступен. Кто может обвинить Его во грехе, если не смогли обвинить даже самые лукавые соглядатаи сердца человеческого — фарисеи и саддукеи, глаза которых, направленные на Него, превращались то в телескоп, то в микроскоп, лишь бы обнаружить в Нем хотя бы одну молекулу греха? Безгрешность Его несомненна; это неизбежно чувствует и осознает каждый, кто хоть раз серьезно всмотрелся в Его чудесный и восхитительный Лик. Безгрешностью Своей Он доказывает Свою Божественность, телесностью Своей доказывает Свою человеческую сущность; чудесной и совершенной Личностью Своей Он неопровержимо доказывает, что является Богочеловеком. Единственно в Нем как Богочеловеке содержатся реально и телесно вся полнота идеала и совершенство. Вся притягательность Его Личности заключается в том, что Он — и Бог, и человек, а не только Бог или только человек. Достоевский по-подвижнически

¹³ 1 Ин. 1: 1.

прочувствовал эту основную тайну Личности Христа и стоит за нее по-великомученически отважно и по-апостольски мудро. Он непоколебимо исповедует, что «Христос = человек, противопоставляемый Христу = Богочеловеку, не может быть ни Искупителем, ни Источником жизни, что сама по себе наука никогда не осуществит весь человеческий идеал, что источник жизни, умиротворение человека и спасение всех людей от сомнений и условие — *sine qua non* — бытия всего мира содержатся в следующих словах: *И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу как Единородного от Отца*¹⁴ — и в вере в эти слова»¹⁵.

Богочеловек — *sine qua non* всего существующего. Он — ось мира; если мир сорвется с нее, то превратится в дьявольский хаос, в неоправданный ужас, в жестокую нелепость. «Все заключается в том, что *Слово плоть бысть; в этом вся вера и утешение человечества — утешение, от которого оно никогда не сможет отказаться*»¹⁶. В этом заключается и оправдание Бога перед человечеством. Действительно, Богочеловек Христос — единственно возможное оправдание Бога; единственно в Нем возможна полная и совершенная теодицея. Все философские теодицеи в конечном итоге граничат с абсурдом. Желая оправдать трансцендентного Бога, они терпят крушение и разбиваются о камни неодолимых противоречий. Трансцендентного Бога

¹⁴ Ин. 1: 14.

¹⁵ Material zum Roman «Die Dämonen», herausgegeben von Möller von den Bruck: F.M. Dostojewski. «Die Dämonen», zweiter Theil. München und Leipzig, 1916. S. 523.

¹⁶ Там же. С. 535.

невозможно оправдать. Но дело не только в этом. Трансцендентного Бога не нужно оправдывать, ибо Он того не заслужил. Бог, Который не был в человеке, не имеет права быть Богом человечества. Лишь Бог, Который был в человеке, Который жил жизнью человека и не утратил ни одного из Своих Божественных свойств, только такой Бог может оправдать Себя перед измученным человечеством. Таким Богом был, есть и будет Христос, и только Христос. Он Своей человеческой сущностью оправдал Бога и Своей Божественностью оправдал человека. Он — не идея, а живая реальность, осуществленный идеал — видимый, осязаемый, воплощенный и воплотимый. Он — не идея, а Богочеловеческая Личность. В Нем Бог и человек сближены и сопряжены до личностного единства. Все в Нем богочеловечно, и нет ничего, что было бы только Божественным или только человеческим. В Нем таинственно и удивительно достигнут многожелаемый богочеловеческий монизм личности: «В Нем обитает вся полнота Божества телесно»¹⁷ и вся полнота человечества. Он — Истинный Бог и истинный человек, единственная Личность, в Которой достигнуто и осуществлено совершенное равновесие между Богом и человеком, в Которой человек стал Человеком, достиг предельной глубины, широты и высоты своей личности и стал Личностью.

Все, что Христос делал, Он делал, чтобы и мы это делали; все, чем был Он, чтобы и мы этим были; все, что с Ним произошло, чтобы и с нами происходило. Он стал Богочеловеком, чтобы мы стали

¹⁷ Кол. 2: 9.

бого-людьми. Он жил богочеловеческой жизнью и сделал ее доступной и приемлемой для каждого человеческого существа. Когда Бог стал человеком, тогда нет ничего Божественного, что бы не могло стать человеческим. Когда Бог воплощен и воплощаем, тогда нет Божественного идеала, который был бы неосуществим и невоплотим в сфере человеческой жизни. Все слова Христа, все деяния Христа, все Его мысли и идеалы осуществимы и воплотимы в человеческой жизни. Многие не могут этого вместить и говорят: «Христос — великий человек, благородный философ, но половина Его философии неосуществима, она не для таким образом устроенных людей»; другие добавляют: «Он идеалист, идеализм Которого — не для нашей планеты». И одни, и другие изрекают хулу, которая не простится, ибо они развоплощают Богочеловека, эту высшую ценность, эту самую удивительную и самую чудесную Личность. Достоевский же решительно утверждает, что идеализм Богочеловека достижим для всего человечества. Невозможно верить в то, что *Слово стало плотью*, т.е. что идеал присутствовал телесно, а не верить, что он достижим для человечества. «Может ли человечество обойтись без этого утешения? Но Христос для того и пришел, чтобы человечество поняло, что и земная природа, дух человеческий, может действительно здесь явиться телесно в таком небесном сиянии, а не только духовно, как идеал, что это возможно так же, как и естественно. Ученики Христовы, которые это просветленное Тело обожали, доказали под страшнейшими пытками, какое это счастье — Сие Воплощение в себе носить, совершенству Этого Образа подражать и в Его

Воплощение верить. А другие, кто видел, какое счастье это Воплощение давало, как только человек начал действительно приобщаться к этой красоте, удивлялись, поражались и в конце концов высказывали желание и сами наслаждаться этим блаженством: они становились христианами и заранее радовались страданиям. Все заключается в том, что *Слово плоть бысть*. В этом вся вера и утешение человечества — утешение, от которого оно никогда не откажется»¹⁸.

Христос незаменим для человечества, незаменим для нашей планеты, для всей жизни на ней. Он единственный вносит смысл в нашу трагизмом расслабленную планету; Он единственный делает возможным оправдание жизни на ней, ибо если Он был возможен на этой планете, значит стоит жить на ней, есть ради чего жить. Человек, который почувствует так же, как Достоевский, ужасающий трагизм жизни, должен или уверовать в Христа, или совершить самоубийство. Третьего выхода нет. Достоевский уверовал, уверовал свято и непоколебимо, и личным опытом познал незаменимую чудесность Пресветлого Лица Христова. Поэтому он подвижнически ревностно защищает Христа. «Вы, господа, — обращается он к христорборцам, — которые отрицаете Бога и Христа, вы даже и не подумали, как без Христа вдруг все становится гадко и грешно. Вы осуждаете Христа и насмехаетесь над Богом, но какой пример вы даете человечеству? Как вы мелочны, беспутны, злобны и тщеславны! Устраняя Христа, вы уничтожаете в роде человеческом недосыгаемый

¹⁸ Material zum Roman «Die Dämonen». S. 536.

идеал красоты и доброты. И какие подобные ценности вы можете предложить взамен?»¹⁹. Христос — единственное настоящее утешение человечества. «Впрочем, — добавляет Достоевский, — вы могли бы отнять Его у человечества, если бы были в состоянии предложить ему что-то лучше Христа. Вопрос в том: есть ли у вас что-нибудь подобное?»²⁰. «Дайте мне другой идеал, и я пойду за вами, — говорит Достоевский тем, кто хочет без Христа и помимо Христа осчастливить человечество. — Хотя, впрочем, вы сможете меня лишить веры в Божественность Христа, если только покажете мне что-нибудь лучше Христа. Ну, покажите!»²¹. К русской интеллигенции, зараженной атеистической идеологией Европы и христорборческой моралью европейской науки, Достоевский обращается с вопросом: «Господа русские просвещенные европейцы... Укажите мне ваших праведников, которых вы вместо Христа ставите»²².

Достоевский знает, во что верует; он поклоняется Богу известному — Христу Богочеловеку, засвидетельствованному надежно Апостолами и Мучениками, Святителями и Исповедниками. Он лично и опытно познал божественную силу Христа, Который его спас от самоубийства, отчаяния и скепсиса, и засвидетельствовал это по-апостольски и по-исповеднически. Он по-великомученически решителен и определен в своей вере в Христа. Он это исповедует ясно и горячо: «...Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно

¹⁹ Там же. С. 535.

²⁰ Там же. С. 536.

²¹ Биография и письма... Ф.М. Достоевского.

²² Дневник писателя. Т. XI. С. 476.

спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил Символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот Символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но и с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если бы кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы остаться со Христом, нежели с истиной»²³.

Христос больше, чем истина, больше, чем жизнь, больше, чем вся вселенная. Он единственный придает ценность всему и всякому. Где Он, там смысл и жизнь, значимость и оправдание, там вечность, там блаженное бессмертие. Он — мера всего, но Сам Он не подходит ни под какие человеческие меры. Для Достоевского Его Пресветлый Лик — единственное мерило всего видимого и невидимого. «На земле же воистину мы как бы блуждаем, — учит он, — и не было бы драгоценного Христова образа пред нами, то погибли бы мы и заблудились совсем, как род человеческий пред потопом»²⁴. Вне этого богочеловеческого Лица нет ничего ни в мире, ни в человеке, что бы могло служить положительным и непогрешимым мерилом кого бы то ни было и чего бы то ни было.

²³ Letters of Dostojevsky. P. 67. — Подобное Достоевский высказывает и в своем романе «Бесы». Там Шатов говорит Ставрогину: «Не вы ли говорили мне, что если бы математически доказали вам, что истина вне Христа, то вы бы согласились лучше остаться со Христом, нежели с истиной?» (С. 241.)

²⁴ Братья Карамазовы. С. 369.

В наивности своей многие принимают совесть за мерило нравственности, совесть грешную и нагрешившую, совесть необоженную и небогочеловеченную. Достоевский не дал себя обмануть этим тонким соблазном, который весьма многих соблазнил. Для него: «...совесть без Бога есть ужас, она может заблудиться до самого безнравственного. Недостаточно определять нравственность верно-стью своим убеждениям. Надо еще беспрерывно возбуждать в себе вопрос: верны ли мои убеждения? Проверка же их одна — Христос»²⁵.

«Сжигающего еретиков, — продолжает Достоевский, — я не могу признать нравственным человеком, ибо не признаю ваш тезис, что нравственность есть согласие со внутренними убеждениями. Это лишь честность, но не нравственность. *Нравственный образец и идеал есть у меня — Христос.* Спрашиваю: сжег бы Он еретиков? — Нет. Ну так, значит, сжигание еретиков есть поступок безнравственный. Инквизитор уже тем одним безнравственен, что в сердце его, в совести его, могла ужиться идея необходимости сжигать людей»²⁶.

Защищая свой тезис о том, что Христос — единственный источник и мерило нравственности, Достоевский уверенно разбивает точку зрения своего оппонента. «Вы говорите, что нравственность — действовать по убеждению... Кровопролитие вы считаете безнравственным. Но кровопролитие по убеждению вы считаете нравственным. Прошу вас, скажите мне, почему кровопролитие безнравственно? —

²⁵ Биография и письма... Ф.М. Достоевского. С. 371.

²⁶ Там же.

Если мы не имеем авторитета в вере и во Христе, то во всем заблудимся. <...> Это нравственные идеи. Они возникают из религиозного чувства, но никогда не могут быть оправданы только логикой. Иезуит лжет, ибо убежден, что ложь его полезна, — если служит добру. Вы его хвалите, ибо он верен своему убеждению. И выходит, в одном случае ложь — это плохо, но в другом, по убеждению, тогда хорошо. Что же это значит? На этой почве, на которой стоите, вы всегда будете разбиты. Вы тогда не будете разбиты, когда примете, что нравственные идеи есть чувства от Христа»²⁷.

«Человек есть мера всех вещей» — это основная догма, сформулированная софистами, а усвоенная европейским человеком. На ней, как на алмазном основании, созидает себя современное человечество, не подозревая, что созидает себя на динамите. Достоевский бесстрашно опробовал этот принцип — воплощал его в многочисленных личностях, многосторонне применял его в жизни своих героев, проводил его через их кровеносную систему, через их душу, через их ум и тело, но результат всегда был один и тот же: человек в конце концов взрывался или сумасшествием, или самоубийством. Достоевский мученически и экспериментально доказал, что принцип *ἄνθρωπος μέτρον πάντων*²⁸ в реальности означает *διάβολος μέτρον πάντων*²⁹.

Пораженный этим ужасным фактом, он отверг человеко-бога и всем сердцем, безоговорочно

²⁷ Там же.

²⁸ Человек есть мера всех вещей.

²⁹ Дьявол есть мера всех вещей.

принял в свои объятия Богочеловека, Который диаметрально противоположен всему, что называется человеко-богом. Богочеловек — это значит, что Бог всегда на первом месте, а человек всегда на втором; Бог — центр, человек — луч, который исходит из центра; Бог наполняет человека и остается Богом; человек формирует себя по Богу и остается человеком. Человеко-бог — это значит, что человек является началом, и всегда началом; бог же — продолжение этого начала; человек — творец, бог — его создание; человек — материал, который сам себя возводит в бога; бог — эманация человека. Для Достоевского Богочеловек Христос является единственным основанием человека и человечества; созиждется ли человек на нем, — созиждется на вечном основании, с которого не сможет его свергнуть никакой ураган искушений и зла. Христос есть единое на потребу, единственный Спаситель и единственное Спасение для страдающего человечества, «ибо во всей вселенной нет имени, кроме Его, которым человечество могло бы быть спасено»³⁰.

Любовь Достоевского ко Христу доходит до юродства; он — за Христа, несмотря на то что вся логика человечества была против Него. К каждой идее Христа он имеет бескрайнюю и исключительную любовь. Если что-то Христово, то уже только потому, что оно Христово, должно быть совершенным и идеальным. Уму человеческому это может представляться невозможным и абсурдным, но что значит ум человеческий по сравнению со Пресветлым Ликом Христа, что значит это наподобие атома

³⁰ Дневник писателя. Т. X. С. 212.

мелкое божество по сравнению с чудесным Бого-человеком? Может ли это самозванное божество заменить Христа? Возможно ли в мелкое, как атом, существо вместить Невместимого для вселенной? Возможно ли совершенно мелким мерилom своим измерить Безмерного?

Никогда, никогда, никогда! Достоевский, подобно апостолу Павлу, отважно и мудро порицает самовластную роль ума человеческого в сфере Христовых идей. «Все Христовы идеи испорчены человеческим умом, — утверждает он, — и кажутся невозможными к исполнению. Подставить ланиту³¹, возлюбить более себя, не потому что полезно, а потому что нравится до жгучего чувства, до страсти. Христос ошибался — доказано!³² Это жгучее чувство говорит: *лучше я останусь с ошибкой, со Христом, чем с вами*»³³.

Исповедуя Христа столь неустрашимо, Достоевский становится подобным апостолу Павлу исповедником и поклонником Христа. Этим он решительно и навсегда отвергает все рационалистические и антропистические критерии и идеалы, всецело вверяя себя Христу, обожая Его кроткий и благой Лик, Его вечно новый и светлый Образ, Его совершенную Богочеловеческую Личность, как нечто несравнимо более значимое и возвышенное, нежели все ценности, все идеалы, теории и системы, которые человечество предлагает вместо Христа. В Личности Христа человек

³¹ Здесь Достоевский имеет в виду слова Христа: *Но кто угадит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую* (Мф. 5: 39).

³² Так утверждает оппонент Достоевского.

³³ Биография и письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского. С. 372.

достиг своей безгрешной, абсолютной чистоты и красоты. «Прекрасное, красота есть идеал, — пишет в одном из своих писем Достоевский. — Но идеалы у нас, как и в цивилизованной Европе, давно поколеблены. На свете есть лишь одно-единственное явление абсолютной красоты — Христос. Это безмерно, бесконечно прекрасное явление, конечно же, есть бесконечное чудо (всё Евангелие от св. Иоанна исполнено этой мысли: Иоанн видит чудо Воплощения, видимое явление Прекрасного)»³⁴.

Достоевский, как апостол Павел, все считает незначительным по сравнению с исключительной важностью познания Христа Иисуса, Господа своего, все оставляет, все считает пустяками — только бы Христа обрести и оказаться в Нем, чтобы познать Его и силу Воскресения Его, силу чудесной Личности Его, чтобы быть похожим на Него и чтобы с Ним решить проблемы своей и любой иной личности. Ибо «в Себе Господь показал каждому из нас именно его самого в его нетленной первообразной красоте; как в чистом зеркале, Он дал увидеть каждому святость его собственного непоруганного образа Божия. В "Человеке" или "Сыне Человеческом" явлена каждому вся полнота Его Собственной Личности... У нас, в эмпирической человеческой данности, нет ничего абсолютного, даже совести. Саму совесть нужно проверять и исправлять по абсолютному образцу. Но подчинение ее формуле, пусть и свыше данной, было бы уничтожением единственности и незаменимости личности, ее безусловной ценности; святыня личности — именно

³⁴ Letters of Dostojevsky. P. 197.

в живой свободе ее, в пребывании выше всякой схемы. Личность может и должна исправлять себя, но не по внешней для нее, хотя бы и наилучшей, норме, а только по самой себе, но в своем идеальном виде. Примером для личности может быть она сама, потому что иначе давалась бы возможность механически, из чужого и чуждого личности заключать к жизни и давать ей нормы. Единственность каждой личности, ее абсолютная незаменимость ничем другим — она требует, чтобы сама личность была примером для себя; но чтобы быть примером, надо уже достигнуть идеального состояния... Это возможно во Христе, во Плоти Своей называющим каждому Божию идею о нем; т.е. это возможно лишь через опыт, через отыскивание в Сыне Человеческом подлинного себя, подлинной своей человечности... Только Господь Иисус Христос есть идеал каждого человека, т.е. не отвеченное понятие, не пустая норма человечности вообще, не схема всякой личности, а образ, идея каждой личности со всем ее живым содержанием»³⁵.

«Проклятая проблема» человеческой личности получает единственно возможное и окончательное решение в Личности Богочеловека Христа. В Ней реально и телесно присутствуют и Бог, и бессмертие; в Ней показаны и доказаны и Бог, и бессмертие, а тем самым показаны и доказаны смысл и цель каждой человеческой личности. Окончательной полноты и идеальной цельности своей личности человек достигает тогда, когда полностью соединится с чудесной Личностью Богочеловека.

³⁵ Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. С. 230—232.

Поэтому Достоевский так пламенно обожает Христа и так подвижнически исповедует Его; поэтому он пламенеющим мечом своей веры так ревностно охраняет свой рай — Пресветлый Лик Богочеловека Христа. Вне этого Лица нет выхода, нет утешения, нет спасения. Где Он — там благовествование, там радость, великая радость, там оправдание, там блаженство. Но где этот Лик, где хранится? В Православии, единственно в Православии, — решительно отвечает Достоевский. Католицизм хуже атеизма, ибо он исказил Образ Христов, ибо он искаженного Христа проповедует, а протестантизм — законное дитя его³⁶. «Вникните в Православие: это вовсе не одна только церковность и обрядность, это живое чувство... По настоящему, ...в нем одно человеколюбие, один Христов образ»³⁷. Чтобы познать Православие, человек должен прежде всего *стать* православным, должен погрузиться в Православие всем существом своим, всей душою своею, всей мыслью своею, должен чувствовать православно и жить православно. Личный православный опыт — единственный путь, который ведет к Пресветлому Лику Христову. Единственно через личный опыт Достоевский мог, и каждый человек может, узнать, что «Образ Христов сохранился во всем свете чистоты своей в Православии»³⁸.

Где Лик Христов — там единственно возможна настоящая теодицея. Напрасно боги и люди пытаются без православного Лица Христова оправдать

³⁶ См.: Идиот. С. 583–585.

³⁷ Дневник писателя. Т. X. С. 328.

³⁸ Там же. Т. XI. С. 384.

себя и мир вокруг себя. Православие хранит Пресветлый Лик Богочеловека, поэтому только в нем возможна богочеловеческая теодицея. Если примет человек посредством личного опыта Православие как способ жизни и философии, то придет вместе с Достоевским к непоколебимому убеждению, что единственно в Православии сохранен Пресветлый Лик Христов, что единственно в нем возможна настоящая христианская теодицея. Достоевский пришел к этому, сам всё испытав, на собственном опыте, поэтому его христианская философия опытна, пережита, как и вся философия православная. Личным опытом своим он познал истину Православия, сущность Православия — Пресветлый Лик Христов, и спас себя от самоубийства и отчаяния. Он весь влился в Христа, но и Христос чудесным Ликом Своим влился в душу его и сделал ее христороликой. Безоговорочное обожание и хранение этого чудесного Лица, апостольское проповедание Его как спасения и оправдания всего человечества, было заветным предметом священного ревнования Достоевского. Поэтому его произведения могут быть названы: *Защита Православного Лица Христова* или *Православная теодицея*.

Свою безграничную любовь ко Христу Достоевский воплощает в своих положительных героях — Алеше и Зосиме, Макаре и князе Мышкине. Образ Христов — главная творческая сила в душах их. Он светится в лицах их, действует через слова их, проявляется через каждое дело их. Они христоролики, они Христу подчинены. Положительность их — в христороликости душ их. Они представляют новый тип человека, человека, сформированного по

образу Богочеловека; они олицетворяют новую категорию человечности — богочеловечность; они — больше, чем люди, они — боголюди. В христоликих душах своих они ревностно и свято хранят чудесный Лик Христов, мудро его проносят через хаос своего времени и создают православную теодицею.

Глава II

Над тайной пшеничного зерна

В любой момент своей жизни человеческая личность ужасно сложна, ужасно беспредельна. В этом и опасность быть человеком, в этом и горечь. Человек — горькая тайна, необычайно горькая; кто не верит, пусть проверит и убедится. Многих тайна эта горькая отравила, многих до сумасшествия и самоубийства довела, многих в неизлечимых богоборцев превратила. Она и Достоевского отравила, да не отравила; она и Достоевского до самоубийства доводила, да не убила; она и Достоевского в невиданного богоборца превратила, но не осатанила. Жестоко мучимый ею, Достоевский всеми возможными способами пытался через своих антигероев ее подсластить; он применял все человеческие средства, но после каждого из них горькая тайна становилась еще горче, еще ужаснее. Когда все человеческие средства оказались недейственными, когда все человеческое потерпело поражение, Достоевский был вынужден оставить человека и человеко-бога, а искать Богочеловека. Искал он Его всюду, а нашел в Православии. И к великой, величайшей радости своей он открыл, что в Пресветлой Личности Богочеловека Христа горькая тайна человека становится сладкой и благой. Это радостное открытие

свое Достоевский воплотил в христоустремленных и христоликих своих героях. Все они переживают тайну человека как сладкую тайну, как благовест. Все они одно показывают и одно доказывают: человек — сладкая тайна Божия. Они это показывают и доказывают не теоретически, не рационалистически, не схоластически, а опытно, экспериментально, жизненно; они — необычайно живые личности, полные христоликого содержания и христоликой энергии деятельности. Рассмотрите до дна их души, их умы, их сердца, их дела — всюду найдете как творческую силу Лик Христов. Их христоликость является очевидным и неопровержимым фактом. Но как они пришли к этой христоликости? Как стали христоликими? Как вобрали в себя Лик Христов и сделали Его обликом и содержанием своей личности? Как формировали себя по Образу Христову?

Чтобы ответить на эти вопросы, не искажая Достоевского, необходимо подвергнуть психологическому анализу его христоликих героев, найти элементы, которые их составляют, и законы, которые ими управляют. Эти личности весьма сложны и не подлежат никакому рационалистическому анализу, ибо души их вытканы из христоликих добродетелей — веры, молитвы, смиренности, кротости, любви, надежды, доброты, милостивости, праведности и др. Прежде чем стать составной частью самой души, каждая из этих добродетелей вызывает в душе весьма сложный психический процесс и подвиг; вся личность человеческая участвует в этом подвиге; с великим и постоянным напряжением и трудом она постепенно усваивает каждую из христоликих добродетелей, пока они

наконец не станут органической частью ее сущности. Вся жизнь личности входит в христоустремленный подвиг, и личность находится в непрестанном самоусовершенствовании по Образу Христа¹ и постепенно становится христоликой. Прекрасные христоликие личности православных подвижников и святых создавали себя таким способом. Многовековым опытом своим они создали особую опытную науку, науку о духовной самодисциплине, о самоусовершенствовании, науку о нравственном перерождении человека. Центр этой науки — Образ Христов: к Нему движение через многочисленные христоустремленные подвиги; вся человеческая личность непрестанно тяготеет к Нему, стремится к Нему, пока наконец не соединится с Ним и не достигнет своего абсолютного смысла, окончательной полноты и блаженства.

Достоевский, переживший крах всех чисто человеческих, западноевропейских средств для решения проблем личности, уясняет, что только эта опытная православная наука предоставляет средства для ее правильного решения и для развития личности до полного и абсолютного совершенства. Он говорит: «Все тайны, как привести себя к совершенству и братству, даны в Православии и в его дисциплине — самосовершенствовании»².

Он утверждает, что Христос и самосовершенствование — основа всему, что личное самосовершенствование является не только *началом*³ всего,

¹ Ср.: Кол. 3: 10.

² Из Материалов к «Бесам» (Достоевского). Этот материал опубликовал Л. Гроссман в одесской газете «Южное слово» за 8 октября 1919 года.

³ Курсив Достоевского.

но и продолжением всего, и исходом⁴. Это путь Христа и Православия, путь древней Христианской Церкви⁵. В Православии всё сводится к личному самосовершенствованию: все нравственные идеи и идеалы, все социальные идеи и идеалы основываются на идее личного абсолютного самосовершенствования⁶. Эта идея нравственного самосовершенствования исходит из мистических идей, из убеждения, что человек вечен, что он таинственно связан с иными мирами и с вечностью⁷. Путем непрерывного самосовершенствования и возрастания к Пресветлому и вечному Образу Христову люди из себя создавали бого-людей, из грешников — святых. Святые прошли этот путь, чтобы и мы им пошли. «Святые светят и всем нам путь освещают»⁸, — говорит Достоевский. Они — «положительные характеры несказанной красоты и силы»⁹. Они идеал для всех; они вожди, и нужно, чтобы мы ведомы были ими, как блудные сыновья¹⁰. Для Достоевского святой — самый положительный и самый лучший тип человека, самое дивное и самое полное выражение всего, что называется человеком. Поэтому Достоевский еще с юных лет изучает психологию святых, знакомится с тайнами ее и усердно исследует все наитончайшие законы ее. Ему свойственны величайшее молитвенное восхищение и любовь к св. Тихону Задонскому, русскому

⁴ Дневник писателя. Т. XI. С. 493.

⁵ Там же. С. 497.

⁶ Там же. С. 491.

⁷ Там же. С. 492.

⁸ Там же. Т. X. С. 51.

⁹ Там же. Т. XI. С. 476.

¹⁰ Там же. Т. X. С. 52—53.

святому восемнадцатого века. Св. Тихон для него — «положительный русский тип, который русская литература ищет»¹¹. Описать св. Тихона, сделать его литературным типом, положительным типом русской литературы, для Достоевского становится заветным идеалом. В 1870 году он планирует «Братьев Карамазовых» и пишет Майкову: «Авось выведу величавую положительную святую фигуру... Я ничего не создам¹², я только выставляю действительно Тихона, которого я принял в свое сердце давно с восторгом. Я сочту, если удастся, это для себя уже важным подвигом»¹³.

Чтобы как можно успешнее осуществить свою заветную мысль, Достоевский посещает русские монастыри¹⁴, наведывает и изучает современных ему подвижников, духовных старцев, встречается с известным Оптинским старцем Амвросием. И ему удается в образе старца Зосимы представить нам настоящего святого, тип христоликого православного святого необычайной красоты и притягательности. Он очень напоминает св. Тихона и старца Амвросия, который вместе с другим Оптинским старцем, Макарием, послужил Достоевскому живым прототипом для образа старца Зосимы¹⁵.

Несомненно, старец Зосима — положительный образ Достоевского, в котором он представляет православное решение проблемы личности. Для

¹¹ Биография и письма... Ф.М. Достоевского. С. 234.

¹² Курсив Достоевского.

¹³ Letters of Dostojevsky. P. 182.

¹⁴ В том же письме Майкову Достоевский пишет: «В этом мире я знаток, и монастырь русский знаю с детства» (Там же. С. 182).

¹⁵ См.: Митрополит Антоний. Словарь к творениям Достоевского. София, 1921. С. 182.

него старец Зосима — святой, и как таковой «имеет истину, является хранителем истины Божией». «...Он свят, в его сердце тайна обновления для всех, та мощь, которая установит, наконец, правду на земле, и будут все святые, и будут любить друг друга, и не будет ни богатых, ни бедных, а будут все как дети Божии, и наступит настоящее Царство Христово»¹⁶. Святой, духовный старец знает, что есть в человеке, знает тайну человека, опытно знает тайну возрождения каждой человеческой личности. Объясняя роль духовных старцев в Православной Церкви, Достоевский задает вопрос: «Что же такое старец?» и отвечает: «Старец — это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и свою волю. Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ее ему в полное послушание, с полным самоотрешением. Этот искус, эту страшную школу жизни обрекающий себя принимает добровольно, в надежде после долгого искуса победить себя, овладеть собою до того, чтобы мог, наконец, достичь, чрез послушание всей жизни, уже совершенной свободы, то есть свободы от самого себя, избежать участи тех, которые всю жизнь прожили, а себя в себе не нашли. Изобретение это, то есть старчество, — не теоретическое, а выведено на Востоке из практики, в наше время уже тысячелетней. <...> Это испытанное и уже тысячелетнее орудие для нравственного перерождения человека от рабства к свободе и к нравственному совершенствованию...»¹⁷.

Любимый герой Достоевского, двадцатилетний христоустремленный Алеша, очарованный

¹⁶ Братья Карамазовы. С. 39.

¹⁷ Там же. С. 35, 37.

христоликой личностью старца Зосимы, оставляет все, уходит к нему в монастырь и там находит идеальный выход для своей юной и нежной души, которая рвалась из мрака мирской злобы к свету любви¹⁸. Он живет в самой келии старца Зосимы, воспитывается у него, проходя подвиг абсолютно-го послушания. Старец Зосима постепенно преобразует его личность, формирует ее по Образу Христову, наполняет ее христообразными добродетелями и с помощью их возвращает и развивает богообразную сущность Алешиной души. Тайна старца Зосимы в Образе Христовом. С помощью Его он открывает в душе каждого человека то, что христолюбиво и богообразно, что бессмертно и вечно, и на этом основывает перерождение человека. Сущность человеческой личности заключается в богообразном бессмертии души; соединить это бессмертие с бессмертным Богом — смысл и цель человеческой личности на земле. Это достигается христоустремленными подвигами, из которых первый — вера.

С веры начинается настоящая жизнь человеческой личности, жизнь бессмертной богообразной души. Вера вызывает полный переворот в сфере личности, полное изменение содержания и установок ее: человек отвергает все человеческое и смертное, что прежде считал смыслом и целью своей жизни, и Бессмертный, Богочеловеческий Лик Христов принимает как смысл и цель своей личности. Вера является весьма трудным подвигом, но, по Достоевскому — т.е. согласно православному пониманию, вера является ясно определенным

¹⁸ Там же. С. 24.

христустремленным подвигом, который всю человеческую личность приводит в движение, направляет к Лику Христа и побуждает безоговорочно верить Ему и полностью соединиться с Ним. В таком понимании веры Достоевский необычайно определен и решителен. Это подтверждает и доказывает его схема веры. «Схема веры: "Православие заключает в себе Образ Иисуса Христа"»¹⁹. Следовательно, верить православно, быть православным — значит переживать Православие, то есть Образ Иисуса Христа как содержание, смысл и цель своей личности. В этом и состоит вся вера, одна только способная дать богочеловеческий смысл человеческой личности и всей твари. Либо такая вера в Образ Богочеловека Христа, либо всё нужно сжечь, потому что без Него всё до отчаяния бессмысленно и трагично. К такой категоричной дилемме пришел Достоевский, мученически борясь за смысл и цель жизни²⁰.

Православным подвигом веры человек воскрешает себя из гроба эгоизма: эгоцентризм своего разума, эгоцентризм своей воли и сердца он побеждает христоцентризмом подвига веры. Разум есть то, что нужно преодолеть; разум человеческий такой, какой он есть, ограничен, грешен, эгоистичен, надменен. Его нужно преодолеть и покорить Разуму чистому, безгрешному, безграничному, вечному — Разуму богочеловеческому, Христовому. Это первое требование православного подвига веры²¹. По убеждению Достоевского, самым

¹⁹ Гроссман Л. Из Материалов к «Бесам» (Достоевского)// «Южное слово» (Одесса), 8 окт. 1919 года.

²⁰ Material zum Roman «Die Dämonen». S. 523.

²¹ 2 Кор. 10: 4–5.

главным является не наличие разума, познания, науки, а наличие веры в Богочеловека Христа и в загробную жизнь²². Безверие потому и свойственно человеку, что он ставит разум превыше всего, но поскольку разум свойственен только человеческому организму, то он не может и не будет понимать жизнь в некоей иной форме, то есть жизнь после смерти, и потому не верит, что это — жизнь высшая. С другой стороны, человеку уже от природы свойственно чувство сомнения и ущербности, ибо человеческий разум устроен так, что он постоянно не верит в себя, не удовлетворяется собой и потому склонен свое существование считать недостаточным. Отсюда возникает стремление к вере (*Drang zum Glauben*) в жизнь по ту сторону гроба. Очевидно, что человек является переходным существом, и его существование на земле, несомненно, — это процесс, непрерывное существование куколки, которая превращается в бабочку²³.

Человек — *переходное* существо, но он становится *преходящим* существом, если подвигом веры не пробьет кокон своего эгоизма и не соединится с Существом Непреходящим и Вечным. Иными словами, человек — это зерно, которое лишь тогда много плода принесет, когда умрет. *Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода*²⁴. Тайна человека подобна тайне пшеничного зерна: если человек

²² Material zum Roman «Die Dämonen». S. 529.

²³ Там же. С. 530.

²⁴ Ин. 12: 24.

заклучит себя в оболочку исключительного самолюбия и затворится в ней, то останется один, останется отделенным и одиноким, засохнет и погибнет; если же подвигом веры зерно существа своего посеет во Христе и умрет во Христе, тогда оживет и много плода принесет. *Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную*²⁵. — Так объясняет тайну человеческого существа Христос, так объясняет ее и Достоевский. Весь его роман «Братья Карамазовы» есть не что иное, как пророчески прозорливое объяснение приведенных выше слов Христа из двадцать четвертого стиха двенадцатой главы Евангелия от Иоанна. Потому он эти слова и поставил эпиграфом к названному своему роману. В них ключ к тому, как объясняет Достоевский тайну человеческого существа.

В подвиге веры умирает весь человек, чтобы во Христе ожить к вечной жизни. Человек умирает, чтобы ожить — такова антиномия веры. В подвиге веры умирает и разум, но умирает, чтобы, уже перерожденным и преобразованным верой, получить свой бессмертный, свой вечный смысл во Христе. Первое требование веры: не верь, человек, разуму своему; ненавидь разум свой, душу свою, ненавидь самого себя, ибо пока не возненавидишь себя, не возлюбишь Христа²⁶.

И человек, возненавидев себя, свою душу, свой разум, в крайнем отчаянии кричит всем своим существом: *Credo, quia absurdum est*. Ничего, ничего не хочу своего, — не хочу даже рассудка. Ты Один, —

²⁵ Там же. 12: 25.

²⁶ Ср.: Мф. 16: 25; Лк. 14: 26.

Ты только. *Dis animae meae: salus tua Ego sum!* Впрочем, не моя, но Твоя воля да будет. Троице Единице, помилуй мя!.. Верю вопреки стонам рассудка, верю именно потому, что в самой враждебности рассудка к вере моей усматриваю залог чего-то нового, чего-то неслыханного и высшего. Я не спущусь в низины рассудка, какими бы страхами он ни запугивал меня. Я видел уже, что, оставаясь при рассудке, я гибну в сомнениях [*ἔποχῆ*], я хочу быть теперь без-рассудным...

Затем, поднявшись на новую ступень, обеспечив себе невозможность соскользнуть в рассудочную плоскость, я говорю себе: *теперь* я верю и надеюсь понять то, во что я верю. *Теперь* бесконечное и вечное я не превращу в конечное и временное... *Теперь* я вижу, что вера моя есть источник высшего разумения и что в ней рассудок получает себе глубину. И, отдыхая от пережитой трудности, я спокойно повторяю за Ансельмом Кентерберийским: «*Credo ut intelligam...*» Теперь я знаю, потому что верю...

И, сказав, я перехожу на третью ступень. Я уразумеваю веру свою. Я вижу, что она есть поклонение «Ведомому Богу», что я не только верю, но и знаю. Границы знания и веры сливаются. Тают и текут рассудочные перегородки; весь рассудок претворяется в новую сущность. И я радостный взываю: «*Intelligo ut credam!*» Слава Богу за все! *Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же — лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан*^{27, 28}.

²⁷ 1 Кор. 13: 12.

²⁸ Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. С. 61 — 62.

Православным подвигом веры человек всю личность отдает Христу; пред Пресветлым Ликом Его смиряет гордый ум свой и волю и сердце; жгуче чувствует нищенство духа своего пред безмерным богатством Духа Христова; освобождает себя от тиранства вещей; богоборческую и человекоборческую гордыню свою искореняет хрестоликой смиренностью. В таком подвиге смиренной веры Достоевский видел русское решение «проклятой проблемы» личности, поэтому в своей «Пушкинской речи» по-апостольски пламенно призывал русскую интеллигенцию к такому подвигу: «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве. ...Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой — и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою. Победишь себя, усмиришь себя — и станешь свободен как никогда и не воображал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь наконец народ свой и святую правду его»²⁹.

Подвиг веры имеет два момента: отрицательный и положительный. Отрицательный состоит в отрицании себя, души своей и в распятии себя на Кресте Христовом; положительный состоит в нахождении себя во Христе и в воскрешении богообразной души своей Христом. *Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и*

²⁹ Дневник писателя. Т. XI. С. 458.

следуй за Мною³⁰. Пусть отвергнется себя — своего «я», своего разума, своей воли, своей души; и возьмет крест свой — пусть распнет свое «я», свой разум, свою волю, свою душу, все существо свое. Христолюбивые герои Достоевского ведут жизнь, полную непрерывного самоотрицания и самораспинания. Они идут за Христом безоговорочно, безо всяких условий, с непрерывным чувством смирения. Как только, задумавшись серьезно, Алеша пришел к убеждению, что Бог и бессмертие существуют, он тотчас же сказал себе: «Хочу жить для бессмертия, а половинного компромисса не принимаю». Он счел даже странным и невозможным жить по-прежнему. «Сказано: "Раздай все и иди за Мной, если хочешь быть совершен"». Алеша и сказал себе: «Не могу я отдать вместо "всего" два рубля, а вместо "иди за Мной" ходить лишь к обедне»³¹. Старец Зосима является воплощением православного безоговорочного следования за Христом. И ночи его, и дни наполнены христоустремленными подвигами. Очарованный и ведомый прекрасным Образом Христовым, он, подобно солнцу, светло и тихо проходит таинство жизни своей. Князь Мышкин до высшей степени довел свою безграничную веру в чудесную Личность Богочеловека, довел ее до экстаза, до юродивости, до полного самозабвения. Душа Макара полностью отдана христоустремленному подвигу веры; она денно и нощно бодрствует и всегда готова для безграничного обожания прекрасного Образа Христа. Всем существом своим христоустремленные

³⁰ Мк. 8: 34; Мф. 16: 24 — 25.

³¹ Братья Карамазовы. С. 34.

герои Достоевского веруют во Христа и идут за Ним. Они знают: Христос ищет всего человека, а не часть только его, не кусок его. Вера в частях, вера условная — это не вера. Если царство человеческой личности разделяется, то пропадает³². Для Христа и Православия «золотая середина» невозможна. «Золотая середина — нечто подлое, безликое»³³, поэтому такое отношение человека ко Христу невозможно. Человек истинно верует во Христа лишь тогда, когда неразделенной личностью следует за Ним, неразделенным сердцем, умом и волей, если идет за Ним, несмотря на все громкие протесты богоборческого и бунтарского ума. Только такая вера спасает человека от сомнения и отчаяния. А так называемая «разумная», «рациональная» вера, то есть вера «по доказательству разума», вера по толстовской формуле: «Я хочу понять так, чтобы всякое необъяснимое состояние представлялось мне как необходимость разума...»³⁴, такая вера — окаменелая, страшная каменная опухоль на сердце, которая не дает сердцу подойти к

³² Ср.: Мф. 12: 25; Мк. 3: 24.

³³ Дневник писателя. Т. IX. С. 454.

³⁴ Толстой Л. Исповедь. Москва, 1907. С. 74. Сущую противоположность этому толстовскому своеволию разума представляет принцип послушности и распинания ума, особенно выделяемый и представляемый К.Н. Леонтьевым. «Я полностью подчиняюсь Православию, — говорит он. — Я признаю в нем не только то, что убедительно для моего разума и сердца, но и то, что мне претит. *Sredo quia absurdum*. Выразусь иначе: я верую и в то, что мне, по немощности людской вообще и по немощности моего разума особенно, кажется абсурдом. Оно не абсурд, положим, само по себе, но для меня как будто абсурд... Однако я верую и покоряюсь. Это, пожалуй, наилучший вид веры. Совет, который для нас кажется разумным, мы можем, например, принять от любого умного мужика. Чужая мысль поразила наш ум своей истиной. Что ж за

Богу, такая вера — бунт против Бога, чудовищное порождение людского эгоизма, который хочет и Бога подчинить себе. Есть много видов безбожия, но самый плохой из них — так называемая «разумная», «рациональная» вера. Она самая плохая, ибо кроме того, что она не признает сам предмет веры (то, что невидимо — Евр. 11: 1), она к тому же и двулична: признает Бога с тем, чтобы не признать саму Его суть — «невидимость», то есть то, что над-разумно. Что такое «разумная вера»? «Разумная вера» — гадость и смрад пред Богом. Ты не сможешь веровать, пока не отречешься от себя, от своего закона. А «разумная вера» как раз и не желает отречься от эгоизма, а еще утверждает, что знает истину! Но, не отрехшись от себя, она может иметь в себе — *только себя*. Истина познается только с помощью самой себя, никак не иначе. Чтобы мы могли познать истину, надо нам ее иметь, а для этого необходимо перестать быть тем, что мы *из себя* представляем и причаститься только истиной. «Разумная вера» — начало дьявольской гордыни, желание не *принять* в себя Бога, а *выдать себя* за Бога, — самозванство и самодовольство»³⁵.

Православным подвигом веры Достоевский победил эгоцентричный эвклидовский ум, победил

диво принять ее? Ей подчиняешься невольно и только удивляешься, как это она тебе самому раньше не пришла на ум. Но, веруя в духовный авторитет, подчиняться ему против своего разума и против вкусов, которые ты воспитывал длительное время, живя иной жизнью, подчиняться добровольно и принудительно вопреки целой буре внутренних протестов — это, мне кажется, и есть настоящая вера» (Леонтьев К. Н. *Отец Климент Зегергольм. Изд. 2-е. М., 1882. С. 99*).

³⁵ Флоренский П.А. Цит. соч. С. 64.

отчаяние и скепсис своих антигероев, и усмирил себя, усмирил свой буйный и бунтарский ум перед таинственным Образом Богочеловека. Ибо первый признак веры — это смирение перед страшной тайной Божией и перед не менее страшной тайной этого мира. Вера и смирение — близнецы: они вместе зачинаются, вместе растут, вместе живут, а если умирают, то вместе умирают. Подвигом веры человек переносит личность свою из временной трехмерной жизни по человеку, которая вся пропитана смертностью, в надвременную, надпространственную и надразумную реальность, которая вся пропитана бессмертием и бесконечностью. Перед неизведанной бесконечностью он весь исполняется смирением и страхом и болезненно чувствует, что ни ум его, ни воля, ни дух его не могут вести его по бесконечным пространствам новой реальности. Однако по какой-то таинственной необходимости вера и смирение приводят в результате к молитве, всё существо человеческое погружают в молитву. И человек весь предается молитве, чтобы она вела его через таинства бессмертной реальности. Молитва управляет им. Его мелкий дух, несомый молитвой, начинает чувствовать реальность вечной истины. Он верует молитвой и молится верой. Молитва становится для него оком, взгляд которого проникает в глубины вечности и в тайник его существа. Молитва ведет ум его, сердце и волю его через страшно сложную тайну Вечности. Он всем существом своим чувствует, что молитва — зрение ума, зрение сердца, зрение воли его, с помощью которого он может видеть и познавать то, что прежде никогда и не видел, и не предчувствовал. В Православии молитва

является водителем, учителем и воспитателем. Своим православным молитвенным сердцем Достоевский это почувствовал и узнал. «Юноша, не забывай молитвы, — советует его герой, старец Зосима. — Каждый раз в молитве твоей, если искренна, мелькнет новое чувство, а в нем и новая мысль, которой ты прежде не знал и которая вновь ободрит тебя, и поймешь, что молитва есть воспитание»³⁶.

Молитва есть воспитание — это мысль, которой Достоевский выражает сущность православной педагогики. Молитва есть метод православного воспитания, ею воспитывает и созидает свою душу каждая православная христустремленная личность. Молитва *образует* новые чувства; новые чувства развиваются в новые мысли. Непрестанная молитвенность создает непрестанно новые чувства, новые мысли, которые открывают новую жизнь, молитвенную жизнь. Иными словами: молитвой создаются православное богословие и православная философия, ибо молитва — главная творческая сила, которая создает православное, то есть молитвенное, богопознание и православную, то есть молитвенную, философию. Молитва есть воспитание, следовательно, «дом молитвы» есть дом воспитания. По убеждению Достоевского, истинное воспитание и просвещение дается в храмах³⁷. Сущность христианства повита молитвами. Поэтому настоящий христианский характер может быть создан через непрестанное формирование себя молитвой. Поэтому христустремленные герои

³⁶ Братья Карамазовы. С. 367.

³⁷ Дневник писателя. Т. XI. С. 473.

Достоевского воспитываются молитвой и душу свою созидают ею. Молитва — атмосфера их: они молитвенно настроены и по отношению к Богу, и по отношению к людям. Каждого человека они встречают молитвой, каждого человека и каждое творение. Молитвой смиряют себя до червя, до ничтожества, до невероятного самоумаления. Грешнее всех людей на земле считает себя старец Зосима и собратьям советует молиться: «Господи, ибо и сам мерзок есмь паче всех и вся»³⁸.

Такое ощущение и осознание греховности разрастается до ощущения и осознания своей личной всегрешности: таинственно и чудесно я присутствую во грехе каждого грешника, участвую во всех прошлых, нынешних и будущих грехах человечества и твари; я лично ответственен за каждый грех, за каждое зло. Такое ощущение и осознание личной всегрешности и всеответственности необходимо каждой личности, каждому христианину, а не только подвижникам и монахам. «...Отцы, — учил старец Зосима братию в монастыре, — <...> не святей же мы мирских за то, что сюда пришли и в сих стенах затворились, а, напротив, всякий, сюда пришедший, уже тем самым, что пришел сюда, познал про себя, что он хуже всех мирских и всех и вся на земле... И чем долее потом будет жить инок в стенах своих, тем чувствительнее должен и сознавать сие. Ибо в противном случае незачем ему было и приходить сюда. Когда же познает, что не только он хуже всех мирских, но и пред всеми людьми за всех и за вся виноват, за все грехи людские, мировые и единоличные, то тогда

³⁸ Братья Карамазовы. С. 191.

лишь цель нашего единения достигнется. Ибо знаете, милые, что каждый единый из нас виновен за всех и за вся на земле несомненно, не только по общей мировой вине, а единолично каждый за всех людей и за всякого человека на сей земле»³⁹.

Человек, чтобы иметь право называться человеком, должен грех всех людей со-чувствовать, сопереживать — чужие грехи чувствовать как свои лично. Ибо только так человек может усмириться смирением, которое спасает. «Одно тут спасение себе: возьми себя и сделай себя же ответчиком за весь грех людской. <...> Ведь это и вправду так, ибо чуть только сделаешь себя за все и за всех ответчиком искренно, то тотчас же увидишь, что оно так и есть в самом деле и что ты-то и есть за всех и за вся виноват»⁴⁰.

Здесь необходим опыт, живое чувствование, живое сознание. Тайну жизни лучше всего понимает и воспринимает человек, который весь мир принимает через осознание своей личной всегрешности и всеответственности. Самый лучший судья — тот, который более всего себя осуждает за все грехи. Самый совершенный суд — не осуждать, а себя сделать ответственным за совершенный грех и преступление. Проклятая проблема преступления и наказания получает свое реальное решение в чувстве всегрешности, в смиренном осознании всеответственности, в убеждении, что каждый человек лично ответственен за каждое преступление и каждый грех. «Помни особенно, что не можешь ничьим судиею быти. Ибо не может быть на

³⁹ Братья Карамазовы. С. 190.

⁴⁰ Там же. С. 369.

земле судья преступника, прежде чем сам судья не познает, что и он такой же точно преступник, как и стоящий пред ним, и что он-то за преступление стоящего пред ним, может, прежде всех и виноват. Когда же постигнет сие, то возможет стать и судиею. Как ни безумно на вид, но правда сие. Ибо был бы я сам праведен, может, и преступника, стоящего предо мною, не было бы. Если можешь принять на себя преступление стоящего пред тобою и судимого сердцем твоим преступника, то немедленно прими и пострадай за него сам, его же без укора отпусти. И даже если б и самый закон поставил тебя его судиею, то сколь лишь возможно будет тебе, сотвори и тогда в духе сем, ибо уйдет и осудит себя сам еще горше суда твоего. Если же отойдет с целованием твоим бесчувственный и смеясь над тобою же, то не соблазняйся и сим: значит, срок его еще не пришел, но придет в свое время; а не придет, все равно: не он, так другой за него познает и пострадает, и осудит, и обвинит себя сам, и правда будет восполнена. Верь сему, несомненно верь, ибо в сем самом и лежит все упование и вся вера святых»⁴¹.

Неизмеримая тайна жизни кроется в духе человеческом; она неизмеримо превосходит все, что человеком называется. «...Есть Тот, Который говорит: *Мне отмищение, и Аз воздам*. Ему Одному лишь известна *вся*⁴² тайна мира сего и окончательная судьба человека, — пишет Достоевский в своем «Дневнике». — Человек же пока не может браться решать ничего с гордостью своей непогрешности,

⁴¹ Там же. С. 370.

⁴² Курсив Достоевского.

не пришли еще времена и сроки. Сам судья человеческий должен знать о себе, что он не судья окончательный, что он грешник сам, что весы и мера в руках его будут нелепостью, если⁴³ сам он, держа в руках меру и весы, не преклонится перед законом неразрешимой еще тайны и не прибегнет к единственному выходу — к Милосердию и Любви»⁴⁴.

Христороликые герои Достоевского красноречивее всего подтверждают это его мнение. Они всецело проникнуты чувством и сознанием своей личной всегрешности и всеответственности за всех и вся; они не судят, а любят; молитвенным смирением они покрывают грехи грешников и преступления преступников; они считают себя ответственными за грехи своих ближних. Старец Зосима привязывается к каждому грешнику, проникает в его душу, делая ее своей, чувствуя грехи ее как свои; и кто больше всех грешен, того он больше всех любит⁴⁵. Алеша является воплощенным смирением. Вся его личность показывает и убеждает, что он не хочет быть судьей людям, что он ни за что не возьмет на себя роль судьи и что ни за какую цену не станет судить. Это чувствует даже сладострастный Федор, с восхищением говорящий Алеше: «...Ведь я чувствую же, что ты единственный человек на земле, который меня не осудил,

⁴³ Курсив Достоевского.

⁴⁴ Дневник писателя. Т. XI. С. 249. Это очень напоминает совет апостола Павла Коринфянам: *Посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога* (1 Кор. 4: 5).

⁴⁵ Братья Карамазовы. С. 37.

мальчик ты мой милый, я ведь чувствую же это, не могу же я этого не чувствовать!..»⁴⁶. Сострада-тельный князь Мышкин до самозабвения страдает из-за грехов своих друзей и знакомых; с безграничным смирением он обходится со всеми; он всех считает выше себя; безмерно смиренной душой своей он чувствует, что виновен за все грехи и боли людские; он обобщает свое смирение словами: «Вероятнее всего, что я во всем виноват. Я еще не знаю, в чем именно, но я виноват...»⁴⁷. Из-за этой хростоликой смиренности его называют идиотом, но Достоевский всем своим романом доказал обратное: идиот не Мышкин, идиоты те, кто его считает идиотом⁴⁸. Христоустремленный Макар весь дышит несказанным смирением; своим смиренным лицом он усмиряет бурные души своих ближних; более того, таинственно и незаметно он своим смирением изгоняет гордыню и гнев из душ других людей и молитвенно всем прощает все. Смиренность стала его натурой и исключает всякую возможность гордыни.

Смиренное чувство и осознание своей личной всеответственности и всегрешности необходимо человеческой натуре, которая ищет смысл жизни. Достоевский доказывает это как художник гениально и психологический процесс этого развивает поразительно верно. Брат старца Зосимы юноша

⁴⁶ Там же. С. 25, 32.

⁴⁷ Идиот. С. 626. — Аглая не может понять Мышкина, поскольку он идеально добр и мудр, а нет в нем ни капли гордости. «Вы честнее всех, благороднее всех, лучше всех, добрее всех, умнее всех!.. Для чего же вы себя унижаете и ставите ниже всех?» (Там же. С. 368.)

⁴⁸ Ср.: В.П. Митрополит Антоний. Словарь к творениям Достоевского. С. 104.

Маркел, явный атеист и богохульник, переживает внутренний кризис, совершает подвиг веры и весь душевно меняется. Прежде горделивый и дерзкий, он смиряется ниже слуг. «Милые мои, дорогие, — говорит он, — за что вы мне служите, да и стою ли я того, чтобы служить-то мне <...> все должны один другому служить»⁴⁹. «Мама, радость моя, — обращается он к матери своей, — нельзя, чтобы не было господ и слуг, но пусть же и я буду слугой моих слуг... <...> Да еще скажу тебе, матушка, что всякий из нас пред всеми во всем виноват, а я более всех»⁵⁰. Прежде надменный по отношению к Богу и людям, теперь он с умилением и слезами просит прощения и у птиц: «Птички Божии, птички радостные, простите и вы меня, потому что и пред вами я согрешил. <...> Матушка, радость моя, я ведь от веселья, а не от горя это плачу; мне ведь самому хочется пред ними виноватым быть, растолковать только тебе не могу, ибо не знаю, как их и любить. Пусть я грешен пред всеми, да зато и меня все простят, вот и рай. Разве я теперь не в раю?»⁵¹.

Старец Зосима до монашества был офицером и имел офицерский взгляд на себя и мир. Во время одной дуэли в нем происходит душевный переворот, и он осознает истинность слов Маркела. Новые, неожиданные чувства наполняют его сердце — чувства невероятно сильные и выразительные, и он опытом познает святую истину, великую и неоспоримую: «...Воистину всякий пред всеми за всех виноват, не знают только этого люди, а если б узнали — сейчас был бы рай! Господи, <...> воистину я

⁴⁹ Братья Карамазовы. С. 333.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 334.

за всех, может быть, всех виновнее, да и хуже всех на свете людей!»⁵². Вчера он бил своего слугу Афанасия, а сегодня с ужасом спрашивает себя: «Да стою ли?.. В самом деле, чем я так стою, чтобы другой человек, такой же, как я, образ и подобие Божие, мне служил?». И он бежит к Афанасию и, как был в эполетах, бросается ему в ноги, плача, просит прощения: «Афанасий, я вчера тебя ударил два раза по лицу, прости ты меня». И тогда уж идет на условленную днем ранее дуэль. Его противник первым стреляет в него из револьвера и промахивается. Зосима же, вместо того чтобы стрелять, бросает свой револьвер в лес, крича: «Туда тебе и дорога!» А затем оборачивается к своему противнику и говорит: «Милостивый государь, простите меня, глупого молодого человека, что по вине моей вас разобидел, а теперь стрелять в себя заставил. Сам я хуже вас в десять крат, а пожалуй, еще и того больше». Эти слова вызывают бурные протесты у офицеров-секундантов: «Как это срамить полк, на барьере стоя, прощения просить!..» Зосима отвечает: «Господа мои, неужели так теперь для нашего времени удивительно встретить человека, который бы сам покаялся в своей глупости и повинился, в чем сам виноват, публично?»

После этого события Зосима подает в отставку с офицерской службы и готовится в монастырь. «Да как же это можно, — смеется ему каждый в глаза, — чтобы я за всех виноват был, ну, разве я могу быть за вас, например, виноват?» — «Да где, — отвечает Зосима, — вам это и познать, когда весь мир давно уже на другую дорогу вышел и когда сущую

⁵² Там же. С. 344.

ложь за правду считаем да и от других такой же лжи требуем. Вот я раз в жизни взял да и поступил искренно, и что же, стал для всех вас точно юродивый...»⁵³.

Подвигом смирения и исповедания спасал душу свою от отчаяния и самоубийства *Таинственный посетитель Зосимы*. Четырнадцать лет носил он в себе страшную тайну, связанную с преступлением: убил женщину, а после этого жил как в аду. Подвиг Зосимы ободряет его; он приходит к Зосиме и после долгих мучений исповедуется ему в своем преступлении. Зосима дает совет, как избавиться от адских мучений: «Идите, объявите людям. Все минется, одна правда останется». Он раскрывает Новый Завет и читает таинственные слова Спасителя: *Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода* (Ин. 12: 24). И «таинственный посетитель» решается на великий подвиг — казнить себя публичной исповедью. И делает это. В свой день рождения за обедом, на котором присутствовало множество его друзей и знакомых, он встает и перед всеми объявляет о своем преступлении, описывая его в подробностях, а заканчивает словами: «Как изверга себя извергаю из среды людей; Бог посетил меня — пострадать хочу!» Все тогда пришли в удивление и в ужас, но вскоре при участии докторов объявлено было, что вследствие расстройства нервов несчастный помешался, и никто не верил, что это он убил женщину. А он после такого внутреннего переворота ослаб, не вставал с постели, а

⁵³ Там же. С. 344—347.

перед смертью сказал Зосиме: «Бог сжалился надо мной и зовет к Себе. Знаю, что умираю, но радость чувствую и мир после стольких лет впервые. Разом ощутил в душе моей рай, только лишь исполнил, что надо было. Теперь уже смею любить детей моих и лобызать их. Мне не верят, и никто не поверил, ни жена, ни судьи мои; не поверят никогда и дети. Милость Божию вижу в сем к детям моим. Умру, и имя мое будет для них незапятнанно. А теперь предчувствую Бога, сердце как в раю веселится... Долг исполнил... <...> Господь мой поборол дьявола в моем сердце...»⁵⁴.

Чувство смирения и всеответственности проявляется также и у других героев Достоевского — у Мити и Грушеньки, у Сони и Раскольниковца, у Вани и Неточки, у Разумихина и Степана Трофимовича, у Шатова и Версилова. Оно общее и свойственно почти всем личностям, которые представлены в произведениях Достоевского. Но оно таково, несомненно, потому, что Достоевский это чувство имел и переживал как нечто свое, как составную часть своей личности. Он развил это чувство до ясного и горького осознания своей личной всегрешности. И это необычайно живое и реальное осознание своей всегрешности Достоевский представил как «Сон смешного человека» — представил не только то, что он виновен за всех и вся, но что он сам был «причиной грехопадения», что он — та скверная трихина, тот атом чумы, который заразил всю счастливую и безгрешную до него землю, что он — тот атом лжи, который проник в сердца людей и вызвал сладострастие, жестокость,

⁵⁴ Там же. С. 348 — 360.

раздоры, боль и разрушил всех людей и все творение⁵⁵. Необычайно сочувствующий и безгранично способный почувствовать, пережить и осознать трагизм всего человечества, Достоевский огромной душой своей чувствовал и осознавал, что он и сам как-то таинственно и реально виновен в страданиях человечества, виновен и ответственен за трагизм жизни на земле. Он это исповедует опосредованно и непосредственно: опосредованно через своих героев, непосредственно — через «Сон смешного человека». Когда говорит от себя непосредственно, он это свое чувство и сознание всегрешности и всеответственности, которое для него — явь, реальность, представляет как «сон смешного человека». Делает он это потому, что свое сознание всеответственности обращает к русской интеллигенции, в большинстве своем по-европейски воспитанной и образованной, а это значит — воспитанной и образованной на гордости как основе, на убеждении, что человек является мерой всех вещей видимых и невидимых, известных и неизвестных, временных и вечных. Для сформированной таким образом интеллигенции смиренное сознание всегрешности и всеответственности — не только сон, но сон, который может сниться разве что смешному человеку. Но для людей, православно воспитанных и образованных, души которых сотканы из христового смирения и кротости, веры и милосердия, чувство всегрешности и всеответственности Достоевского — не сон, а явь и реальность, самая очевидная явь и самая реальная реальность. Православно воспитанные люди

⁵⁵ Сон смешного человека. Дневник писателя. Т. XI. С. 137.

это знают из опыта, ибо невозможно быть православным, а не переживать чувства всегрешности и всеответственности как содержание своей собственной души. Это многовековой опыт, вселенский православный опыт и убеждение. Человек может прийти к познанию этого вселенского опыта единственно личным опытом, лично прочувствовав и пережив его содержание как свое, лично погружаясь в молитвенный опыт Православия. Эту спасоносную истину Достоевский познал через личный православный опыт: очарованный Пресветлым Ликом Христовым, он не мог не чувствовать себя всегрешным пред безгрешной Личностью Богочеловека, чувство своего смирения пред Христом не мог не развить в чувство и сознание своей всеответственности за всех и вся. Личным опытом своим Достоевский познал и проповедовал, что смирение — постоянная потребность для души человеческой. Незаменимую важность смирения и всеответственности Достоевский подвижнически выделял и обосновывал. Как типичный православный философ, он по-другому и не мог. Для православно-молитвенной философии смирение является «фундаментом христианства»⁵⁶, «знаком христианства», и кто не имеет этого знака, «тот не христианин»⁵⁷. «Без смирения невозможно спастись»⁵⁸. Спасение достигается верой и смирением⁵⁹. Смирение — непогрешимый путеводитель по необычайно сложной жизни человеческой на земле.

⁵⁶ Св. Макарий Великий. *De custodia cordis* X; Migne, P. gr. t. 34, col. 829 B.

⁵⁷ Он же. *Homil. XV*; *ibid.*, col. 601 B.

⁵⁸ Св. Авва Дорофей. *Doctrina XVI*; Migne, P. gr. t. 88, col. 1776 B.

⁵⁹ Братья Карамазовы. С. 364.

«Смирение любовное — страшная сила, изо всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего»⁶⁰. Смирение — единственная сила, которая может победить любой вид сатанизма: сатанизм ума, сатанизм сердца и воли. «Смирение — единственная добродетель, неподражаемая для бесов»⁶¹. Со смирения начинается христианство, без смирения оно невозможно. Смирение — это весьма сложное сплетение чувств и мыслей. Быть смиренным — значит быть нищим духом. Нищий духом человек — тот, кто всем существом своим чувствует, что его дух крайне нищ по сравнению с Духом Божиим, что его жизнь — полное нищенство по сравнению с богатством жизни Божией. Нищий духом человек — тот, кто уничтожил гордость в корне, кто гордынеумие заменил смиренноумием и весь мир воспринимает через категорию смирения. Как гордость, гордоумие является началом всякого греха и зла, так смирение, смиренноумие является началом всякой добродетели и добра, началом христианства. Но не только. Нищета духовная есть первое блаженство, которое вводит во все остальные христианские блаженства и которое приводит на землю Царство Небесное, осуществляет его на земле, делает его присутствующим, близким, реальным. Ибо сказано: *Блаженны нищие духом, ибо тех есть Царство Небесное*. Сказано, что «тех есть Царство Небесное», а не «будет». «И воистину верно, что когда люди эту мысль поймут, то наступит для них Царство Небесное уже не в мечте, а в самом деле»⁶². «Если человек не имеет крайнего

⁶⁰ Там же. С. 368.

⁶¹ Св. Иоанн Лествичник. *Scala Paradisi*; Migne, P. gr. t. 88, col. 993 A.

⁶² Братья Карамазовы. С. 350.

смирения, смирения во всем сердце своем, во всем уме своем, во всем духе своем, во всей душе и теле своих, он не может унаследовать Царства Божия»⁶³. Смирение — это неизмеримое и чрезвычайно тонкое чувство и осознание своей незначительности, что проявляется в непрестанном самоосуждении, в постоянном неверии в свой разум, в ненависти к воле своей⁶⁴, в отрешении от всего своего.

Дух смиренной ответственности пронизывает все, что воистину православно. Чувство и осознание своей личной всегрешности побуждало многих людей к необычайным подвигам смирения и покаяния. Это чувство привело величайшего русского святого Серафима Саровского (†1833) к необычайно тяжкому подвигу: он тысячу дней и тысячу ночей провел, молясь Богу непрестанно молитвой мытаря: *Боже, милостив буди мне грешному!* Ночи он проводил в лесу, коленопреклоненно на камне, а дни — в своей келье, коленопреклоненно тоже на камне. Это чувство всегрешности, эта покаянная печаль, это суровое самоосуждение, по мнению Достоевского, заполняет душу русского народа, русскую историю, все, что есть православно⁶⁵. Это чувство заполняло всю жизнь великого Оптинского старца Амвросия, которого Достоевский посещал. Это чувство заполняло всю деятельность великого русского пастыря, отца Иоанна Кронштадтского, который недавно умер. «Считай себя самым большим грешником, — учит отец Иоанн, — более тех, которые тебе таковыми

⁶³ Св. Антоний Великий. Добротолюбие, V.

⁶⁴ Ср.: Авва Дорофей. *Doctrina*, II; XIV; Migne, P. gr. t. 88, col. 1641. A.V.; col. 1676 A.C.

⁶⁵ Дневник писателя. Т. XI. С. 264–268.

кажутся или на самом деле таковыми являются; почитай себя хуже и ниже всех»⁶⁶.

Христустремленным православным сердцем своим Достоевский прочувствовал и опытно познал со всеми настоящими православными философами, что личность человеческая только самоотверженным подвигом веры спасается от грязи релятивизма и выходит на путь, который ведет к вечному смыслу и в жизнь вечную, который через христоподобное смирение, молитву, самоотречение ведет к полному и окончательному соединению со Пресветлым и чудесным Ликом Богочеловека Христа.

⁶⁶ Моя жизнь во Христе. — Приведем еще некоторые мысли этого почти современника нашего. «Необходимо в особенности стремиться к тому, — говорит он, — чтобы никогда и ни в чем не сравнивать себя с другими, но всегда ставить себя ниже других, даже если ты в каком-либо отношении выше других или такой же, как они». «Если хочешь быть истинно смиренным, то считай себя ниже всех, достойным того, чтобы тебя все топтали». «Я — сама немощь и нищета. Бог — моя сила. Это убеждение — моя высшая мудрость, которая делает меня блаженным». «Смирись духовно пред каждым, считая себя ниже его или ее, ибо тебя Сам Христос поставил быть слугой каждому, несмотря на то что все Его члены так же, как и ты, носят раны греха».

Глава III

Философия любви

Через надразумные подвиги веры, молитвы, смирения человек освобождает себя, выносит все содержание своего существа из стального шара времени и пространства и помещает его в Вечность и беспространственность. Человек становится прыгуном, который самоотверженным сальто-мортале выпрыгивает из времени в Вечность, отрекается от всего временного и пространственного, отрекается от души своей, сердца своего, ума своего, отрекается от своего «я», своего эгоистического закона: «я = я» и переходит в не-я. Посредством подвига веры человек засеивает зерно личности своей в неизведанные глубины Вечного и Невидимого. Посредством подвига молитвы зерно распадается, умирает и вырастает в сердце Невидимого. Посредством подвига смирения человек приходит к пламенному ощущению и жгучему осознанию, что зерно его существа неизмеримо мало, мелко и незначительно по сравнению с беспредельной и абсолютной ценностью Личности Христа, что оно получает свою непреходящую ценность лишь тогда, когда сливается органически со Христом. Но весь этот процесс самоотверженного упражнения себя, перенесения себя из временного в вечное, весь этот кенозис, есть не

что иное, как детально осознанная и осуществленная первая и наибольшая заповедь: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею*¹. В результате такого молитвенного упражнения все сердце, вся душа, весь ум, вся крепость человеческой личности умирает, истает в Боге. Весь человек обитает в Боге, молитвенно соединяется с Ним до чудесной близости. Воспитуемый молитвой, он постепенно обретает все больший и больший молитвенный опыт, все более святые добродетели, пока наконец не обретет средоточие всех добродетелей — любовь.

«Любовь выше молитвы»², выше всех остальных добродетелей — настолько выше, насколько Бог выше всех добродетелей, *потому что Бог есть любовь*³. Бог не только имеет любовь, но Он Сам есть любовь, «ибо любовь — не именование, а Божественная сущность»⁴. Любовь — не только «*res Dei*», но и «*substantia Dei*», Его «*esse*»⁵. Как любовь Бог абсолютен. Он бы не был абсолютной любовью, если бы был только любовью к иному, к условному, к преходящему, к миру; тогда бы любовь Божия зависела от условных сущностей и была бы не абсолютной, а случайной. Бог — абсолютная сущность, потому что Он — субстанциональный акт любви, акт-субстанция. Любовь является сущностью

¹ Мк. 12: 30; Мф. 22: 37—38; Лк. 10: 27.

² Св. Иоанн Лествичник. *Scala Paradisi; Gradus XXVI*; Migne, P. gr. t. 88, col. 1028 В.

³ 1 Ин. 4: 8, 16.

⁴ Св. Симеон Новый Богослов. *Divinorum amorum liber*, cap. XXXVII; Migne, P. gr. t. 120, col. 502 В. В своей *Oratio XXV* (ib. col. 423 С) святой говорит: *Charitas Deus est, et non creatura*.

⁵ Св. Иоанн Кассиан. *Collatio XVI*; Migne, P. lat. t. 49, col. 1027 А.

Божией, Его собственной природой, а не только Его атрибутом⁶. Поэтому невозможно обрести чувство и познание этой Абсолютной Любви, если человек лично и опытно не переживет *первую и наибольшую заповедь*, если субстанциональным актом христустремленной любви все существо свое не перенесет во Христа. Сущность Божия ищет сущность человеческую. Невозможно прийти к познанию Истины путем рационалистическим, покровным, несущественным, феноменалистическим, арианским. К реальному познанию Вечной Истины приходят путем обретения любви, которая является сущностью Божией, путем реального соединения с Богом, путем обожения. Иными словами: личным переживанием и усвоением *первой и наибольшей заповеди* человек входит в природу Божию, становится *причастником Божеского естества*⁷. Погруженный весь в Бога, он постепенно и таинственно проходит процесс обожения: обоживаются его сердце и душа, ум и все силы. Чем глубже и сильнее проникает Божия природа в его природу, тем больше наполняется он богочеловеческой любовью, тем больше погружается в неизведанные глубины Троического Божества, где тайну Божества открывает людям Дух Святой⁸. Ибо кроме Духа Божия никто не знает, что есть в Боге⁹. Человек как человек не может реально, сущностно познать Бога. *Но, как написано: и не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог*

⁶ См.: Флоренский П.А. Цит. соч. С. 71.

⁷ 2 Пет. 1: 4.

⁸ Еф. 3: 5.

⁹ 1 Кор. 2: 11.

любящим Его¹⁰, и только любящим Его, причастникам Его естества. Любовь вводит человека в глубины Божии и делает его способным познать то, что для небоголюбивых людей неизвестно. Любовь — это путь и способ истинного богопознания. Через веру, молитву и смирение человек являет себя Богу; через любовь — Бог являет Себя человеку. Через веру, молитву и смирение человек открывает себя, вносит себя в Бога; через любовь — Бог открывает Себя, вносит Себя в человека. Через веру, молитву и смирение человек отдает себя Богу; через любовь — Бог отдает Себя человеку. Через веру, молитву и смирение человек уверяется в Боге; через любовь — Бог уверяется в человеке. Через веру, молитву и смирение человек принимает Бога; через любовь — Бог принимает человека. Любовь — Божий ответ на веру, молитву и смирение человека. В отношении к Богу: человек есть вера, молитва и смирение; в отношении к человеку: Бог есть любовь, милость и сострадание. Человек может быть творцом веры, но никогда — любви; Бог — единственный Творец любви. Вера — это подвиг; любовь — это дар. Через веру, молитву и смирение человек принимает Бога как сущность, смысл и цель своей личности; через любовь — Бог принимает человека как содержание Своей жизни: соединяется с ним до богочеловеческого единства — становится Человеком, чтобы человека сделать Богом, становится тем, что есть человек, чтобы человек стал тем, что есть Бог.

Любовь есть сущность Бога, сущность Троического Божества, сущность христианства. Эта лю-

¹⁰ Там же. 2: 9.

бовь есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: *Возлюби ближнего твоего как самого себя*¹¹. На этих двух заповедях основываются весь закон и пророки, все, кто истинно знают Бога и человека. На этих двух заповедях основываются и все жизни и учения всех православных Святых; на этих двух заповедях основываются и все жизни и учения всех христоликих героев Достоевского, основывается вся жизнь и учение также самого Достоевского.

Эти две заповеди едины по сущности. Первая — всегда первая и всегда наибольшая; вторая — всегда вторая. Вторая есть лишь зримое проявление первой, объективация лично обретенной Божественной любви. Любовь к людям онтологически обусловлена любовью к Богу; без первой вторая невозможна. Это основная богочеловеческая истина — проповеданная, засвидетельствованная и доказанная Христом. Достоевский всецело усваивает эту Христову истину и пламенно ее проповедует. Для него добродетель невозможна без Бога; менее всего возможна без Бога сущность всех добродетелей — любовь. Только желторотые моралисты могут утверждать, что любовь к людям возможна без любви к Богу¹². Любить истинной, непреходящей любовью возможно в Боге и через Бога. Любовь — сущность Божия, *совокупность совершенств*¹³ Троического Божества. Приобщиться этой любви, причаститься ее, сделать ее содержанием своей души — вот первая и наибольшая

¹¹ Мф. 22: 39.

¹² Братья Карамазовы. С. 669.

¹³ Ср.: Кол. 3: 14.

заповедь. «Вторая же подобная ей», т.е. возлюби ближнего твоего любовью = сущностью; любовью, которая соединяет твою сущность с сущностью ближнего твоего, которая делает из вас почти единосущностное существо. *Возлюби ближнего твоего как самого себя.* Как самого себя? А если я ненавижу самого себя из христианского смирения? Тогда «любить ближнего своего как самого себя» означало бы «ненавидеть ближнего своего как самого себя»! — Да, действительно означало бы это, если бы вторая заповедь не была сущностной эманацией первой, единосущной частью ее. Между тем, «как самого себя» означает: как твое «себя», как твое «я», которое пережило *первую и наибольшую заповедь*, которое всем сердцем своим, всей душой своей, всем умом своим, всей крепостью своей погружалось в глубины Божии и там обожилось. «Возлюби ближнего твоего как самого себя» означает: люби ближнего своего так, как любишь свое очищенное, обоженное «я»; люби ближнего своего в Боге, Богом и через Бога. — Только так становится понятной единосущность первой и второй заповедей, и загадочная вторая заповедь получает свою настоящую, вечную значимость. «Иными словами: любить невидимого Бога означает: покорно открывать пред Ним свое сердце и ждать Его активного откровения, ждать, когда в сердце низойдет энергия Божественной любви. Причина любви к Богу есть Бог — *causa diligendi Deum Deus est*¹⁴. Наоборот же, любить видимую тварь означает: позволять принятой энергии, чтобы она проявлялась через принимающего, проявлялась

¹⁴ Bernardi Caravallensis Opera, ed. Maballon, 17, 19. De dil. Dei, 1, 1.

вокруг него и вовне его так, как она действует в Троическом Божестве; означает: позволять ей, чтобы она переходила на другого, на брата. Для собственно человеческих устремлений любовь к брату абсолютно невозможна. Это действие силы Божией. Любя, мы любим Богом и в Боге. Лишь тот, кто познал Троиединого Бога, может любить истинной любовью. Если я не познал Бога, если не приобщился к Его Существованию, то я не люблю. И наоборот: если я люблю, то я приобщился к Богу, знаю Его; а если не люблю, то не приобщился и не знаю Его»¹⁵.

Вне Бога любовь невозможна; вне любви познание Бога невозможно. ...Любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь¹⁶. Человек, чтобы мог любить людей, человечество, тварь, должен всем сердцем своим, всей душой своей, всем умом своим, всей крепостью своей родиться от Бога = Любви. Тот, кто от Любви, — не может не любить. Тот, кто соединился с Богом, — не может не быть соединенным с людьми, сущностно соединенным. Кто удален от Бога, тот удален от людей. Чем некто ближе Богу, тем ближе он к людям. Это новозаветная истина, засвидетельствованная многовековым православным опытом. «Представьте себе круг, — говорит великий благодатный философ, святой авва Дорофей, — в середине которого центр и радиусы — лучи, которые исходят из центра. Представьте теперь, что круг — это мир, центр круга — Бог, а

¹⁵ Флоренский П.А. Цит. соч. С. 84.

¹⁶ 1 Ин. 4: 7–8.

прямые линии (радиусы), идущие из центра к периферии либо из периферии к центру — это жизни людей, пути жизней человеческих. Насколько святые, желая приблизиться к Богу, входят внутрь круга, настолько они становятся ближе к Богу и друг к другу. И насколько приближаются к Богу, настолько приближаются друг к другу; и насколько приближаются друг к другу, настолько приближаются к Богу. Так же понимайте и удаление. Когда удаляются от Бога и поворачиваются к внешнему, к периферии круга, ясно, что насколько удаляются от Бога, настолько удаляются и друг от друга; и насколько удаляются друг от друга, насколько удаляются от Бога. Такова природа любви: насколько мы находимся вовне и не любим Бога, насколько каждый из нас удален и от ближнего. А если любим Бога, то насколько приближаемся к Богу через любовь к Нему, настолько любовью соединяемся и с ближними, и насколько соединяемся с ближними, насколько соединяемся с Богом»¹⁷.

Эту богочеловеческую, опытную православную истину Достоевский неподражаемо обосновывает: христаликие герои его любят всех людей, любят всю тварь, ибо любят чудесного Бога-Христа; его христорборческие герои не любят людей, не любят мир, ибо не любят Бога, не любят Христа. Настоящая, истинная любовь — не только психический акт, зависящий от человека, но акт вечный, акт богочеловеческий, в котором непременно творчески участвует вечно живая Личность Христа. Чтобы человек мог любить людей любовью непреходящей, он должен прежде всего сделать

¹⁷ Авва Дорофей. *Doctrina VI*; Migne, P. gr. t. 88, col. 1696 B-D.

Христа душой своей души, сердцем своего сердца, умом своего ума, волей своей воли, жизнью своей жизни, любовью своей любви. Без Бога Любви невозможно по-Божьи любить. Христос несравненно выше, чудеснее всех остальных богов, потому что Он есть Бог-Любовь, и только потому. «Солнце любви горит в Его сердце, лучи Света, Просвещения и Силы текут из очей Его и, изливаясь на людей, сотрясают их сердца ответною любовью»¹⁸. Любовь — сущность Личности Христа и тем самым — сущность каждой человеческой личности вообще. Любовь Достоевского к человечеству и многострадальной твари есть только проекция и отсвет любви Достоевского ко Христу. Каждое ощущение любви, и мысль и слово, каждый подвиг любви в произведениях Достоевского имеет христоликий характер, доносит благовоние души Христовой. Достоевский знает тайну чудесной Личности Христа, знает тайну Божию: любовь есть определение Бога, выражение Бога; Богочеловек есть выражение человека. Любовь соединяет до единосущности Бога с человеком: человек весь рождается от Бога и Богом; любовь означает непрерывное рождение от Бога, непрерывное генетическое единство с Богом¹⁹. Любовь есть Бог, потому она всесильна, безмерна и бесконечна. Если есть Бог-Любовь, то нет на этой планете причин для крайнего, самоубийственного отчаяния, нет места страху за смысл жизни и смысл вселенной. Бог есть любовь. Поэтому старец Зосима учит: «Ничего не бойся, и никогда не бойся,

¹⁸ Братья Карамазовы. С. 288.

¹⁹ Ср.: 1 Ин. 4: 7.

и не тоскуй. Только бы покаяние не оскудевало в тебе — и все Бог простит. Да и греха такого нет и не может быть на всей земле, какого бы не простила Господь воистину кающемуся. Да и совершить не может совсем такого греха великого человек, который бы истощил бесконечную Божию любовь. Али может быть такой грех, чтобы превысил Божию любовь? О покаянии лишь заботься, непрестанном, а боязнь отгони вовсе. Веруй, что Бог тебя любит так, как ты и не помышляешь о том, хотя бы со грехом твоим и во грехе твоём... <...> Иди же и не бойся. На людей не огорчайся, за обиды не сердись. Покойнику в сердце все прости, чем тебя оскорбил, примиришь с ним воистину. Коли каешься, так и любишь. А будешь любить, то ты уже Божий... Любовью все покупается, все спасается. <...> Любовь такое бесценное сокровище, что на нее весь мир купить можешь, и не только свои, но и чужие грехи еще выкупишь»²⁰.

По природе своей любовь — вселенская, соборная и собирающая сила. Она — центроостремительная сила, которая всю душу вселенной притягивает к Богу, этому вечному центру великой тайны жизни. Всякая тварь есть воплощенный замысел Божий, поэтому всякая тварь богоустремленна, тоскует по Творцу своему и Отцу своему. Любовь имеет чудесную способность в каждом человеке и в каждой твари обнаруживать то, что есть Божие, что совершенно. *Любовь... есть совокупность совершенства*²¹, совокупность всего того, что есть совершенно в человеке, в твари, в человечестве,

²⁰ Братья Карамазовы. С. 32.

²¹ Кол. 3: 14.

во вселенной. Совершенно же в человеке и в твари то, что боголико и богоданно, что от Единого Совершенного. Любовь связывает, сливает, соединяет боголикие души, рассеянные по человеческим телам, и Божии замыслы, рассеянные по всем тварям. Будучи сущностью Бога, любовь является непременно и сущностью человека, так как Бог не был бы Богом любви, если бы любовь не сделал сущностью человека. Бог есть любовь — это первая и наибольшая новость христианская; вторая же подобная ей: человек есть любовь. Без любви Бог не есть Бог; без любви человек не есть человек. Любовь делает Бога Богом и человека человеком. Без любви Бог — ничто; во всяком случае, ничто для измученных обитателей нашей планеты; без любви человек — ничто. В любви и любовью личность единственно возможна: любовь является сущностью, содержанием и выражением личности. Без любви «я» есть ничто; а если нечто, то это нечто — хаотичная масса бессмысленных сенсаций и ненужных болей. *Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая, или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто*²². Даже если я всезнающий, даже если добыл все знания, даже если постиг все тайны, я — ничто, коль не имею христоликой любви. Через подвиг богочеловеческой любви христоустремленная личность воскресает из гроба безличного ничто, из гроба небытия в жизнь Всебытия, в жизнь

²² 1 Кор. 13: 1–2.

Вечной Любви. Категория небытия и смерти побеждена: личность вступает в жизнь благой и кроткой Вечности — этой единственной категории любви, спасается от ужасного метафизического ничто и этернизирует, увековечивает себя. Без любви нет личности. В подвиге веры человек более всего чувствует себя как такового, свою безличность; в подвиге любви христоликой он более всего чувствует Бога и Его Личность, ибо любовь — единственная сила, которая открывает Лице Божие, которая показывает и доказывает Бога личностного, которая делает человека способным на личное общение с Богом, на общение лицом к лицу²³, на постоянное единство с Богом. Человек, который любит богочеловеческой любовью, никогда не перестает, не умирает, ибо христолика любовь никогда не перестает, никогда не разочаровывает²⁴. Эта любовь бессмертит человека, вводит его в то, что есть *совершенное*²⁵, что никогда не умирает, что делает личность вечной. Бог через любовь стал человеком, чтобы человек через любовь стал Богом, но Богом не по природе, а по благодати. Обретая богочеловеческую любовь, человек через нее обретает все богочеловеческие добродетели, все богочеловеческие чувства и помышления. Бог любовью мыслит; человек, который любит христоликой любовью, тоже любовью мыслит; Бог любовью чувствует; человек, который любит, тоже любовью чувствует; Бог любовью живет и любовью познает; человек, который любит,

²³ Ср.: Там же. 13: 12.

²⁴ Ср.: Там же. 13: 8.

²⁵ Ср.: Там же. 12: 10.

тоже любовью живет и любовью познает. Любовью мыслить, чувствовать, жить, познавать — это Божий, богочеловеческий, православный образ жизни. Христос Свою богочеловеческую любовь сделал не атрибутом, а сущностью человеческой личности — в этом главное Его деяние. До Него любовь была касательной на круге человеческой жизни; после Него она становится центром жизни, центром личности и общества. Он сделал любовь сущностью и способом существования личности и общества, сущностью и способом богопознания и человекопознания. Любовь — не только чувство, но и сущность духа, души и воли; она — главная творческая сила, которой личность новозаветная составляет себя. В любви заключается тайна новозаветной гносеологии, тайна чудесной Личности Христа. Богочеловеческая любовь является новым путем познания: люби, чтобы познал; будь любим, чтобы был познан. Истинное знание начинается в любви, возрастает любовью, достигает своего совершенства любовью. На всех ступенях своего развития знание полностью зависит от любви. «Я люблю» означает «я знаю». Знание есть эманация любви. Вся сущность и все наитончайшие нюансы философии познания содержатся в философии любви. Если любишь христоликой любовью, ты — истинный философ, и знаешь тайну, и постигнешь тайну мироздания. Любовь есть Божия философия; Бог любовью «философствует»; Бог любовью божеествует-владевает, поэтому в христианстве любовь является единственной силой, которая создает истинных философов, которая полностью решает вечные проблемы.

Христоустремленный Достоевский личным опытом своей бурной великомученической души познал, что христолика любовь является единственным средством, с помощью которого могут разрешиться вечные проблемы, «проклятые проблемы» существования Бога и существования души. «Личное бессмертие и Бог — это одна и та же идея»²⁶, — пишет он. Разумом, дискурсивно и диалектически эту идею невозможно доказать. Перед страшной тайной ее все человеческие пророчества, все человеческие языки, все человеческие знания обесцениваются, исчезают, перестают быть действенными — лишь любовь не перестает быть действенной, лишь христианская любовь не разочаровывает, а решает то, что никто решить не может — решает проблему веры в Бога и в бессмертие души. Но решает ее не путем логических доказательств, а путем непосредственной личной внутренней убежденности, которая обретается опытом активной любви, переживанием христоликой любви как сущности и способа существования своей личности.

Невозможно доказать существование Бога, бессмертия души и будущей жизни, — учит христоликий философ Зосима. — «...Убедиться же возможно.

— Как? Чем?

— *Опытom деятельной любви.* Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души вашей. Если же дойдете до полного

²⁶ Letters of F.M. Dostojevsky. P. 222.

самоотвержения в любви к ближнему, тогда уж несомненно уверуете и никакое сомнение даже и не возможет зайти в вашу душу. Это испытано, это точно»²⁷.

Это испытано и доказано многовековым опытом православных подвижников и исповедников. Опытном христоликой любви человек обретает истинное, опытное познание, что Бог = Любовь и что его душа христолика и бессмертна. Когда человек сделает богочеловеческую любовь сущностью своей личности, тогда он чувствует Богом, мыслит Богом, живет Богом, познает Богом; тогда он чувствует, что каждую его мысль, каждое его чувство Бог продолжает до бессмертия, до вечности; тогда он чувствует и осознает себя через Бога, чувствует и осознает, что его самоощущение — богоощущение, что его самосознание — богосознание. Христоликие герои Достоевского являются неопровержимым доказательством этого. Они христоликой любовью живут; они через нее познают себя и Бога; каждое чувство их, каждая мысль, желание и деяние излучают эту любовь, которая и в душах других людей порождает чувство Бога и бессмертия. Любовь, Бог, бессмертие души для них неразделимы и являются синонимами — причем не только как понятия, но как живое чувство, как живая и абсолютная реальность.

Через христоликую любовь личность человеческая возрастает к незаменимо чудесному идеалу человечества — к Богочеловеку, возрастает за счет возрастания любви, пока не вырастет в человека совершенного, в меру полного возраста

²⁷ Братья Карамазовы. С. 68 — 69.

Христов²⁸. К полноте и окончательной реализации своей личности человек приходит в том случае, когда возрастает *возрастом Божиим*²⁹, а не человеческим. Через богочеловеческие добродетели человек возрастает до наивысшего синтеза личности — до богочеловеческой любви, ибо она есть наивысший синтез личности, она последним и окончательным соединением соединяет человека со Христом. Без этой любви человек всегда остается полу-человеком, недо-человеком и не-человеком. И не только: без нее человек — «без сущности, ничто»³⁰, человек без сущности личности. «Любовь — это "да", которое "Я" говорит себе; а ненависть — это "нет" себе. Непереводимо, но ёмко Р. Хамерлинг³¹ выражает эту идею в формуле: любовь есть "das lebhafteste Sich — selbst — bejahen des Seins" / "живое себе самому "да" существа"»³².

Существо Божие, существо человеческое, существо всякое обусловлено любовью. Любить — значит существовать. Бог есть вечное Существо, потому что Любовь — Его сущность, потому что Он в каждый момент Свой — абсолютная Любовь. Это откровение принес миру Христос. Любить христороликую любовью — значит еще здесь, на земле, жить вечной жизнью, победить смерть и быть бессмертным. Любить — значит воскреснуть из мертвых в жизнь бессмертную; не любить — значит быть мертвым и остаться в смерти. Мы знаем,

²⁸ Ср.: Еф. 4: 13.

²⁹ Ср.: Кол. 2: 19.

³⁰ Св. Симеон Новый Богослов. *Divinorum amorum, liber I, cap. XXXVII*; Migne, P. gr. t. 120, col. 592 B: «sine essentia est, nihil est».

³¹ *Die Atomistik des Willens, Bd. II. (1891). S. 164.*

³² Флоренский П.А. Цит. соч. С. 92.

что мы перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев; не любящий брата пребывает в смерти³³.

Христустремленная душа Достоевского вся восхищенно проникнута чувством и убеждением, что любить — значит существовать. Жизнь человеческой личности сущностно обусловлена любовью. Достоевский отождествляет «я есть» с «я люблю». Если люблю, то я есть; если не люблю, то меня нет. Но наш христустремленный славянский апостол на крыльях своей христолюбивой души возносится в херувимские высоты апостола Любви и открывает нам великую истину, богочеловеческую истину, что ад — невозможность любить.

«Отцы и учителя, — говорит Достоевский устами своего христоликаго Зосимы, — мысля: "Что есть ад?" Рассуждаю так: "Страдание о том, что нельзя уже более любить". Раз в бесконечном бытии, неизмеримом ни временем, ни пространством, дана была некоему духовному существу, появлением его на земле, способность сказать себе: "Я есть и я люблю". Раз, только раз, дано было ему мгновение любви деятельной, живой³⁴, а для того дана была земная жизнь, а с нею времена и сроки, и что же: отвергло сие счастливое существо дар бесценный, не оценило его, не возлюбило, взглянуло насмешливо и осталось бесчувственным. Таковой, уже отошедший с земли, видит и лоно Авраамово, и беседует с Авраамом, как в притче о богатом и Лазаре нам указано, и рай созерцает, и

³³ 1 Ин. 3: 14.

³⁴ Курсив Достоевского.

ко Господу восходить может, но именно тем-то и мучается, что ко Господу взойдет он не любивший, соприкоснется с любившими, любовью их пренебрегший. Ибо зрит ясно и говорит уже сам: "Ныне уже знание имею и хоть возжаждал любить, но уже подвига не будет в любви моей, не будет и жертвы, ибо кончена жизнь земная и не придет Авраам хоть каплею воды живой (то есть вновь даром земной жизни, прежней и деятельной) прохладить пламень жажды любви духовной, которою пламенею теперь, на земле ее пренебрегши; нет уже жизни, и времени более не будет! Хоть бы и жизнь свою рад был отдать за других, но уже нельзя, ибо прошла та жизнь, которую возможно было в жертву принести, и теперь бездна между тою жизнью и сим бытием"³⁵.

Любовь — это жизнь и истина, вечная жизнь и вечная истина, потому что Бог — это Любовь. Все, что вне любви, оно и вне бытия, его бытие в небытии. Любовь — это рай, а нелюбовь — ад. Достоевский говорит: «Главное — люби других как себя, вот что главное, и это всё, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь как устроиться»³⁶. Если бы все люди всю душу свою вложили в подвиг любви, всё бы за один день, за один час могло устроиться. — Это для Достоевского не философская, а живая жизненная истина, определенная и ясная истина, которая имеет свой облик. Любовь есть вечная Истина; ее видел Достоевский, в нее верует страстно и безоглядно. «Как это не верить? — восклицает он. —

³⁵ Братья Карамазовы. С. 372.

³⁶ Дневник писателя. Сон смешного человека. Т. XI. С. 141. Ср.: Рим. 13: 8–10.

Я видел истину, — не то что изобрел умом, а видел, видел, и живой образ³⁷ ее наполнил душу мою навеки. Я видел ее в такой восполненной целостности, что не могу поверить, чтоб ее не могло быть у людей, <...> живой образ того, что я видел, будет всегда со мной и всегда меня поправит и направит. О, я бодр, я свеж, я иду, иду, и хотя бы на тысячу лет <...> я пойду и всё буду говорить, неустанно... буду проповедовать...»³⁸.

Что проповедовать? — Как устроить рай, как из адской планеты нашей устроить рай. Средство одно, только одно — любовь³⁹. Но любовь христоподобная, любовь богочеловеческая. Есть много видов любви, но лишь один абсолютен и вечен — это любовь богочеловеческая; остальные относительны, условны, смертны, конечны. Много есть видов любви, но одна проверка для них — Христос Богочеловек. Все европейские гуманизмы, альтруизмы, солидаризмы проповедают любовь по человеку, т.е. любовь, основанную на слабом европейском человеке как на фундаменте. И эту любовь называют бесконечной. Но как возможна бесконечная любовь, если конечен человек, производящий эту любовь? Как может преходящий, смертный человек породить любовь непреходящую, бессмертную и вечную? В европейском понимании, любить — значит мысленно, чувственно соприкоснуться с любимым. В православном понимании, любить — значит воплотиться в любимого, выйти душой из себя и соединиться с любимым, стать единосущным с любимым.

³⁷ Курсив Достоевского.

³⁸ Там же. С. 141.

³⁹ Там же.

Тысячеокой душой своей Достоевский разглядел трагическую преходящесть и бессмысленность любви европейского типа, поэтому по-апостольски решительно и пламенно проповедует любовь богочеловеческую, любовь православную. «Полюбить кого-нибудь, — говорит Достоевский, — это значит принять его душу в свою душу, полюбить его самого, его природу, его лик, преобразиться в нем до конца»⁴⁰. Цель любви заключается в том, чтобы двое одним стали, одним по сущности. Богочеловеческая христолика любовь всегда является новой заповедью Христовой и единственным новозаветным признаком, по которому различаются христиане от нехристиан⁴¹. Универсальное осуществление этой любви и есть последнее желание и последнее завещание Христа⁴².

Вечное очарование христоликой любви очаровывает тем, что никогда не разочаровывает, что никогда не престаёт. Очарованный Христом до вечной влюбленности в Него, Достоевский восхищенно и восторженно проповедует христоликую любовь. «И что дороже любви? Любовь выше бытия, любовь — венец бытия, и как же возможно, чтобы бытие было ей неподклонно?»⁴³ Бессмысленный трагизм жизни обретает свой смысл, свое объяснение в христоликой любви. Достоевский полностью отождествляет эту любовь со спасением. Любовью исчерпывается формула спасения. Бог через откровение объявил одну-единственную формулу спасения: возлюби ближнего как

⁴⁰ Дневник писателя. Т. XI. С. 423–424. Т. IX. С. 91.

⁴¹ Ин. 13: 34–35.

⁴² Дневник писателя. Т. XI. С. 470.

⁴³ Бесы. С. 638.

самого себя⁴⁴. Человек спасается любовью, ибо «человек не может спастись иначе как через ближнего»⁴⁵. Или, как бы сказал Достоевский, человек может спастись, если подвигом христороликкой любви воплотится в своего ближнего, в его сущность, в его лик. Но такая любовь к ближнему абсолютно невозможна без Христа и Его Богочеловеческого Тела, потому что единственное истинное и настоящее воплощение начинается и завершается Им. Воплощение — это материализация любви, видимое тело невидимой сущности. Любовь — единственная причина воплощения Христова⁴⁶. Христос страшен величиим Своим пред нами, ужасен высотой Своею, но бесконечно милостив, так как из любви стал человеком, уподобился нам⁴⁷. Непостижимым действием Своей божественной любви «Он стал от нашей сущности»⁴⁸. «Он стал человеком, чтобы мы обожились»⁴⁹. Через воплощение Христово «Бог стал человеком и человек Богом»⁵⁰. Воплощение Бога неизбежно вызывает обожение человека, ибо в Личности Богочеловека Христа Бог и человек так прочно соединены, что обожение человека становится неизбежным следствием этого.

Свою безграничную любовь к людям Христос доказывает Своим воплощением. Всё, что есть Его, воплотимо и обладает неисчерпаемой способностью к воплощению. Христороликкая любовь,

⁴⁴ Дневник писателя. Т. XI. С. 390.

⁴⁵ Св. Макарий Великий. *Homil XXXVII, 3*; Migne, P. gr. t. 34, col. 752 С.

⁴⁶ Ср.: Ин. 3: 16.

⁴⁷ Братья Карамзовы. С. 415.

⁴⁸ Св. Иоанн Златоуст. *In. Epist. ad Ephes. cap. V. Homil. 3.*

⁴⁹ Св. Афанасий Великий. *De Incarnat. § 54.*

⁵⁰ Св. Иоанн Златоуст. *Exposition in Psalmum VIII, 1.*

если станет сущностью личности, делает ее способной наиболее соединиться с предметом своей любви, воплотиться в любимого. Христороликские герои Достоевского эту любовь сделали душой своей души, сердцем своего сердца, волей своей воли. Для них любить человека — значит воплотиться в него, преобразиться в него полностью, стать им: чувствовать его чувствами, мыслить его мыслями, смотреть его глазами, болеть его болями, печалиться его печалью, страдать его страданиями, радоваться его радостью, быть счастливым его счастьем.

Христороликская любовь, действенная любовь — это труд и выдержка, а для многих — и целая наука⁵¹. «...Любовь — учительница, но нужно уметь ее приобрести, ибо она трудно приобретается, дорого покупается, долгою работой и через долгий срок, ибо не на мгновение лишь случайное надо любить, а на весь срок. А случайно-то и всяк полюбить может, и злодей полюбит»⁵². Эту любовь человек обретает тогда, когда обретет чудесный Лик Христов в качестве учителя и вождя по ужасному хаосу жизни. Через христоустремленный подвиг веры, послушания, поста, молитвы и смирения человек постепенно принимает Христа и делает Его содержанием своей жизни⁵³. Но старец Зосима поучает: «Не пугайтесь никогда собственного вашего малодушия в достижении любви, даже дурных при этом поступков ваших не пугайтесь очень. <...> Любовь деятельная сравнительно с любовью мечтательною

⁵¹ Братья Карамазовы. С. 71.

⁵² Там же. С. 368.

⁵³ Там же. С. 363.

есть дело жестокое и устрашающее. Любовь мечтательная жаждет подвига скорого, быстро удовлетворимого и чтобы все на него глядели. Тут действительно доходит до того, что даже и жизнь отдают, только бы не продлилось долго, а поскорей совершилось, как бы на сцене, и чтобы все глядели и хвалили. Любовь же деятельная — это работа и выдержка... Но предрекаю, что в ту даже самую минуту, когда вы будете с ужасом смотреть на то, что несмотря на все ваши усилия вы не только не подвинулись к цели, но даже как бы от нее удалились, — в ту самую минуту, предрекаю вам это, вы вдруг и достигнете цели и узрите ясно над собою чудодейственную силу Господа, вас все время любившего и все время таинственно руководившего»⁵⁴.

Для человеческого эвклидовского ума, который не преображен и не возрожден подвигом веры, молитвы и смирения, эта христолика любовь к людям — невозможное на земле чудо⁵⁵. Иван

⁵⁴ Там же. С. 71.

⁵⁵ Бунт Ивана «заминирован» этой мыслью. С нею Иван и начинает свой бунт. Алеше он говорил: «Я тебе должен сделать одно признание: я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних. Именно ближних-то, по-моему, и невозможно любить, а разве лишь дальних. Я читал вот как-то и где-то про "Иоанна Милостивого" (одного святого), что он, когда к нему пришел голодный и обмерзший прохожий и попросил согреть его, лег с ним вместе в постель, обнял его и начал дышать ему в гноящийся и зловонный от какой-то ужасной болезни рот его. Я убежден, что он это сделал с надрывом лжи, из-за заказанной долгом любви, из-за натащенной на себя эпитимии. Чтобы полюбить человека, надо, чтобы тот спрятался, а чуть лишь покажет лицо свое — пропала любовь.

— Об этом не раз говорил старец Зосима, — заметил Алеша, — он тоже говорил, что лицо человека часто многим еще неопытным в любви людям мешает любить. Но ведь есть и много любви

утверждает, что на всей земле нет ничего такого, что бы вынуждало людей любить своих ближних; он утверждает, «что такого закона природы: чтобы человек любил человечество — не существует вовсе»⁵⁶. «Любить своего ближнего и не презирать его — невозможно. <...> Человек создан с физической невозможностью любить своего ближнего. <...> Любить людей так, как они есть, невозможно»⁵⁷. — Но что невозможно для человека, возможно для Богочеловека; что невозможно для людей, возможно для боголюдей; что невозможно для ума христорборческого, возможно для ума христоликаго. Чтобы человек понял возможность и реальность христианской любви на земле, он должен прежде всего с помощью христустремленных подвигов победить эгоцентризм эвклидовского ума своего, должен ум свой сделать христоцентрическим, должен всю личность свою вложить в Христа, должен иметь ум Христов⁵⁸, сердце Христово, душу Христову, волю Христову — должен Христом чувствовать, Христом мыслить, Христом желать и жить. Кто этого достигает, того Христос исполняет чувством и убеждением, что его личность бессмертна, что каждая человеческая личность бессмертна и что христолика любовь не только возможна, но и незаменимо необходима для нашей расслабленной планеты.

в человечестве, и подобной Христовой любви, это я сам знаю, Иван...

— Ну а я-то пока еще этого не знаю и понять не могу, и бесчисленное множество людей со мною тоже. <...> По-моему, Христова любовь к людям есть в своем роде невозможное на земле чудо» (Братья Карамазовы. С. 274).

⁵⁶ Там же. С. 84.

⁵⁷ Подросток. С. 220, 219.

⁵⁸ Ср.: 1 Кор. 2: 16.

«Я объявляю, — пишет Достоевский, — что любовь к человечеству даже совсем невысказана, непонятна и совсем невозможна без совместной веры в бессмертные души человеческой⁵⁹. Те же, которые, отняв у человека веру в его бессмертие, хотят заменить эту веру, в смысле высшей цели жизни, "любовью к человечеству", те, говорю я, поднимают руки на самих же себя; ибо вместо любви к человечеству насаждают в сердце потерявшего веру лишь зародыш ненависти к человечеству... Я даже утверждаю и осмеливаюсь высказать, что любовь к человечеству вообще есть, как идея⁶⁰, одна из самых непостижимых идей для человеческого ума. Именно как идея. Ее может оправдать лишь одно чувство. Но чувство-то возможно именно лишь при совместном убеждении в бессмертии души человеческой»⁶¹.

Бессмертие души своей особенно ясно и неопровержимо человек чувствует и осознает, когда душу свою вложит в Христа-Богочеловека, открывающего Любовь и Любовью в каждом существе человеческом боголикую душу, которая бессмертна и которой каждый человек коренится в Боге, увековечивается в Боге. Если все смертно, любовь бессмертна, потому что Любовь — Бог, и «я вас из могилки любить буду... ибо и по смерти — любовь»⁶².

Любовь — исцелитель и очиститель человеческой личности. Будучи сущностью человека, любовь изгоняет из него все преходящее, смертное,

⁵⁹ Курсив Достоевского.

⁶⁰ Курсив Достоевского.

⁶¹ Дневник писателя. Т. X. С. 425 — 426.

⁶² Подросток. С. 369.

несущественное, грешное и грехолюбное, ибо грех по природе своей есть не-сущность, поскольку он вне Сущности — вне Бога Любви. Своей Божественной силой Любовь очищает всю личность человека: очищает огреховленную совесть и огреховленный ум, очищает огреховленную сущность сердца и воли; очищенные же сердце и волю соединяет до единосущности с Богом, придает идеальную целостность личности и делает ее христотипом. Любовь — это синтез человеческой личности, ее составитель и завершитель. Она является наиглавнейшим признаком, по которому можно узнать истинную христианскую личность⁶³. Подвигом любви человек совершенствует себя до невиданного совершенства, находит сущность свою в себе — боголикую душу, которая была покрыта грехом, изгоняет всякий грех, обезгрешивает свою личность, ибо «ничто не противно любви так, как грех»⁶⁴. Любовь исключает грех. Любовь — это сила притяжения, соединяющая частицы личности; грех же — то, что ведет к разложению личности. Чем больше любви, тем меньше греха; чем меньше греха, тем больше красоты. Абсолютная безгрешность — это абсолютная красота существа. Абсолютная безгрешность олицетворена единственно во Христе, поэтому единственно в Нем олицетворена и абсолютная Красота.

«Красота — это идеал, — говорит Достоевский. — А идеалы давно поколеблены у нас и в цивилизованной Европе. В мире существует только одноединственное явление абсолютной красоты —

⁶³ Ср.: Ин. 13: 34–35.

⁶⁴ Св. Иоанн Златоуст. Ad Ephes. Homil. IX, 3.

Христос. Это бесконечно дивное явление, бесконечное чудо. Все Евангелие от Иоанна исполнено этой мыслью. Иоанн зрит чудо Воплощения, явленную красоту»⁶⁵.

«Красота спасет мир», — утверждает князь Мышкин⁶⁶, имея в виду красоту дивной Личности Христа, Которая открывается и познается любовью. Христос — не только Абсолютная Красота сама в себе, но и по отношению к твари. Он является Украшителем всей твари — от Херувима до червя⁶⁷. В Нем каждая тварь и каждый человек находит свою собственную боголикую красоту, не помраченную грехом; в Нем каждый человек обретает убеждение, что Бог создал человека для бессмертия и вечности, что создал быть образом Своего Бытия⁶⁸.

Через христустремленные подвиги человек обретает христоликую красоту. В действительности, спастись — значит украсить личность свою Абсолютной Красотой Христовой. Оттого, по словам Достоевского, святые — «положительные характеры несказанной красоты и силы»⁶⁹. Оттого они являются обладателями и хранителями той Красоты, которая спасет мир. Это они «Образ Христов хранят пока в уединении своем благолепно и неискаженно, в чистоте правды Божией, от древнейших отцов, апостолов и мучеников, и когда

⁶⁵ Letters of F.M. Dostojevsky. P. 135.

⁶⁶ Идиот. С. 412.

⁶⁷ Христоустремленный дух Православной Церкви восхищенно молится дивному Господу Иисусу: «Иисусе, всея твари оукрастелю... помилуй мя...» — Акафист Иисусу Владчайшему. Икос 4.

⁶⁸ Ср.: Прем. 2: 23.

⁶⁹ Дневник писателя. Т. XI. С. 476.

надо будет, явят Его поколебавшейся правде мира»⁷⁰. Они сияют несказанной христоликой красотой; вся личность их во Христовой Личности; в Ней достигают они полноты, совершенства, свободы и целостности своей личности.

Христос — незаменимый идеал человеческой личности, ее альфа и омега. Стать христоликим — цель человеческой личности. Истинно совершенная и благородная человеческая личность создается христоликими подвигами веры, любви, молитвы, смирения, всемилосердности. Такие благородные личности Достоевский представил в образах Зосимы и Алеши, Макара и князя Мышкина. Они сияют христоликой красотой и добродетелями. В письме Достоевского, где говорится о Христе как Абсолютной Красоте и Идеале, сказано также, что основная идея его романа «Идиот» — изобразить, описать истинно совершенного и благородного человека⁷¹, человека христоликого. Удивительные личности христоликих героев Достоевского неустанно показывают и доказывают, несут и проповедают единственную Абсолютную Истину и Диво — дивный Христос есть Любовь; Любовь есть Красота; Красота спасет мир!

⁷⁰ Братья Карамазовы. С. 361.

⁷¹ Letters of F.M. Dostojevsky. P. 135.

Глава IV

Наивысший синтез жизни

Душа европейского человека атомизирована, раздроблена; отражающийся в ней мир предстает как хаотическое столкновение обезумевших стихий, которые не могут слиться в гармоничную симфонию любви. Душа христоликаго человека интегральна, целостна, потому что она богочеловеческими подвигами исцелила себя от безнадежной раздробленности и атомизированности; видимый, отражающийся в ней мир предстает как рой христоустремленных монад, которые высвобождаются и устремляются к своему блаженному синтезу, к своему дивному Господу — Христу. Через наивысший синтез личности лежит путь к наивысшему синтезу жизни. С решением проблемы личности решается и проблема жизни, поэтому проблема личности вечна, бесконечна, а не релятивна, конечна. Достоевский знает безграничную ценность человеческой личности, поэтому посредством всех своих отрицательных и положительных героев исступленно бьется над разгадкой этой загадки. Он через своих антигероев испробовал все небогочеловеческие пути и не смог решить «проклятую проблему» человеческой личности. Путь к этому — личное подвижничество

через христороликые добродетели. Свое мученическое бдение над этой страшной проблемой Достоевский более всего и откровеннее всего отразил в романе «Братья Карамазовы», в шестой книге, которая имеет название «Русский инок». Старец Зосима — живой образ христустремленных идей Достоевского. На пути православного подвижничества Достоевский смог найти облечение для своей бурной и мятежной души, и потому этот путь он проповедует и оправдывает чудесно. Он знает, что этот путь высмеивают люди, которые проблеме личности и жизни решают иными путями, решают и никак не могут ее решить; но это нисколько не смущает его: он лично и опытно знает, что проблему личности можно решить окончательно лишь путем православного, богочеловеческого подвижничества.

«Отцы и учителя, что есть инок? — спрашивает старец Зосима. — В просвещенном мире слово сие произносится в наши дни у иных уже с насмешкой, а у некоторых и как бранное. И чем дальше, тем больше. Правда, ох правда, много и в монашестве тунеядцев, плотоугодников, сластолюбцев и наглых бродяг. На сие указывают образованные светские люди: "Вы, дескать, лентяи и бесполезные члены общества, живете чужим трудом, бесстыдные нищие". А между тем, сколь много в монашестве смиренных и кротких, жаждущих уединения и пламенной в тишине молитвы. На сих меньше указывают, и даже обходят молчанием вовсе, и сколь подивились бы, если скажу, что от сих кротких и жаждущих уединенной молитвы выйдет, может быть, еще раз спасение земли Русской! Ибо воистину приготовлены в тишине "на

день и час, и месяц, и год". Образ Христов хранят пока в уединении своем благолепно и неискаженно, в чистоте правды Божией, от древнейших отцов, апостолов и мучеников, и, когда надо будет, явят его поколебавшейся правде мира. Сия мысль великая. От востока звезда сия воссияет»¹.

Жизненный путь христуостремленных подвижников весь в формировании образа своего по Образу Христа, Который восстанавливает, обновляет и очищает богообразное содержание души человеческой. Мирские идут противоположным путем — тем, который обезображивает богообразную душу человеческую. «Посмотрите у мирских и во всем превозносящемся над народом Божиим мире, не исказился ли в нем Лик Божий и правда Его? У них наука, а в науке лишь то, что подвержено чувствам. Мир же духовный, высшая половина существа человеческого отвергнута вовсе, изгнана с неким торжеством, даже с ненавистью»².

Наука не знает человека, не знает границ человеческой личности, поэтому не в состоянии не только решить проблему личности, но и определить: что есть личность?³ «Помни, юный, — так прямо и безо всякого предисловия начал отец Паисий, — что мирская наука, соединившись в великую силу, разобрала, в последний век особенно, все, что завещано в книгах святых нам небесного и после жестокого анализа у ученых мира сего не осталось из всей прежней святыни решительно ничего. Но разбирали они по частям, а целое просмотрели, и даже

¹ Братья Карамазовы. С. 361.

² Там же.

³ Биография... и записная книжка Ф.М. Достоевского. С. 59.

удивления достойно, до какой слепоты. Тогда как целое стоит перед их же глазами незыблемо, как и прежде, и врата адовы не одолевают его. Разве не жило оно девятнадцать веков, разве не живет и теперь в движениях единичных душ и в движениях народных масс? Даже в движениях душ тех же самых, все разрушивших, атеистов живет оно, как прежде, незыблемо! Ибо и отрекшиеся от христианства и бунтующие против него, в существе своем сами того же самого Христова облика суть, таковыми же и остались, ибо до сих пор ни мудрость их, ни жар сердца их не в силах были создать иного высшего образа человеку и достоинству его, как образ, указанный древле Христом»⁴.

Неразрешимая проблема свободы человеческой личности, неразрешимая вне Христа, в сфере эвклидовского, земного ума, находит свое решение в надразумных, христоликих подвигах веры, молитвы, смирения, любви, поста, милосердия, которые создают в человеке чувство и сознание, что совершенная свобода — освободиться от себя, от своего загрязненного, подчиненного греху «я» через тесное единство с безгрешной Личностью Христовой. Над монашеским путем — «послушанием, постом и молитвой даже смеются, а между тем лишь в них заключается путь к настоящей, истинной уже свободе: отсекаю от себя потребности лишние и ненужные, самолюбивую и гордую волю мою смиряю и бичую послушанием, и достигаю тем, с помощью Божией, свободы духа, а с нею и веселья духовного»⁵. Настоящая свобода,

⁴ Братья Карамазовы. С. 198.

⁵ Там же. С. 363.

утверждает Достоевский, состоит единственно в победе над самим собой и над своей волей, в победе, которая делает человека способным в конце концов достичь такого нравственного состояния, что всегда, в любой момент, может быть самому себе настоящим хозяином⁶. Через непрестанные подвиги поста, молитвы, послушания монах освобождает себя от тиранства вещей и привычек⁷, побеждает материю и устраняет все преграды между собой и Христом. Поэтому кроткий Макарь так ревностно защищает «пустыню». «Сначала, — говорит он, — жалко себя, конечно (то есть когда поселишься в пустыне), — ну а потом каждый день все больше радуешься, а потом уже и Бога узришь»⁸.

В последний год своей жизни Достоевский пишет: «Не от омерзения (к миру) удалялись святые от мира, а для нравственного совершенствования»⁹. В пустыне человек молитвой собирает дух свой, рассеянный по вещам, выселяет из вещей душу свою и непрестанными подвигами очищает свой ум, сердце и волю. Раздробленную, легионизированную личность свою он постепенно исцеляет от общечеловеческой болезни — разделенности личности. Исцеляет ее, срастаясь органически с Христом, в Котором постепенно осуществляется примирение между человеческими волей и разумом, а также разумом и чувствами. И когда человек полностью соединится со Христом, когда уже его

⁶ Дневник писателя. Т. XI. С. 70.

⁷ Братья Карамазовы. С. 363.

⁸ Подросток. С. 395.

⁹ Биография... Ф.М. Достоевского. Ср.: Подросток. С. 381: «В пустыне человек укрепляет себя даже на всякий подвиг».

«жизнь... сокрыта со Христом в Боге»¹⁰, тогда, лишь тогда, он достигает совершенной свободы и полноты личности, тогда он обретает убеждение, что его воля, разум и сердце единосущны, что в объятиях Троического Божества человек становится единосущным целым, что противоборство между разумом и сердцем, между сердцем и волей прекращается, и человек наслаждается «миром, который превыше всякого ума»¹¹.

«Инока корят его уединением: "Уединился ты, чтоб себя спасти в монастырских стенах, а братское служение человечеству забыл". Но посмотрим еще, кто более братолюбиво поусердствует? Ибо уединение не у нас, а у них, но не видят сего. А от нас и издревле деятели народные выходили, отчего же не может их быть и теперь? Те же смиренные и кроткие постники и молчальники восстанут и пойдут на великое дело. От народа спасение Руси. Русский же монастырь искони был с народом. Если же народ в уединении, то и мы в уединении»¹².

Уединение монаха происходит не ради себя, а ради Христа: чтобы наедине и беспрепятственно быть постоянно со Христом. А кто со Христом, то разве он уединен? Не со всеми ли он — не чувствует ли боли всех болящих как свои? Не чувствует ли души всех людей как свою? И души всех тварей как свою? Не участвует ли в вечной жизни? Не переживает ли страдание всего мира как свое? Быть со Христом — значит быть со Трисолнечным Божеством, Которым живет, движется и

¹⁰ Кол. 3: 3.

¹¹ Флп. 4: 7.

¹² Братья Карамазовы. С. 363.

существует всё. Оставить мир ради Христа — значит принять его вновь, но улучшенным и очищенным Христом. «Поди и раздай твое богатство и стань всем слуга. И станешь богат паче прежнего в бесчисленно раз; ибо не пищею только, не платьями ценными, не гордостью и не завистью счастлив будешь, а умножившеюся бесчисленно любовью. Уж не малое богатство, не сто тысяч, не миллион, а целый мир приобретешь! Ныне без сытости собираем и с безумием расточаем, а тогда не будет ни сирот, ни нищих, ибо все мои, все родные, всех приобрел, всех до единого купил! Ныне не в редкость, что и самый богатый и знатный к числу дней своих равнодушен, и сам уж не знает, какую забаву выдумать; тогда же дни и часы твои умножатся как бы в тысячу раз, ибо ни единой минутки потерять не захочешь, а каждую в веселии сердца ощутишь. Тогда и премудрость приобретешь не из единых книг токмо, а будешь с Самим Богом лицом к лицу; и воссияет земля паче солнца, и не будет ни печали, ни воздыхания, а лишь единый бесценный рай»¹³.

Таков православный путь к наивысшему синтезу жизни. Есть два пути: путь православный — подвижнический, и путь неправославный — мирской. На православном пути человек отрекается от себя и мира вокруг себя, уединяется ради Христа, чтобы его Христос через соединение с Собою соединил со всеми людьми и всей тварью; на неправославном пути человек эгоистически уединяется ради себя, остается всегда герметически закрытым от людей, остается всегда сам, всегда один,

¹³ Подросток. С. 395.

постепенно задыхается, пока наконец не умрет. В первом случае результат — духовная радость и мир, спокойствие; во втором — беспокойство и духовное самоубийство.

На мирском пути люди оказываются заложниками вещей; они становятся собственностью вещей, а не вещи — их собственностью. «Провозгласил мир свободу, в последнее время особенно, и что же видим в этой свободе ихней: одно лишь рабство и самоубийство! Ибо мир говорит: "Имеешь потребности, а потому и насыщай их, ибо имеешь права такие же, как и у знатнейших и богатейших людей. Не бойся насыщать их, но даже приумножай", — вот нынешнее учение мира. В этом и видят свободу. И что же выходит из сего права на приумножение потребностей? У богатых *уединение*¹⁴ и духовное самоубийство, а у бедных — зависть и убийство, ибо права-то дали, а средств насытить потребности еще не указали. Уверяют, что мир чем далее, тем более единится, слагается в братское общение тем, что сокращает расстояние, передает по воздуху мысли. Увы, не верьте такому единению людей. Понимая свободу как приумножение и скорое утоление потребностей, искажают природу свою, ибо зарождают в себе много бессмысленных и глупых желаний, привычек и нелепейших выдумок. <...> И не дивно, что вместо свободы впали в рабство, а вместо служения братолюбию и человеческому единению впали, напротив, в *отъединение*¹⁵ и уединение... А потому в мире все более и более угасает мысль о

¹⁴ Курсив Достоевского.

¹⁵ Курсив Достоевского.

служении человечеству, о братстве и целостности людей...»¹⁶. Постепенно совершается период человеческого уединения в современном человечестве; и скоро он должен совершиться. Ибо сейчас каждый стремится как можно больше отделить свою личность, хочет испытать на себе самом полноту жизни, а между тем из всех его усилий выходит вместо полноты жизни только полное самоубийство. В наш век все разделились на единицы, каждый уединяется в свою нору, каждый отдаляется от другого, прячется и то, что имеет, прячет и кончает тем, что сам от людей отталкивается и сам людей от себя отталкивает. Копит уединенно богатство и думает: «Как силен я теперь и как обеспечен!» — а не знает безумный, что чем больше копит, тем больше погружает себя в самоубийственное бессилие. Ибо он привык лишь на себя надеяться и от целого отделился единицей, приучил свою душу не верить в людскую помощь, в людей и в человечество, и только трепещет оттого, что пропадут его деньги и его права. Сейчас повсеместно ум человеческий начинает насмешливо не понимать, что истинное обеспечение личности состоит не в ее личном уединенном усилии, а в людской общей целостности. Но непременно будет так, что придет конец и этому страшному индивидуализму, и поймут все разом, как неестественно друг от друга отделились. Таким уже будет дух времени, и удивятся тому, что так долго сидели во тьме, а света не видели. Тогда и явится знамение Сына Человеческого на небе... Но до тех пор надо все-таки знамя беречь, и человек, хоть

¹⁶ Братья Карамазовы. С. 362 — 363.

единично, должен пример показать и вывести душу из уединения на подвиг братолюбивого общения, хотя бы даже и в чине юродивого. Это нужно, чтобы не умирала великая мысль¹⁷.

Единение людей невозможно без братства, а братство невозможно без общего Отца. По словам князя Мышкина, вся сущность христианства заключается в идее, что Бог — наш Отец, а люди — Его родные дети¹⁸. «Лишь в человеческом духовном достоинстве равенство... Были бы братья, будет и равенство...»¹⁹.

Духовное достоинство человека заключается в святости и неприкосновенности его личности, то есть в богоподобной сущности его души, в этом божественном центре. Его все люди имеют, но человек может в каждом конкретном случае найти этот центр, если имеет «Пресветлый Лик Христов» в качестве путеводителя по мрачным безднам человеческого существа. Имея этот необычайный Лик в качестве путеводителя и критерия, Достоевский научился находить человека в человеке, отделять богоподобную сущность души от мерзких грехов, любить человека в греховности его и ненавидеть грех без ненависти к грешнику. В этом заключается тайна достохвального реализма Достоевского. Ведомый Христом, он в человеке открывает то, что бессмертно, реально, то есть боголикую душу его. Было бы оскорблением сказать о Достоевском, что он психолог, в европейском значении этого слова. Он психолог, но в православном

¹⁷ Там же. С. 350 -- 351.

¹⁸ Идиот. С. 235.

¹⁹ Братья Карамазовы. С. 365.

значении этого слова. Он реалист, причем православный реалист. «Меня зовут психологом, — пишет он в конце своей жизни, — неправда; я лишь реалист в высшем смысле, то есть я изображаю все глубины души человеческой»²⁰.

Таковыми же реалистами являются его христоликие герои: они и в самом грешном человеке находят безгрешное. Они любят человека во грехе его. Они — дивное воплощение учения старца Зосимы: «Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие уж подобие Божеской любви и есть верх любви на земле»²¹. Любя грешника, они не любят греха его. Они во все не отождествляют грешника с грехом. Это во истину единственный признак Божественной, христоликой любви. Сам Христос никогда не отождествляет грешника с грехом²². Будучи Светом истинным, Который просвещает всякого человека²³, Он освещает все глубины человеческого существа и показывает, что реально и что нереально, что существенно и что несущественно, что есть добро и что зло, что богоподобно и что нет — и тогда отделяет реальное от нереального, добро от зла.

Страшная тайна добра и зла для сознания человечества предстает как одна из наибольших загадок. В себе, в своей эмпирической данности,

²⁰ Биография... Ф.М. Достоевского. С. 373.

²¹ Братья Карамазовы. С. 368.

²² Наилучший пример этого — отношение к блуднице, взятой в прелюбодеянии, которую привели к Нему книжники и фарисеи, эти древние отождествители грешника с грехом (Ин. 8: 3—11). Господь осудил не ее, а ее грех: *...Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши* (Ин. 8: 11).

²³ Ин. 1: 9.

человек не обладает абсолютным мерилom добра и зла, греха и добродетели. «Трудно человеку знать про всякий грех, что грешно, а что нет: тайна тут, превосходящая ум человеческий»²⁴, ум эвклидовский, небогочеловеченный ум человеческий.

Что уму человеческому абсолютно невозможно решить проблему добра и зла, Достоевский многосторонне и неподражаемо показал на своих отрицательных типах. Для них разум является мерилom всего видимого и невидимого, мерилom добра и зла, поэтому они отождествляют человека со злом, грешника с грехом его, поэтому и убивают грешника из-за греха. На них Достоевский неопровержимо доказал абсолютность православной истины: что разум не способен быть мерилom добра и зла, что рационалистическое определение добра и зла несостоятельно, что тайна добра и зла непостижима для категорий человеческого разума. А вот в своих хрестоликих героях он неопровержимо показал, что Лик Христов является единственным мерилom добра и зла. Явлением Своего вечно живого Лика Христос показывает, что есть добро, а что есть зло. Он не оставил свода законов с реестром всех проявлений добра и всех проявлений зла. Он явил чудесный Лик Свой, чтобы быть единственным путеводителем по ужасному смешению добра и зла в человеческой жизни. Вместо понятного и твердого древнего закона человек, от явления Христа, должен свободным сердцем решать сам, что добро и что зло, имея для руководства лишь Образ Христа перед собой²⁵.

²⁴ Подросток. С. 364.

²⁵ Братья Карамазовы. С. 295.

Чтобы в своих чувствах и мыслях, делах и желаниях мог различать, что есть добро и что зло, человек должен непрестанно оглядываться на Образ Христа и спрашивать себя: какое впечатление на кроткий и благий Образ Христа производит эта моя мысль, это мое чувство, это мое действие, это мое желание? Если хочет научиться различать добро и зло, человек должен непрестанно жить в присутствии Христа. Он должен и самую малую свою мысль и самое большое свое дело выверять Христом. «Все свои убеждения он должен проверять Им, ибо для убеждений существует одна проверка — Христос»²⁶. «Если не имеем авторитета в вере и во Христе, то во всем заблудимся»²⁷. Когда человек пройдет тяжкий подвиг самоусовершенствования по образу Христову, когда душу свою вложит во Христа, когда все чувства свои созидаст Христом, когда глазами Христа смотрит на тайну жизни — тогда, только тогда обретает чувства *навыком приучены к различению добра и зла*²⁸. Такой человек никогда не смешивает грех с грешником; такой человек неустанно бдит над душой своей христоустремленной и смиренно учит: «На всяк день и час, на всякую минуту ходи около себя и смотри за собой, чтобы образ твой был благолепен. Вот ты прошел мимо малого ребенка, прошел злобный, со скверным словом, со гневливою душой; ты и не заметил, может, ребенка-то, а он видел тебя, и образ твой, неприглядный и нечестивый, может, в его сердечке остался. Ты и не знал

²⁶ Биография... Ф.М. Достоевского. С. 311.

²⁷ Там же. С. 371.

²⁸ Евр. 5: 14.

сего, а, может быть, ты уже тем в него семя бросил дурное, и возрастет оно, пожалуй, а все потому, что ты не уберегся перед дитятей, потому что любви осмотрительной, деятельной не воспитал в себе»²⁹.

Христоликая личность имеет вечный оптимизм — Христа, Бога любви; и Он ее непрестанно вдохновляет Своей Богочеловеческой любовью, которая никогда не прекращается, никогда не ослабевает, никогда не разочаровывает. И эта любовь становится средством, с помощью которого она решает самые запутанные социальные проблемы. «Перед иною мыслью станешь в недоумении, особенно видя грех людей, и спросишь себя: "Взять ли силой али смиренною любовью?" Всегда решай: "Возьму смиренною любовью". Решишься так раз навсегда — и весь мир покорить можешь. Смирение, любовь — страшная сила, изо всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего»³⁰. Нет греха, который может уничтожить оптимизм христовосного человека; нет страха ни физического, ни метафизического, который может изгнать Христа из души его и сердца его. Он благоухает и сияет любовью, смело и неустрашимо живет Христом, потому что в любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх³¹ — всякий страх, изгоняет и страх от греха человеческого, поэтому: «Будьте веселы как дети, как птички небесные. И да не смущает вас грех людей в вашем делании, не бойтесь, что затрет он дело ваше и не даст ему

²⁹ Братья Карамазовы. С. 368.

³⁰ Там же. С. 368.

³¹ 1 Ин. 4: 18.

совершиться, не говорите: "Силен грех, сильно нечестие, сильна среда скверная, а мы одиноки и бессильны, затрет нас скверная среда и не даст совершиться благому деланию". Бегите, дети, сего уныния! Одно тут спасение себе: возьми себя и сделай себя же ответчиком за весь грех людской. Друг, да ведь это и вправду так, ибо чуть только сделаешь себя за всё и за всех ответчиком искренно, то тотчас же увидишь, что оно так и есть в самом деле и что ты-то и есть за всех и за вся виноват»³².

Исполненный христоликой любви, которая углубляет чувство личной всегрешности и всеответственности и требует непрестанной деятельности, Зосима учит: «Делай неустанно. Если вспомнишь в ночи, отходя ко сну: "Я не исполнил, что надо было", то немедленно восстань и исполни. Если кругом тебя люди злобные и бесчувственные и не захотят тебя слушать, то пади пред ними и у них прощения проси, ибо воистину и ты в том виноват, что не хотят тебя слушать. А если уже не можешь говорить с озлобленными, то служи им молча и в унижении, никогда не теряя надежды»³³. Если же все оставят тебя и уже изгонят тебя силой, то, оставшись один, пади на землю и целуй ее, омочи ее слезами твоими, и даст плод от слез твоих земля, хотя бы и не видал и не слышал тебя никто в уединении твоём. Верь до конца, хотя бы даже и случилось так, что все бы на земле совершилось, а ты лишь единственный верен остался; принеси

³² Братья Карамазовы. С. 368.

³³ Это следует соотнести со словами апостола Павла о любви: *Любовь... все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит* (1 Кор. 13: 7).

и тогда жертву и восхвалял Бога ты, единый оставшийся. А если вас таких двое сойдутся — то вот уж и весь мир, мир живой любви, обнимите друг друга в умилении и восхвалите Господа: ибо хотя и в вас двоих, но восполнилась правда Его»³⁴.

Любовь расширяет человека до богочеловеческой безмерности, и он живет душами всех людей, болями и страданиями всех людей; он присутствует во всем, что есть человеческое, и ничто человеческое ему не остается чужим. Когда же утратит любовь, утратит и душу свою, утратит силу, которая соединяла его со всеми людьми; тогда он уединяется в самоубийственном одиночестве и засыхает в этой оторванности от остальных людей. Поэтому утрата любви равна самоубийству, она страшнее всего. «Если же злодейство людей возмутит тебя негодованием и скорбью уже неборимую, даже до желания отмщения злодеям, то более всего страшись сего чувства; тотчас же иди и ищи себе мук так, как бы сам был виновен в сем злодействе людей. Прими сии муки и вытерпи, и утолитя сердце твое и поймешь, что и сам виновен, ибо мог светить злодеям даже как единый безгрешный — и не светил. Если бы светил, то светом своим озарил бы и другим путь, и тот, который совершил злодейство, может быть, не совершил бы его при свете твоём. И даже если ты и светил, но увидишь, что не спасаются люди даже и при свете твоём, то пребудь тверд и не усомнись в силе света небесного; верь тому, что если теперь не спаслись, то потом спасутся. А если не спасутся и потом, то сыны их спасутся, ибо не умрет

³⁴ Братья Карамазовы. С. 370.

свет твой, хотя бы и ты уже умер. Праведник отходит, а свет его остается. Спасаются же и всегда по смерти спасающего. Не принимает род людской пророков своих и избивает их, но любят люди мучеников своих и чтят тех, коих замучили. Ты же для целого работаешь, для грядущего делаешь. Награды же никогда не ищи, ибо и без того уже велика тебе награда на земле: духовная радость твоя, которую лишь праведный обретает. Не бойся ни знатных, ни сильных, но будь премудр и всегда благолепен. Знай меру, знай сроки, научись сему. В уединении же оставаясь, молись»³⁵.

Кто любит, тот всегда молитвенно настроен по отношению ко всем людям. Молитва развивает любовь до невероятных размеров, расширяет и углубляет ее. Любовь всегда молится; молитва всегда любит. Кто любит — молитвой любит всех и вся, кто молится — любовью молится за всех и вся. Молитва есть душа любви; любовь есть тело молитвы. «...На каждый день, и когда лишь можешь, тверди про себя: "Господи, помилуй всех днесь пред Тобою представших". Ибо в каждый час и каждое мгновение тысячи людей покидают жизнь свою на сей земле, и души их становятся пред Господом, — и сколь многие из них расстались с землею отъединенно, никому не ведомо, в грусти и тоске, что никто-то не пожалеет о них, и даже не знает о них вовсе: жили ль они или нет. И вот, может быть, с другого конца земли вознесется ко Господу за упокой его и твоя молитва, хотя бы ты и не знал его вовсе, а он тебя. Сколь умиленно душе его, ставшей в страхе пред Господом,

³⁵ Там же. С. 370.

почувствовать в тот миг, что есть и за него модельщик, что осталось на земле человеческое существо и его любящее. Да и Бог милостивее воззрит на обоих вас, ибо если ты столь пожалел его, то коль паче пожалеет Он, бесконечно более милосердый и любезный, чем ты. И простит его тебя ради»³⁶.

«Мера любви — не останавливаться нигде»³⁷, мера молитвы — в мере любви. Границы любви и молитвы совпадают; их граница — в безграничности. «...Горе самоубийцам! — Мыслью, что уже несчастнее сих и не может быть никого. Грех, рекут нам, о сих Бога молить, и Церковь наружно их как бы и отвергает, но мыслью в тайне души моей, что можно бы и за сих помолиться. За любовь не осердится ведь Христос. О таких я внутренно во всю жизнь молился, исповедуюсь вам в том, отцы и учителя, да и ныне на всяк день молюсь»³⁸.

Молитва возрастает любовью, но и любовь возрастает молитвой до безграничности и неизмеримости. Умягченное молитвенной любовью сердце человеческое говорит тихо и кротко: «Не гордитесь пред малыми, не гордитесь и пред великими. Не ненавидьте и отвергающих вас, позорящих вас, поносящих вас и на вас клеветующих. Не ненавидьте

³⁶ Там же. С. 367.

³⁷ Св. Иоанн Златоуст. In. Epist. ad Philip. Homil. II, 1.

³⁸ Братья Карамазовы. С. 373. Ср. слова Макара в «Подростке» (с. 394): «Самоубийство есть самый великий грех человеческий, но судья тут — един лишь Господь, ибо Ему лишь известно всё, всякий предел и всякая мера. Нам же беспрерывно надо молиться о таком грешнике. Каждый раз, как услышишь о таком грехе, то, отходя ко сну, помолись за сего грешника умиленно; хотя бы только воздохни о нем к Богу; даже хотя бы ты и не знал его вовсе, — тем доходнее твоя молитва будет о нем».

атеистов, злоучителей, материалистов, даже злых из них, не токмо добрых, ибо и из них много добрых, наипаче в наше время. Поминайте их на молитве тако: спаси всех, Господи, за кого некому помолиться, спаси и тех, кто не хочет Тебе молиться. И прибавьте тут же: не по гордости моей молю о сем, Господи, ибо и сам мерзок есмь паче всех и вся...»³⁹.

Чудесное воплощение учения старца Зосимы — «херувим» Алеша, любовь которого всегда деятельна, который к пассивной любви не способен, которого через дикую бурю жизни ведет Пресветлый Образ Христа. Любящий всех и любимый всеми, он — херувим — погружается в херувимскую молитву, молится за все дикие и бурные души: «Господи, помилуй их всех, давешних, сохрани их несчастных и бурных, и направь. У Тебя пути: имиже веси путями спаси их. Ты любовь, Ты всем пошлешь и радость!»⁴⁰.

Обратив душу свою к твари, христолика личность всколыхивается жалостью и молитвой, и жалостью любит всю тварь, жалостью и молитвой. Она воздыхает воздыханием и рыдает рыданием Богом созданной твари, которая от человеческого греха расслабилась, разболелась и разрыдалась. Она, вопия покаянно, молит о милости и прощении для оскорбленной твари. Поэтому и принимает всю тварь не непосредственно, собою, а опосредованно — Христом. Пречистым оком Христовым она смотрит на всю тварь, а ее взгляд проникает сквозь кору греха до безгрешной сущности

³⁹ Братья Карамазовы. С. 190.

⁴⁰ Там же. С. 188.

творения. Она видит Логос мироздания и каждую тварь принимает из рук Творца. Отраженная в зеркале ее христоликой души, расслабленная и больная тварь является в своей богоданной безгрешности, чистоте и красоте. Ей открывается тайна творения, ибо она любит каждую тварь; а любимый всегда открывает тайну свою тому, кто его любит. Христолика личность смотрит на природу не как на что-то, что нужно покорить, а как на больного, которого нужно обихаживать, жалеть и любить; не как на бездушную материю, которую надо бездушно объяснять и использовать, а как на воплощенную тайну Божию, которую надо молитвой и любовью познавать. Кротко и тихо, на голубиных ножках молитвенной любви подходит она к каждой твари, милая и любя ее. И постигает тайну каждой твари. «Любите все создание Божие, и целое, и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь, и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все далее и более, на всяк день. И полюбишь, наконец, весь мир уже всецелою, всемирною любовью»⁴¹. Кротким оком своей молитвенной любви христолика личность видит истину каждой Божией твари и ее оправдание. Во истину, *всякое творение Божие хорошо и ничто не предосудительно, если принимается молитвенной любовью, ибо всякое создание Божие освящается молитвой и любовью*⁴². Для чистых все чисто; а для

⁴¹ Там же. С. 368.

⁴² Ср.: 1 Тим. 4: 4—5.

оскверненных и неверных нет ничего чистого, но осквернены и ум их, и совесть⁴³. Для эвклидовского неверующего ума Ивана все представляется как дикий, проклятый, дьявольский хаос, а для ума старца Зосимы и остальных христоликих героев Достоевского всё — дивная тайна Божия, только замутненная грехом, то есть в сущности своей всё хорошо и великолепно.

«Истинно, — говорит старец Зосима, — все хорошо и великолепно, потому что все истина. Посмотри... на коня, животное великое, близ человека стоящее, али на вола, его питающего и работающего ему, понурого и задумчивого, посмотри на лики их: какая кротость, какая привязанность к человеку, часто бьющему его безжалостно, какая незлобивость, какая доверчивость и какая красота в его лике. Трогательно даже это и знать, что на нем нет никакого греха, ибо все совершенно, все, кроме человека, безгрешно, и с ними Христос еще раньше нашего». — «Да неужто... и у них Христос?» — «Как же может быть иначе, ...ибо для всех Слово, все создание и вся тварь, каждый листик устремляется к Слову, Богу славу поет, Христу плачет, себе неведомо, тайной жития своего безгрешного совершает сие»⁴⁴.

В сущности своей каждая тварь христоустремленна, ибо во Христе каждая тварь находит смысл свой, Логос свой, оправдание свое. Вне Его всякая тварь а-логосна и бессмысленна. В Нем, в Вечном Слове Божием, каждая тварь находит свое слово, которым выражает себя, таинственную сущность

⁴³ Тит. 1: 15.

⁴⁴ Братья Карамазовы. С. 340.

своего бытия. Без Божиего Слова вся вселенная — немое чудовище, а наша планета со всем, что есть на ней, — дикое безумие. Только в Богочеловеке каждая тварь обретает свою абсолютную ценность, ибо *все Им и для Него создано*⁴⁵. В Нем каждая тварь открывает свою первоизданную красоту, святость и безгрешность. В Нем — все красота и все любовь; Его Красота спасет мир. Очищенная тварь сияет этой Красотой. Эту христоликую Красоту твари созерцают христоликие души святых, которые Христом принимают всякую тварь в ее первоизданной безгрешности и красоте. «Цель устремлений подвижника — воспринимать всю тварь в ее первоизданной красоте. Дух Святой открывает Себя в способности видеть красоту твари»⁴⁶.

Чистое и нежное сердце Зосимы чувствует, видит и говорит «о красе мира сего Божиего и о великой тайне его»⁴⁷. «...Посмотрите кругом на дары Божии: небо ясное, воздух чистый, травка нежная, птички, *природа прекрасная и безгрешная*, а мы, только мы одни, безбожные и глупые и не понимаем, что жизнь есть рай, ибо стоит только нам захотеть понять, и тотчас же он настанет во всей красе своей, обнимемся мы и заплачем»⁴⁸. «Всякая-то травка, всякая-то букашка, муравей, пчела золотая — все то до изумления знают путь свой, не имея ума, тайну Божию свидетельствуют, беспрерывно совершают ее сами...»⁴⁹.

⁴⁵ Кол. 1: 16.

⁴⁶ Флоренский П.А. Цит. соч. С. 310.

⁴⁷ Братья Карамазовы. С. 340.

⁴⁸ Там же. С. 346.

⁴⁹ Там же. С. 340.

Таинственная красота творения открывает себя чистому и «почти безгрешному сердцу»⁵⁰ Макара. «Все есть тайна, — кротко говорит он, — во всем тайна Божия. В каждом дереве, в каждой былинке эта самая тайна заключена. Птичка ли малая поет, али звезды все сонмом на небе блещут в ночи — все одна эта тайна, одинаковая... Красота везде неизреченная! ..Травка растет — расти, травка Божия, птичка поет — пой, птичка Божия, ребеночек у женщины на руках пискнул — Господь с тобой, маленький человечек, расти на счастье, младенчик!.. Хорошо на свете, милый! ... А что тайна, то оно тем даже и лучше; страшно оно сердцу и дивно; и страх сей к веселию сердца: "Все в Тебе, Господи, и я сам в Тебе, и прими меня!" Не ропщи, вьюнош: тем еще прекрасней оно, что тайна»⁵¹.

Во Христе не прекращается тайна мира: она только из горькой становится сладостной, из безобразной становится прекрасной. Через Него человек вырастает в эту бессмертную тайну: живет жизнью всей твари, страдает ее страданиями, воздыхает ее воздыханиями, чувствует ее чувствами, мыслит ее мыслями. «На земле же воистину мы как бы блуждаем, и не было бы драгоценного Христова Образа пред нами, то погибли бы мы и заблудились совсем, как род человеческий пред потопом. Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных. Вот почему и говорят

⁵⁰ Подросток. С. 392.

⁵¹ Там же. С. 365, 368.

философы, что сущности вещей нельзя постичь на земле. Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил сад Свой, и возшло все, что могло взойти, но возвращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего с таинственным миром иным; если ослабевает или уничтожается в тебе сие чувство, то умирает и возвращенное в тебе. Тогда станешь в жизни равнодушен и даже возненавидишь ее»⁵².

Кто обретет христоликую любовь, тот не делает различия между праведником и грешником, а любит всех людей и всю тварь. Он кротко смиряет себя перед каждой тварью как перед великой тайной и чудесным символом Божиим. Такой человек кротко поучает: «Животных любите: им Бог дал начало мысли и радость безмятежную. Не возмущайте же ее, не мучьте их, не отнимайте у них радости, не противьтесь мысли Божией. Человек, не возносись над животными: они безгрешны, а ты со своим величием гноишь землю своим появлением на ней и след свой гнойный оставляешь после себя, — увы, почти всяк из нас!»⁵³.

Но как возможно человеку любить зверей, как можно быть в мире с ними, как возможно примирение? — Человеку как человеку это невозможно, зато возможно христоликому человеку, имеющему только Христа как посредника между собой и всей остальной тварью. Кротостью Христовой дышит такой человек — и укрощает диких зверей. Старец Зосима рассказывает одному юноше, как однажды медведь приходил к великому святому, который

⁵² Братья Карамазовы. С. 369.

⁵³ Там же. С. 368.

спасался в лесу, в малой келийке, и как умилился святой над ним, без страха вышел к нему и подал кусок хлеба, сказав: «Ступай... Христос с тобой», и отошел свирепый зверь послушно и кротко, вреда не причинив⁵⁴.

«Жил со зверями» — эти несколько слов, часто встречающихся в житиях святых подвижников, выражают всю суть новой, примиренной, восстановленной жизни со всей тварью⁵⁵.

Милостивое и сочувственное сердце человека Христова быстро вживается в душу каждого иного человека, каждой твари. Соучастием движется жизнь его, и он весь мир принимает через безграничное соучастие. «Соучастие — самый главный и, может быть, единственный закон жизни всего человечества»⁵⁶. Как пишет Достоевский в своем «Дневнике», это соучастие, эта жалость — драгоценность наша, и искоренять ее из общества страшно. Когда общество перестанет жалеть слабых и угнетенных, тогда ему же самому станет плохо: оно очерствеет и засохнет, станет развратно и бесплодно⁵⁷.

И сердце, умягченное молитвой, льет слезы над болью всей твари, любит ее безгранично и с умилением говорит: «В уединении же оставаясь, молись. Люби повергаться на землю и лобызать ее. Землю целуй и неустанно, ненасытно люби, всех

⁵⁴ Там же. С. 341.

⁵⁵ Так, прпп. Сергей Радонежский (XIV век) и Серафим Саровский (XIX век) принимали медведя как гостя; Пахомий Египетский (IV век) и св. Феодора перебирались через Нил на крокодиле... Сам Господь Христос в пустыне был со зверями (Мк. 1: 13) — Флоренский П.А. Цит. соч. С. 305.

⁵⁶ Идиот. С. 346.

⁵⁷ См.: Дневник писателя. Т. X. С. 87.

любви, ищи восторга и исступления сего. Омочи землю слезами радости твоя и люби сии слезы твои. Исступления же сего не стыдись, дорожи им, ибо есть дар Божий, великий, да и не многим дается, а избранным»⁵⁸.

Под мерзкой корой греха кроется безгрешная сущность твари, богозданная и райская. Грех — отвратительное наслоение, которым человечество заглушило эту сущность. Поэтому христороликая личность смиряется ниже всякой твари, чувствует себя ответственной за трагизм твари, поэтому и молит тварь о прощении: «Птички Божии, птички радостные, простите и вы меня, потому что и пред вами я согрешил»⁵⁹. В богозданной сущности своей жизнь есть рай. Почувствовать это — значит пережить и познать все счастье, всю радость. Чтобы испытать это, человеку не нужны многие месяцы! «Да чего годы, чего месяцы! ...Что тут дни-то считать, и одного дня довольно человеку, чтобы все счастье узнать. Милые мои, чего мы ссоримся, друг перед другом хвалимся, один на другом обиды помним: прямо в сад пойдем и станем гулять и резвиться, друг друга любить и восхвалять, и целовать, и жизнь нашу благословлять»⁶⁰.

Жизнь — то, что нужно благословлять, ибо каждая тварь имеет бутон, в котором находится капля небесного счастья. Эти бутоны раскрываются над

⁵⁸ Братья Карамазовы. С. 371. — В романе «Бесы» одна старушка, жившая в монастыре, говорит: «И всякая тоска земная, и всякая слеза земная — радость нам есть; а как напоишь слезами своими под собой землю на пол-аршина в глубину, то тотчас же о всем и возрадуешься» (С. 140).

⁵⁹ Братья Карамазовы. С. 334.

⁶⁰ Там же.

солнечной душой христоликого человека и капают счастье в его жаждущее сердце. Дивной душе князя Мышкина вся тварь открывает небесную сторону своего существа, и он, очарованный этим, спрашивает: «Неужели в самом деле можно быть несчастным? О, что такое мое горе и моя беда, если я в силах быть счастливым? Знаете, я не понимаю, как можно проходить мимо дерева и не быть счастливым, что видишь его? Говорить с человеком и не быть счастливым, что любишь его! О, я только не умею высказать... а сколько вещей на каждом шагу таких прекрасных, которые даже самый потерявшийся человек находит прекрасными? Посмотрите на ребенка, посмотрите на Божию зарю, посмотрите на травку, как она растет, посмотрите в глаза, которые на вас смотрят и вас любят...»⁶¹.

Когда человек христоликими добродетелями возрастит свою душу, тогда он всю тварь чувствует как органическую часть своего существа: в его душу сходятся души всех тварей, в его сердце вплетаются нервы всех тварей, и его личность расширяется до бесконечности и живет многообразной жизнью всех тварей. «Юноша, брат мой, — рассказывает старец Зосима, — у птичек прощения просил: оно как бы и бессмысленно, а ведь правда, ибо все как океан, все течет и соприкасается: в одном месте тронешь — в другом конце мира отдается. Пусть безумие у птичек прощения просить, но ведь и птичкам было бы легче, и ребенку, и всякому животному около тебя, если бы ты сам был благолепнее, чем ты есть теперь, хоть на одну

⁶¹ Идиот. С. 594.

каплю да было бы. Все как океан, говорю вам. Тогда и птичкам стал бы молиться, всецелою любовью мучимый, как бы в восторге каком, и молить, чтоб и он грех твой отпустил тебе. Восторгом же сим дорожи, как бы ни казался он людям бессмысленным»⁶².

Алеша свято хранит этот завет. Он не только любит, но и опьянен любовью ко всем людям и ко всей твари. Чудесная красота его христороликкой вселюбви трогательно описана в главе, получившей название «Кана Галилейская». В то время как отец Паисий читает Евангелие над гробом, в котором лежит тело почившего старца Зосимы, Алеша тихо молится. «Обрывки мыслей мелькали в душе его, загорались, как звездочки, и тут же гасли, сменяясь другими, но зато царило в душе что-то целое, твердое, утоляющее, и он сознавал это сам. Иногда он пламенно начинал молитву, ему так хотелось благодарить и любить... Но, начав молитву, переходил вдруг на что-нибудь другое, задумывался, забывал и молитву, и то, чем прерывал ее. Стал было слушать, что читал отец Паисий, но, утомленный очень, мало-помалу начал дремать...

И в третий день брак бысть в Кане Галилейстей, — читал отец Паисий...» <...>

И в уме Алеши проносится, как вихрь: «Ах, да... я это место люблю. Это Кана Галилейская, первое чудо... Ах, это чудо, ах, это милое чудо. Не горе, а радость людскую посетил Христос, в первый раз сотворяя чудо, радости людской помог... "Кто любит людей, тот и радость их любит..." Это повторял покойник [т.е. старец Зосима] поминутно, это одна

⁶² Братья Карамазовы. С. 369.

из главнейших мыслей его была... <...> Все, что истинно и прекрасно, всегда полно всепрощения, — это опять-таки он говорил...»

Среди гостей на брачном пиру Алеша видит и старца Зосиму: «Как... И он здесь? Да ведь он во гробе... Но он и здесь... Встал, увидел меня, идет сюда... Господи!..

Да, к нему подошел он, сухенький старичок, с мелкими морщинками на лице, радостный и тихо смеющийся. Гроба уже нет, и он в той же одежде, как и вчера... Лицо все открытое, глаза сияют. Как же это, он, стало быть, тоже на пире, тоже званый на брак в Кане Галилейской..

— Тоже, милый, тоже зван, зван и призван, — раздается над ним тихий голос. — Зачем сюда схоронился, что не видать тебя... пойдём и ты к нам.

Голос его, голос старца Зосимы... <...>

— Веселимся, — продолжает сухенький старичок, — пьем вино новое, вино радости новой, великой; видишь, сколько гостей? <...> А видишь ли Солнце наше, видишь ли *Его*?

— Боюсь... не смею глядеть... — прошептал Алеша.

— Не бойся *Его*. Страшен величием пред нами, ужасен высотой Своею, но милостив бесконечно; нам из любви уподобился и веселится с нами, воду в вино превращает, чтобы не пресекалась радость гостей, новых гостей ждет, новых непрерывно зовет и уже на веки веков... Вон и вино несут новое, видишь, сосуды несут...

Что-то горело в сердце Алеши, что-то наполнило его вдруг до боли, слезы восторга рвались из души его... Он простер руки, вскрикнул и проснулся...»⁶³.

⁶³ Там же. С. 413–415.

Здесь тайна жизни человеческой развивается в радость, в великую, вечно новую радость. Христоустремленная душа человеческая завершает свой подвиг — небесным браком. И через нее вся богозданная тварь. Вот, в своей чудесной красоте вся тварь — непрерывное первое чудо в Кане Галилейской. Тронет Христос Своей чудотворной рукой многострадальную тварь — вся она становится новой, и радостной, и сладостной. Горькую жизнь твари Он усладил Собою; от Него жизнь всегда нова, всегда полна вина нового, вина радости великой, ибо Он всегда здесь; Он превращает пресную воду жизни в вино вечно новой радости, чтобы измученные обитатели нашей планеты не потеряли драгоценного чувства, что этот мир всегда — первое чудо, никогда не бывшее, а всегда новое и сладостное; Он непрестанно зовет всех людей быть Его гостями, пить *Его* вино новое, веселиться с Ним, быть всегда с Ним, вечно жить в присутствии Его, в свете чудесной и чудотворной красоты Пресветлого Лица Его.

Пораженный удивительным видением первого Христова чуда, Алеша выходит из келии.

«Полная восторгом душа его жаждала свободы, места, широты. Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звезд. С зенита до горизонта двоился еще неясный Млечный Путь. Свежая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. <...> Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною... Алеша стоял, смотрел, и вдруг, как подкошенный, повергся на землю.

Он не знал, для чего обнимал ее, он не давал себе отчета, почему ему так неудержимо хотелось

целовать ее, целовать ее всю, но он целовал ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и исступленно клялся любить ее, любить во веки веков. "Облей землю слезами радости твоя и люби сии слезы твои..." — прозвенело в душе его. О чем плакал он? О, он плакал в восторге своем даже и об этих звездах, которые сияли ему из бездны и "не стыдился исступления сего". Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров Божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, "соприкасаясь мирам иным". Простить хотелось ему всех и за всё, и просить прощения — о! не себе, — а за всех, за всё и за вся, а "за меня и другие просят" — прозвенело опять в душе его. Но с каждым мгновением он чувствовал явно и как бы осязательно, как что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его — и уже на всю жизнь и на веки веков. Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом, и сознал, и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не мог забыть Алеша во всю жизнь свою потом этой минуты. "Кто-то посетил мою душу в тот час", — говорил он потом с твердою верой в слова свои...»⁶⁴. — А этот *Кто-то* был Христос, о Котором вздыхала христустремленная душа Алеши.

Через восхищенную молитвенную любовь ко всем людям и всей твари христолика душа наконец достигает наивысшего синтеза жизни. Ей вся тварь открывается в своей райской красоте и гармонии. Она принимает мир через посредника Христа. Для

⁶⁴ Там же. С. 416.

нее мир — благовествование Божие. В святилище своем она переживает наивысший оптимизм и наивысшую радость: *Жизнь есть рай*. За шумной дисгармонией, которая проламывает кору жизни, таится несказанная гармония жизни. К ней приходят посредством исступления вселюбви христороликой, ибо только она может найти, почувствовать и услышать гармонию жизни. Совершенная и абсолютная гармония возможна лишь в совершенной и абсолютной Любви, то есть в Боге. Чувствование и видение этой гармонии имеет человек, сердце которого постоянно пульсирует, бьется бесконечной восторженной любовью «за всех и вся». Достоевский был таким человеком. Он имел такое видение. В «Сон смешного человека» он внес это видение и описал его.

Ему снилось, что он оказался в какой-то другой стране, где всё было точно так же, как у нас, только с той разницей, что там всё всюду сияло чем-то праздничным, великим, святым и торжественным.

«Ласковое изумрудное море тихо плескало о берега и лобызало их с любовью, явной, видимой, почти сознательной. Высокие, прекрасные деревья стояли во всей роскоши своего цвета, а бесчисленные листочки их, я убежден в том, приветствовали меня тихим, ласковым своим шумом и как бы выговаривали какие-то слова любви. Мурава горела яркими ароматными цветами. Птички стаями перелетали в воздухе и, не боясь меня, садились мне на плечи и на руки и радостно били меня своими милыми, трепетными крылышками. И наконец, я увидел и узнал людей счастливой земли этой. Они пришли ко мне сами, они окружили меня, целовали

меня. Дети солнца, дети своего солнца, — о, как они были прекрасны! Никогда я не видывал на нашей земле такой красоты в человеке... Глаза этих счастливых людей сверкали ясным блеском. Лица их сияли разумом и каким-то восполнившимся уже до спокойствия сознанием, но лица эти были веселы; в словах и голосах этих людей звучала детская радость. О, я тотчас же, при первом взгляде на их лица, понял всё, всё! Это была земля, не оскверненная грехопадением, на ней жили люди не согрешившие, жили в таком же раю, в каком жили, по преданиям всего человечества, и наши согрешившие прародители, с тою только разницею, что вся земля здесь была повсюду одним и тем же раем...»

«Пусть это был только сон! — продолжает Достоевский. — Но ощущение любви этих невинных и прекрасных людей осталось во мне навеки, и я чувствую, что их любовь изливается на меня и теперь оттуда. Я видел их сам, их познал и убедился, я любил их... <...> Они, зная столь много, не имеют нашей науки. Но я скоро понял, что знание их восполнялось и питалось иными проникновениями, чем у нас на земле, и что стремления их были тоже совсем иные. Они не желали ничего и были спокойны, они не стремились к познанию жизни так, как мы стремимся познать ее, потому что жизнь их была восполнена. Но знание их было глубже и высшее, чем у нашей науки; ибо наука наша ищет объяснить, что такое жизнь, сама стремится сознать ее, чтоб научить других жить; они же и без науки знали, как им жить, и это я понял, но я не мог понять их знания. Они указывали мне на деревья свои, и я не мог понять той степени любви, с которою они смотрели на них: точно они говорили с себе

подобными существами. И знаете, может быть, я не ошибусь, если скажу, что они говорили с ними! Да, они нашли их язык, и убежден, что те понимали их. Так смотрели они и на всю природу — на животных, которые жили с ними мирно, не нападали на них и любили их, побежденные их же любовью. Они указывали мне на звезды и говорили о них со мною о чем-то, чего я не мог понять, но я убежден, что они как бы чем-то соприкасались с небесными звездами, не мыслию только, а каким-то живым путем. <...> Они были резвы и веселы как дети. Они блуждали по своим прекрасным рощам и лесам, они пели свои прекрасные песни, они питались легкою пищею, плодами своих деревьев, медом лесов своих и молоком их любивших животных. Для пищи и для одежды своей они трудились лишь немного и слегка. У них была любовь и рождались дети, но никогда я не замечал в них порывов того жестокого сладострастия, которое постигает почти всех на нашей земле, всех и всякого, и служит единственным источником почти всех грехов нашего человечества. Они радовались являвшимся у них детям как новым участникам в их блаженстве. Между ними не было ссор и не было ревности, и они не понимали даже, что это значит. Их дети были детьми всех, потому что все составляли одну семью. У них почти совсем не было болезней, хоть и была смерть; но старики их умирали тихо, как бы засыпая, окруженные прощавшимися с ними людьми, благословляя их, улыбаясь им и сами напутствуемые их светлыми улыбками. Скорби, слез при этом я не видал, а была лишь умножившаяся как бы до восторга любовь, но до восторга спокойного, восполнившегося, созерцательного. Подумать

можно было, что они соприкасались еще с умершими своими даже и после их смерти и что земное единение между ними не прерывалось смертью. Они почти не понимали меня, когда я спрашивал их про вечную жизнь, но, видимо, были в ней до того убеждены безотчетно, что это не составляло для них вопроса. У них не было храмов, но у них было какое-то насущное, живое и непрерывное единение с целой вселенной <...> Они славил природу, землю, море, леса <...> всю жизнь свою они проводили лишь в том, что любовались друг другом. Это была какая-то влюбленность друг в друга, всецелая, всеобщая <...> Да, когда они глядели на меня своим милым, проникнутым любовью взглядом, когда я чувствовал, что при них и мое сердце становилось столь же невинным и правдивым, как и их сердца, то и я не жалел, что не понимаю их. От ощущения полноты жизни мне захватывало дух, и я молча молился на них»⁶⁵.

Проснувшись, Достоевский почувствовал, что все его существо наполнено бескрайней вселюбовью и вечной истиной. «О, теперь жизни и жизни! — восклицает он. — Я поднял руки и воззвал к вечной истине; не воззвал, а заплакал; восторг, неизмеримый восторг поднимал всё существо мое. Да, жизнь, и — проповедь! О проповеди я порешил в ту же минуту и, уж конечно, на всю жизнь! Я иду проповедовать, я хочу проповедовать, — что? Истину, ибо я видел ее, видел своими глазами, видел всю ее славу! <...> Я и сбиться-то очень не могу. Потому что я видел истину, я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности

⁶⁵ Дневник писателя: Сон смешного человека. Т. XI. С. 132–136.

жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей <...> Я видел истину, — не то что изобрел умом, а видел, видел, и живой образ⁶⁶ ее наполнил душу мою навеки»⁶⁷.

Достоевский, самый отчаянный бунтовщик и богоборец, принял мир, достиг наивысшего синтеза жизни. Все возбуждения, все дикие сомнения, все самоубийственно-отчаянные настроения прошли, перешли в некое высшее спокойствие, полное ясной, гармоничной радости и надежды. Прежде ужасно отчаивавшийся, теперь он бурную душу свою напитал наивысшей гармонией, невиданной красотой, неслышанным и нечаемым чувством полноты, меры, примирения, восхищения и в христустремленном восторге слился с наивысшим синтезом жизни, где всё — «красота и молитва»⁶⁸.

Через молитвенное слияние с наивысшим синтезом жизни — Христом — «проклятая проблема» страдания, которая для человеческого эвклидовского ума является наиболее значимой причиной для неприятия мира и Бога, получает свое окончательное решение. Во Христе страдание теряет свою горечь, обретает сладость и освящается, получает свое оправдание, становится необходимым средством спасения и совершенствования человека, становится очистилищем и наивысшей школой христианства⁶⁹. От таинственного и чудотворного прикосновения руки Христа горькая тайна становится сладкой, прежняя боль и страдание постепенно

⁶⁶ Курсив Достоевского.

⁶⁷ Там же. С. 140 — 141.

⁶⁸ Идиот. С. 241.

⁶⁹ Братья Карамазовы. С. 356, 358, 577 — 578, 669, 673.

переходят в тихую и умирительную радость. Погружаясь в молитвенный восторг, человек чувствует, как земная жизнь его соприкасается с новой — бесконечной, неведомой, но уже скоро грядущей жизнью, от предчувствия которой восторгом трепещет душа, сияет ум и радостно плачет сердце; он интенсивно чувствует, что над всеми страданиями и тайнами жизни возносится всепрощающая правда Божия, которая все осмысляет, примиряет, убажает⁷⁰. Христос делает человека способным не только переносить страдания, но и быть в страдании блаженным, счастливым. Христоролик Зосима, посылая Алешу в мир, говорит ему: «Благословляю тебя на великое послушание в миру. <...> С тобою Христос. Сохрани Его, и Он сохранит тебя. Горе узришь великое и в горе сем счастлив будешь. Вот тебе завет: в горе счастья ищи. Работай, неустанно работай»; «Много будешь иметь противников, но и самые враги твои будут любить тебя. Много несчастий принесет тебе жизнь, но ими-то ты и счастлив будешь и жизнь благословишь, и других благословить заставишь, — что важнее всего»⁷¹.

Ко блаженному и наивысшему синтезу жизни — Богочеловеку Христу — путь лежит через христуподобляющие добродетели. Достоевский это как исповедник показал и как великомученик доказал. Когда христуоупрежденная личность все эти добродетели делает содержанием своей души и жизнью своей жизни, тогда исцеляет себя от греховной раздробленности и измельченности, тогда и входит в царство наивысшего синтеза жизни, во преблаженное царство чудесной Личности Богочеловека Христа.

⁷⁰ Братья Карамазовы. С. 337.

⁷¹ Там же. С. 93; 330.

Глава V

Тайна Европы и России

В кротком Лике Христа Достоевский нашел мир мятежной душе своей и успокоение не знавшему покоя сердцу своему — мир и успокоение, которые даются тому, кто мучается над страшной тайной жизни и, перегруженный тяжкими проблемами, оступается, падает, но все же по-великомученически упорно несет бремя жизни. Приняв иго Христово на себя, Достоевский познал от Него, что лишь в Его кротком и смиренном сердце человек может найти мир душе своей и почувствовать, что с Ним иго жизни благо и бремя существования легко¹. В дивном Лике Христовом Достоевский нашел единственно убедительное оправдание жизни, единственно истинную и приемлемую теодицею и антроподицею. Через православного Христа он принял Бога и мир, примирился и с Богом, и с миром. Поэтому он неустрашимо и смело исповедует Православие, в котором сохранился Лик Христа неоскверненным и неискаженным. «Православие — это все, — по-исповеднически смело заявляет он в конце своей жизни и излагает такие формулы: "Весь русский народ

¹ Ср.: Мф. 11: 28—30.

в Православии и в его идее. В нем и с ним — нет ничего больше. На самом деле ничего иного и не нужно, ибо Православие — все. Православие — это Церковь, а Церковь — венец здания навсегда"»².

Кто может решить «проклятую проблему» человеческой личности, тот может решить и «проклятую проблему» человеческого общества, проблему человечества — это основное убеждение Достоевского. На протяжении тысячелетий человек ее решал и не решил; решил ее только Богочеловек. Не человек, а Богочеловек, не человечество, а богочеловечество. То, что Европа столетиями пытается решить через человека, Православие решило и решает через Богочеловека. Страдальческий дух Достоевского долго погружался в костоломный хаос европейского человечества, долго бился над страшной загадкой его, пока не открыл причины этого хаоса и тайны этой загадки. Причина — католицизм; тайна — католицизм.

— Почему, почему католицизм? — вознегодуют многие. — Разве католицизм не проповедует Христа?

— Да, проповедует, — отвечает Достоевский. — Но проповедует Христа искаженного, Христа очеловеченного, Христа, созданного по подобию европейского человека. Европейский человек из гордости не пожелал уподобиться Богочеловеку, а Богочеловека уподобил себе — человеку. За счет Богочеловека европеец долго оценивал человека завышенно, пока не пришел к окончательному безумию — к горделивому догмату о непогрешимости человека, синтезирующего в себе дух Европы.

² Биография... и записная книжка Ф.М. Достоевского.

Человек оттеснил и почти заменил собой Богочеловека. Человек обоготворял себя и посредством философии, и посредством науки, и посредством религии (папизма), и посредством цивилизации, и посредством культуры. Но один дух действовал через все эти виды деятельности — дух католицизма. Все, что происходит в Европе, происходит под знаком католицизма. Сделав человека мериллом всего, обоготворив человека, возведя в догмат непогрешимость человека, католицизм вольно и невольно, непосредственно и опосредованно стал причиной и поводом атеизма, социализма, анархизма, науки, культуры и цивилизации по человеку. Европейский человеко-бог оттеснил Богочеловека; католицизм санкционировал человеко-божие; Европа взяла на себя обязанность это человеко-божие социализировать — и отсюда весь ужас и все мучение Европы.

Проблема Европы есть проблема католицизма — таков вывод, к которому пришел Достоевский, изучая Европу. Во многих своих произведениях он рассматривает эту проблему. Но чтобы дать как можно более полную картину этого, мы будем излагать его идеи, насколько возможно, в хронологическом порядке. Впервые к этой проблеме Достоевский основательно обращается в своем романе «Идиот» (1868). И в качестве носителя своей идеи берет любимого князя Мышкина.

«Католичество все равно что вера нехристианская, — говорит он. — ...Нехристианская вера, во-первых! Это во-первых, а во-вторых, католичество римское даже хуже самого атеизма... Атеизм только проповедует нуль, а католицизм идет дальше: он искаженного Христа проповедует, им же

оболганного и поруганного, Христа противоположного! Он антихриста проповедует, клянусь вам, уверяю вас! Это мое личное и давнишнее убеждение, и оно меня самого измучило... Римский католицизм верует, что без всемирной государственной власти Церковь не устоит на земле, и кричит: "Non possumus!" По-моему, римский католицизм даже и не вера, а решительное продолжение Западной Римской империи, и в нем всё подчинено этой мысли, начиная с веры. Папа захватил землю, земной престол и взял меч: с тех пор всё так и идет, только к мечу прибавили ложь, пронырство, обман, фанатизм, суеверие, злодейство, играли самыми святыми, правдивыми, простодушными, пламенными чувствами народа, всё, всё, променяли за деньги, за низкую земную власть. И это не учение антихристово?! Как же было не выйти от них атеизму? Атеизм от них вышел, из самого римского католичества! Атеизм прежде всего с них самих начался: могли ли они веровать себе сами? Он укрепился из отвращения к ним; он порождение их лжи и бессилия духовного! Атеизм! У нас не веруют еще только сословия исключительные <...>, корень потерявшие; а там, в Европе, уже страшные массы самого народа начинают не веровать, — прежде от тьмы и от лжи, а теперь уж из фанатизма, из ненависти к Церкви и ко христианству! <...>

— Вы очень пре-у-вели-чиваете, — протянул Иван Петрович <...>, — в тамошней Церкви тоже есть представители, достойные всякого уважения и до-бро-детельные...

— Я никогда и не говорил об отдельных представителях Церкви. Я о римском католичестве в

его сущности говорил, я о Риме говорю. Разве может Церковь совершенно исчезнуть? Я никогда этого не говорил!

— Согласен, но все это известно и даже — не нужно и... принадлежит богословию...

— О нет, о нет! Не одному богословию, уверяю вас, что нет! Это гораздо ближе касается нас, чем вы думаете. В этом-то вся и ошибка наша, что мы не можем еще видеть, что это дело не исключительно одно только богословское! Ведь и социализм — порождение католичества и католической сущности! Он тоже, как и брат его атеизм, вышел из отчаяния, в противоположность католичеству в смысле нравственном, чтобы заменить собой потерянную нравственную власть религии, чтоб утолить жажду духовную возжаждавшего человечества и спасти его не Христом, а тоже насилем! Это тоже свобода чрез насилие, это тоже объединение чрез меч и кровь! "Не смей веровать в Бога, не смей иметь собственности, не смей иметь личности, *fraternité ou la mort*, два миллиона голов!" По делам их вы узнаете их — это сказано!»³.

С известными дополнениями Достоевский повторяет эту же идею в романе «Бесы» (1871). Он пишет: «...римский католицизм уже не есть христианство; <...> Рим провозгласил Христа, подавшагося на третье дьяволово искушение, и <...> возвестив всему свету, что Христос без царства земного на земле устоять не может, католичество тем самым провозгласило антихриста и тем погубило весь западный мир»⁴.

³ Идиот. С. 583—584.

⁴ Бесы. С. 241.

Для Достоевского в догмате о папской непогрешимости сходятся, как в фокусе, все христорборческие разрушительные элементы римского католицизма и сами становятся догматами. В 1873 году в своем «Дневнике» он пишет: «Римская Церковь в том виде, в каком она состоит теперь, существовать не может. Она заявила об этом громко сама, заявив тем самым, что царство ее от мира сего и что Христос ее "без царства земного удержаться на свете не может". Идею римского светского владычества католическая Церковь вознесла выше правды и Бога; с той же целью провозгласила и непогрешимость вождя своего, и провозгласила именно тогда, когда уже в Риме стучалась и входила светская власть; совпадение замечательное и свидетельствующее о "конце концов". До самого падения Наполеона III Церковь Римская могла еще надеяться на покровительство царей, которыми держалась (а именно Франциею) вот уже столько веков. Чуть только оставила ее Франция — пала и светская власть Церкви. Между тем Церковь католическая этой власти своей ни за что, никогда и никому не уступит и лучше согласится, чтоб погибло христианство совсем, чем погибнуть светскому государству Церкви. Мы знаем, что многие из мудрых мира сего встретят нашу идею с улыбкою и с покиванием главы; но мы твердо отстаиваем ее и провозглашаем еще раз, что нет теперь в Европе вопроса, который бы труднее было разрешить, как вопрос католический; и что нет и не будет отныне в будущем Европы такого политического и социального затруднения, к которому бы не примазался и с которым не соединился бы католический римский вопрос. Одним словом, для

Европы нет ничего труднее, как разрешение этого вопроса в будущем, хотя 99/100 европейцев в данную минуту, может быть, и не думают даже об этом»⁵.

Тайна европейского духа полностью влилась в догмат о папской непогрешимости: через него она явно открылась миру; через него она сформулировала страшную сущность свою и предопределила всю будущность Европы. Остро чувствующий Достоевский с болью и ужасом чувствует это и в 1876 году пишет: «...римское католичество... продало Христа за земное владение. Провозгласивши как догмат, "что христианство на земле удержаться не может без земного владения папы", оно тем самым провозгласило Христа нового, на прежнего не похожего, прельстившегося на третье дьяволово искушение, на царства земные: "Всё сие отдам Тебе, поклонися мне!" О, я слышал горячие возражения на эту мысль; мне возражали, что вера и образ Христов и поныне продолжают еще жить в сердцах множества католиков во всей прежней истине и во всей чистоте. Это несомненно так, но главный источник замутился и отравлен безвозвратно. К тому же Рим слишком еще недавно провозгласил свое согласие на третье дьяволово искушение в виде твердого догмата, а потому всех прямых последствий этого огромного решения нам еще заметить нельзя было. Замечательно, что провозглашение этого догмата, это открытие "всего секрета", произошло именно в то самое мгновение, когда объединенная Италия стучалась уже в ворота Рима. У нас многие тогда над этим смеялись:

⁵ Дневник писателя. Т. IX. С. 437.

“Сердит, да не силен...” Только навряд ли не силен. Нет, такие люди, способные на такие решения и повороты, не могут умереть без боя. Возразят, что это и всегда так было в католичестве <...> и что, стало быть, вовсе не было никакого переворота. Да, но всегда был секрет: папа много веков делал вид, что доволен крошечным владеньем своим, Папскою областью, но всё это лишь единственно для аллегории; главное же в том, что в этой аллессии неизменно таилось зерно главной мысли, с несомненной и всегдашней надеждой папства, что зерно это разовьется в будущем в пышное древо и осенит им всю землю. И вот, в самое последнее мгновение, когда отнимали от него последнюю десятину его земного владения, владыка католичества, видя смерть свою, вдруг восстает и изрекает всю правду о себе всему миру: “Это вы думали, что я только титулом государя Папской области удовольствуюсь? Знайте же, что я всегда считал себя владыкой всего мира и всех царей земных, и не духовным только, а земным, настоящим их господином, властителем и императором. Это я — царь над царями и господин над господствующими, и мне одному принадлежат на земле судьбы, времена и сроки; и вот я всемирно объявляю это теперь в догмате моей непогрешимости”⁶. Нет, тут сила; это величаво, а

⁶ Позднее, в «Дневнике» же Достоевский пишет, что через догмат о непогрешимости папа «...в сущности, провозгласил себя владыкой мира, а пред католичеством поставил, уже догматически, прямую цель всемирной монархии...». Идея эта, «...огромнейшая идея мира, идея, вышедшая из главы дьявола во время искушения Христа в пустыне, идея, живущая в мире уже органически тысячу лет...», легко умереть не может и не умрет (Т. XI. С. 191 – 192).

не смешно; это — воскрешение древней римской идеи всемирного владычества и единения, которая никогда и не умирала в римском католичестве; это Рим Юлиана Отступника, но не побежденного, а как бы победившего Христа в новой и последней битве. Таким образом, продажа истинного Христа за царства земные совершилась»⁷.

В римском католицизме продажа Христа совершится и закончится на деле так же. Достоевский это предчувствует. Ужасная черная армия не может не видеть, где теперь настоящая сила, на которую она могла бы опереться. «Потеряв союзников царей, католичество несомненно бросится к демосу. У него десятки тысяч соблазнительей, премудрых, ловких, сердцеведов и психологов, диалектиков и исповедников, а народ всегда и везде был прямодушен и добр. <...> Все эти сердцеведы и психологи бросятся в народ и понесут ему Христа нового, уже на всё согласившегося, Христа, объявленного на последнем римском нечестивом соборе. "Да, друзья и братья наши, — скажут они, — всё, об чем вы хлопочете, — всё это есть у нас для вас в этой книге [т.е. в Евангелии — прим. о. Иустина] давно уже, и ваши предводители всё это украли у нас. Если же до сих пор мы говорили вам немного не так, то это потому лишь, что до сих пор вы были еще как малые дети и вам рано было узнавать истину, но теперь пришло время и вашей правды. Знайте же, что у папы есть ключи святого Петра и что вера в Бога есть лишь вера в папу⁸, который на земле Самим Богом поставлен

⁷ Там же. Т. X. С. 108 — 109.

⁸ Кардинал Ньюман в 1875 году писал: «Мы должны принимать вещи такими, какие они есть; верить в Церковь — значит (см. с. 258)

вам вместо Бога. Он непогрешим, и дана ему власть Божеская, и он владыка времен и сроков; он решил теперь, что настал и ваш срок. Прежде главная сила веры состояла в смирении, но теперь пришел срок смирению, и папа имеет власть отменить его, ибо ему дана всякая власть. Да, вы все братья, и Сам Христос повелел быть всем братьями; если же старшие братья ваши не хотят вас принять к себе как братьев, то возьмите палки и сами войдите в их дом и заставьте их быть вашими братьями силой. Христос долго ждал, что развратные старшие братья ваши покаются, а теперь Он Сам разрешает вам провозгласить: "Fraternité ou la mort" (Будь мне братом или голову долой)! Если брат твой не хочет разделить с тобой пополам свое имение, то возьми у него всё, ибо Христос долго ждал его покаяния, а теперь пришел срок гнева и мщения. Знайте тоже, что вы безвинны во всех бывших и будущих грехах ваших, ибо все грехи ваши происходили лишь от вашей бедности <...> А папа вас не продаст, потому что над ним нет сильнейшего, и сам он первый из первых, только веруйте, да и не в Бога, а только в папу и в то, что лишь он один есть царь земной, а прочие должны исчезнуть, ибо и им срок пришел. Радуйтесь же теперь и веселитесь, ибо теперь наступил рай земной, все вы станете богаты,

верить в папу... Мы не можем верить в Церковь ни в коем случае, если не верим в ее видимую главу» (J.H. Newman. A Letter addressed to His Grace the Duke of Norfolk on occasion of Mr. Gladstone's recent Expostulations. § 3) — В своем известном сочинении «L'église Latine et Protestantisme» отличный православный знаток католицизма Хомяков пишет: «Для романизма Церковь действительно заключается только в личности папы» (Там же. С. 60).

а через богатство и праведны, потому что все ваши желания будут исполнены, и у вас будет отнята всякая причина ко злу»⁹.

«...Я уверен, — завершает мысль Достоевский, — что всё это несомненно осуществится в Западной Европе, в той или другой форме, то есть католичество бросится в демократию, в народ и оставит царей земных за то, что те сами его оставили»¹⁰.

Говоря так, Достоевский говорит о римско-католической идее в целом, о судьбе народов, которые на протяжении веков формировались ею и которые до мозга костей проникнуты ею. В этом смысле Франция — наиболее полное воплощение католической идеи, еще от римлян унаследованной и в их духе. «Эта Франция, даже и потерявшая теперь, почти вся¹¹, всякую религию (иезуиты и атеисты тут всё равно, всё одно) <...> эта Франция, развившая из идей 89 года свой особенный французский социализм, то есть успокоение и устройство человеческого общества уже без Христа и вне Христа, как хотело да не сумело устроить его во Христе католичество, — эта самая Франция и в революционерах Конвента, и в атеистах своих, и в социалистах своих, и в теперешних коммунарах своих — всё еще в высшей степени есть и продолжает быть нацией католической вполне и всецело, вся зараженная католическим духом и буквой его, провозглашающая устами самых отъявленных атеистов своих: *Liberté, Egalité, Fraternité — ou la mort*, то есть точь-в-точь как

⁹ Дневник писателя. Т. X. С. 109–110.

¹⁰ Там же. С. 111.

¹¹ Курсив Достоевского.

бы провозгласил это сам папа, если бы только принужден был провозгласить и формулировать *liberté, égalité, fraternité* католическую — его слогом, его духом, настоящим слогом и духом папы средних веков. Самый теперешний социализм французский, — по-видимому, горячий и роковой протест против идеи католической всех измученных и задушенных ею людей и наций, желающих во что бы то ни стало жить и продолжать жить уже без католичества и без богов его, — самый этот протест, начавшийся фактически с конца прошлого столетия (но в сущности гораздо раньше), есть не что иное, как лишь вернейшее и неуклонное продолжение католической идеи, самое полное и окончательное завершение ее, роковое ее последствие, выработавшееся веками. Ибо социализм французский есть не что иное, как *насильственное*¹² единение человечества — идея, еще от древнего Рима идущая и потом всецело в католичестве сохранившаяся. Таким образом, идея освобождения духа человеческого от католичества облеклась тут именно в самые тесные формы католические, заимствованные в самом сердце духа его, в букве его, в материализме его, в деспотизме его, в нравственности его»¹³.

¹² Курсив Достоевского.

¹³ Там же. Т. XI. С. 5. — В своем романе «Бесы» Достоевский пишет: «Рим обоготворил народ в государстве и завещал народам государство. Франция в продолжение всей своей длинной истории была одним лишь воплощением и развитием идеи римского бога и ударились в атеизм, который называется у них покамест социализмом, то единственно потому лишь, что атеизм все-таки здоровее римского католичества» (С. 243).

Древний Рим первый родил идею всемирного единения людей, первый считал и твердо верил, что практически осуществит ее в форме всемирной монархии. Но та формула пала перед христианством — формула, а не идея; потому что идея эта — идея европейского человечества, из которой составила его цивилизация, ради нее одной лишь оно и живет. Пала лишь идея всемирной римской монархии и заменилась новым идеалом всемирного же единения во Христе. Этот новый идеал раздвоился на восточный, то есть идеал сутобо духовного единения людей, и на западноевропейский, римско-католический, папский, совершенно противоположный восточному. Это западное римско-католическое воплощение идеи и совершилось по-своему, но утратив свое христианское, духовное начало и поделившись им с древнеримским наследством. Римским папством было провозглашено, что христианство и идея его, без всемирного владения землями и народами, — не духовно, а государственно, — другими словами, без осуществления на земле новой всемирной римской монархии, во главе которой будет уже не римский император, а папа, — осуществимо быть не может. И вот началась опять попытка всемирной монархии совершенно в духе древнеримского мира, но уже в другой форме. Таким образом, в восточном идеале — сначала духовное единение человечества во Христе, а потом уж, в силу этого духовного единения всех во Христе, и несомненно вытекающее из него правильное государственное и социальное единение, тогда как по римскому толкованию наоборот: сначала заручиться прочным государственным единением в виде всемирной монархии, а потом уж, пожалуй,

и духовное единение под началом папы, какладыки мира сего¹⁴.

По убеждению Достоевского, католицизм, искажив чудесный Образ Богочеловека Христа, стал главной причиной всех неисчислимых бед и убожества современного европейского человечества. Продав Христа за земное владение, он отвратил от себя человечество и таким образом стал главной причиной материализма и атеизма Европы. Тот же католицизм породил в Европе и

¹⁴ «С тех пор, — продолжает Достоевский, — эта попытка в римском мире шла вперед и изменялась непрерывно. С развитием этой попытки самая существенная часть христианского начала почти утратилась вовсе. Отвергнув наконец христианство духовно, наследники древнеримского мира отвергли и папство. Прогремела страшная французская революция, которая в сущности была не более как последним видоизменением и перевоплощением той же древнеримской формулы всемирного единения. Но новая формула оказалась недостаточною, новая идея не завершилась. Был даже момент, когда для всех наций, унаследовавших древнеримское призвание, наступило почти отчаяние. О, разумеется, та часть общества, которая выиграла для себя с 1789 года политическое главенство, то есть буржуазия, — восторжествовала и объявила, что далее и не надо идти. Но зато все те умы, которые по вековечным законам природы обречены на вечное мировое беспокойство, на искание новых формул идеала и нового слова, необходимых для развития человеческого организма, — все те бросились ко всем униженным и обойденным, ко всем не получившим доли в новой формуле всечеловеческого единения, провозглашенной французской революцией 1789 года. Они провозгласили свое уже новое слово, именно необходимость всеединения людей, уже не ввиду распределения равенства и прав жизни для какой-нибудь одной четверти человечества, оставляя остальным лишь сырым материалом и эксплуатируемым средством для счастья этой четверти человечества, а напротив, всеединения людей на основаниях всеобщего уже равенства, при участии всех и каждого в пользовании благами мира сего, какие бы они там ни оказались. Осуществить же это решение положили всякими средствами, то есть отнюдь уже не средствами христианской цивилизации, и не останавливаясь ни перед чем» (Там же).

социализм. Ибо социализм имеет задачей разрешение судеб человечества уже не по Христу, а вне Бога и вне Христа. И естественно, он должен был зародиться в Европе, взамен христианского начала, утраченного в ней и в Церкви католической¹⁵.

Исказив Образ Христа, этого единственно надежного и непогрешимого Проводника через пугающие мистерии человеческой жизни, эту единственную созидательную Силу, этого единственно совершенного и безгрешного Созидателя человеческой личности и человеческого общества, римский католицизм сосредоточился на одном желании — создать всемирное государство любой ценой. Все средства, которые опосредованно и непосредственно ведут к этой цели, позволены и санкционированы. Все позволено: позволены любые компромиссы; позволены любые отступления — лишь бы достичь цели. Цель оправдывает средства, любые средства, поэтому католицизм обратится к сильным *мира сего*. Он обратится к народу, обратится к предводителям самого оборотливого элемента в народе — к социалистам. «Народу он скажет, что всё, что проповедают им социалисты, проповедовал и Христос. Он исказит и продаст им Христа еще раз, как продавало прежде столько раз за земное владение, отстаивая права инквизиции, мучившей людей за свободу совести во имя любящего Христа, — Христа, дорожающего лишь свободно пришедшим учеником, а не купленным или запуганным. Он продавал Христа, благословляя иезуитов и одобряя праведность «всякого средства для

¹⁵ Там же. С. 384.

Христова дела»¹⁶. Всё Христово же дело он искони обратил лишь в заботу о земном владении своем и о будущем государственном обладании всем миром. Когда католическое человечество отвернулось от того чудовищного образа, в котором им представили наконец Христа, то после целого ряда веков протестов, реформаций и проч. явились наконец, с начала нынешнего столетия, попытки устроиться вне Бога и вне Христа. Не имея инстинкта пчелы или муравья, безошибочно и точно создающих улей и муравейник, люди захотели создать нечто вроде человеческого безошибочного муравейника. Они отвергли происшедшую от Бога и откровением возведенную человеку единственную формулу спасения его: «Возлюби ближнего как самого себя» — и заменили ее практическими выводами вроде: «Chacun pour soi et Dieu pour tous» (Каждый за себя, а Бог за всех) или научными аксиомами вроде «борьбы за существование». Не имея инстинкта животных, по которому те живут и устраивают жизнь свою безошибочно, люди гордо вознадеялись на науку, забыв, что для такого дела, как создать общество, наука еще всё равно что в пеленках¹⁷. Явились мечтания. Будущая Вавилонская

¹⁶ В «Братьях Карамазовых» Алеша говорит Ивану: «Мы знаем иезуитов... <...> Они просто римская армия для будущего всемирного земного царства, с императором — римским первосвященником во главе» (С. 302); И в «Дневнике» своем Достоевский пишет: «Злой дух чище иезуитов» (Т. IX. С. 380. Курсив Достоевского).

¹⁷ В романе «Бесы» Достоевский говорит: «Ни один народ, ни один народ еще не устраивался на началах науки и разума; не было ни разу такого примера, разве на одну минуту, по глупости. Социализм по существу своему уже должен быть атеизмом, ибо именно провозгласил, с самой первой строки, что он установление атеистическое и намерен устроиться на началах

башня стала идеалом¹⁸ и, с другой стороны, страхом всего человечества. Но за мечтателями явились вскоре уже другие учения, простые и понятные всем, вроде: «Ограбить богатых, залить мир кровью, а там как-нибудь само собою всё вновь устроится»¹⁹. Наконец, пошли дальше и этих учителей, явилось учение анархии, за которую, если бы она могла осуществиться, наверно бы начался вновь период антропофагии, и люди принуждены были бы начинать опять всё сначала, как тысяч за десять лет назад. Католичество понимает всё это отлично и сумеет соблазнить предводителей подземной войны. Оно скажет им: «У вас нет центра, порядка в ведении дела, вы раздробленная по всему миру сила, а теперь, с падением Франции, и придавленная. Я буду единением вашим и привлеку к вам и всех тех, кто в меня еще верует». Так или этак, а соединение произойдет. Католичество

науки и разума исключительно. Разум и наука в жизни народов всегда, теперь и с начала веков, исполняли лишь должность второстепенную и служебную; так и будут исполнять до конца веков. Народы слагаются и движутся силой иною, повелевающей и господствующей... <...> «Искание Бога»... Цель всего движения народного, во всяком народе и во всякий период его бытия, есть единственно лишь искание Бога, Бога своего, непременно собственного, и вера в Него как в Единого Истинного. Бог есть синтетическая Личность всего народа... <...> Никогда не было еще народа без религии, то есть без понятия о зле и добре. <...> Никогда разум не в силах был определить зло и добро или даже отделить зло от добра, хотя приблизительно...» (С. 242.)

¹⁸ В «Братьях Карамазовых» Достоевский сам от себя говорит: «...социализм есть не только рабочий вопрос, или так называемого четвертого сословия, но по преимуществу есть атеистический вопрос, вопрос современного воплощения атеизма, вопрос Вавилонской башни, строящейся именно без Бога, не для достижения небес с земли, а для сведения небес на землю» (С. 34).

¹⁹ Курсив Достоевского.

умирать не хочет, социальная же революция и новый, социальный период в Европе тоже несомненен: две силы, несомненно, должны согласиться, два течения слиться. Разумеется, католичеству даже выгодна будет резня, кровь, грабеж и хотя бы даже антропофагия. Тут-то оно и может надеяться поймать на крючок, в мутной воде, еще раз свою рыбу, предчувствуя момент, когда наконец измученное хаосом и бесправицей человечество бросится к нему в объятия, и оно очутится вновь, но уже всецело и наяву, нераздельно ни с кем и единолично, "земным владыкою и авторитетом мира сего" и тем окончательно уже достигнет цели своей»²⁰.

Дух римского католицизма Достоевский неповторимо проанализировал и страшную тайну его открыл в «Великом Инквизиторе», устами великого инквизитора, когда тот говорил Христу: «Мы исправили подвиг Твой и основали его на чуде, тайне и авторитете»²¹. <...> Рассердись, я не хочу любви Твоей, потому что сам не люблю Тебя. И что мне скрывать от Тебя? Или я не знаю, с Кем говорю? То, что имею сказать Тебе, всё Тебе уже известно, я читаю это в глазах Твоих. И я ли скрою от Тебя тайну нашу? Может быть, Ты именно хочешь услышать ее из уст моих, слушай же: Мы не с Тобой, а с ним²², вот наша тайна! Мы давно уже не с Тобою, а с ним, уже восемь веков²³. Ровно

²⁰ Дневник писателя. Т. XI. С. 390 – 391.

²¹ Курсив Достоевского.

²² Курсив Достоевского. (Говоря «с ним», Инквизитор имеет в виду сатану, который искушал Христа в пустыне.)

²³ Время отпадения Римской Церкви от Вселенской Православной Церкви. Следует иметь в виду, что действие поэмы «Великий Инквизитор» происходит в XVI веке.

восемь веков назад как мы взяли от него то, что Ты с негодованием отверг, тот последний дар, который он предлагал Тебе, показав Тебе все царства земные; мы взяли от него Рим и меч Кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными, хотя и доньше не успели еще привести наше дело к полному окончанию. <...> Долго еще ждать завершения его и еще много выстрадает земля, но мы достигнем и будем кесарями, и тогда уже подумаем о всемирном счастье людей»²⁴. «Мы и взяли меч Кесаря, а взяв его, конечно отвергли Тебя и пошли за ним»²⁵.

Тайну социализма инквизитор открывает Христу как часть тайны католицизма: «Знаешь ли Ты, что пройдут века, и человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что преступления нет, а стало быть, нет и греха»²⁶, а есть лишь только голодные? «Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!» — вот что напишут на знамени, которое воздвигнут против Тебя и которым разрушится храм Твой. На месте храма Твоего воздвигнется новое здание, воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня...»²⁷. И инквизитор говорит Христу, что они не отвергнут «Башню», а объединятся с ее строителями, социалистами. «...Мы и достроим их башню, ибо достроит тот, кто накормит, а накормим лишь мы, во имя Твое, и солжем, что во имя Твое»²⁸. А чтобы навсегда

²⁴ Братья Карамазовы. С. 298.

²⁵ Там же. С. 299. Курсив Достоевского.

²⁶ Здесь нужно вспомнить творцов человеко-бога и их учения о грехе и преступлении.

²⁷ Там же. С. 293.

²⁸ Там же.

покорить их, «...мы дадим им тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ <...> мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас, как дети, за то, что мы им позволим грешить. Мы скажем им, что всякий грех будет искуплен, если сделан будет с нашего позволения <...> и мы всё разрешим...»²⁹.

Анализируя душу Европы до ее праоснов, Достоевский открыл, что тайна ее — дьявол. Одна и та же тайна таится в творцах человеко-бога и римокатолицизме. Это для Достоевского неоспоримая аксиома, неопровержимый пункт его «Верую», что побуждает его высказать свое окончательное страшное суждение о католицизме. И он делает это в своем «*profession de foi*», дает заключение. Христос замутнен на Западе тогда, «...когда сама Церковь западная искажила образ Христов, преобразившись из Церкви в Римское государство и воплотив его вновь в виде папства. Да, на Западе воистину уже нет Христианства и Церкви³⁰, хотя и много еще есть христиан, да и никогда не исчезнут. Католичество воистину уже не христианство и переходит в идолопоклонство, а протестантизм исполинскими шагами переходит в атеизм и в зыбкое, текущее, изменчивое (а не вековечное) нравоучение»³¹.

²⁹ Там же. С. 300.

³⁰ К тому же выводу приходит и глубокомысленный знаток Запада Хомяков: «Государство земное заняло место Церкви Христовой» (Цит. соч. С. 38); «Со времен раскола нет больше Церкви на Западе, существует только духовная римская империя, которую позднее разделила протестантская республика» (Там же. С. 383).

³¹ Дневник писателя. Т. IX. С. 474. В «Братьях Карамазовых» прозорливый старец Зосима говорит о Европе: «...во многих случаях, там Церквей уж и нет вовсе, а остались лишь церковники и

Исполненное таким страшным духом, заминированное такими взрывчатыми средствами, тело Европы может взорваться и рассыпаться в прах и пепел. Такой момент взрыва своей пророческой душой предчувствовал Достоевский и в 1880 году писал: «Да она накануне падения, ваша Европа, повсеместного, общего и ужасного. Муравейник, давно уже созидавшийся в ней без Церкви и без Христа (ибо Церковь, замутив идеал свой, давно уже и повсеместно перевоплотилась там в государство), с расшатанным до основания нравственным началом, утратившим всё, всё общее и всё абсолютное, — этот созидавшийся муравейник, говорю я, весь подкопан³². Грядет четвертое состояние, стучится и ломится в дверь и, если ему не откроют, сломает дверь. Не хочет оно прежних идеалов, отвергает всяк доселе бывший закон. На компромисс, на уступочки не пойдет, подпорочками не спасете здания. Уступочки только разжигают, а оно хочет всего. Наступит нечто такое, чего никто и не мыслит. Все эти парламентаризмы, все исповедуемые теперь гражданские теории, все накопленные богатства, банки, науки, жида — всё это рухнет в один миг и бесследно. <...> Всё

великолепные здания церквей, сами же Церкви давно уже стремятся там к переходу из низшего вида, как Церковь, в высший вид, как государство, чтобы в нем совершенно исчезнуть. Так, кажется, по крайней мере в лютеранских землях. В Риме же так уж тысячу лет вместо Церкви провозглашено государство» (С. 79).

³² Ср.: «Да, Европу ждут огромные перемены, такие, что ум людей отказывается верить в них, считая осуществление их как бы чем-то фантастическим» (Там же. С. 387); «...Над всей Европой уже несомненно носится что-то роковое, страшное и, главное, близкое...» (Там же. С. 301.)

это "близко, при дверях". Вы смеетесь? Блаженны смеющиеся. Дай Бог вам веку, сами увидите. Удивитесь тогда. Вы скажете мне, смеясь: "Хорошо же вы любите Европу, коли так ей пророчите". А я разве радуюсь? Я только предчувствую, что подведен итог. Окончательный же расчет, уплата по итогу может произойти даже гораздо скорее, чем самая сильная фантазия могла бы предположить. Симптомы ужасны. Уж одно только стародавнее-неестественное политическое положение европейских государств может послужить началом всему. Да и как бы оно могло быть естественным, когда неестественность заложена в основании их и накоплялась веками? Не может одна малая часть человечества владеть всем остальным человечеством как рабом, а ведь для этой единственно цели и слагались до сих пор все³³ гражданские (уже давно не христианские) учреждения Европы, теперь совершенно языческой. Эта неестественность и эти "неразрешимые" политические вопросы (всем известные, впрочем) непременно должны привести к огромной, окончательной, разделочной политической войне, в которой все будут замешаны и которая разразится в нынешнем еще столетии, может, даже в наступающем десятилетии»³⁴. «И никогда еще Европа не была начинена такими

³³ Курсив Достоевского.

³⁴ Там же. С. 495. Ср.: «...В Европе, в этой Европе, где накоплено столько богатств, всё гражданское основание всех европейских наций — всё подкопано и, может быть, завтра же рухнет бесследно на веки веков, а взамен наступит нечто неслыханно новое, ни на что прежнее не похожее. И все богатства, накопленные Европой, не спасут ее от падения, ибо "в один миг исчезнет и богатство"» (Там же. С. 449). Ср. также: Т. X. С. 102, 120, 215.

элементами вражды, как в наше время. Точно всё подкопано и начинено порохом и ждет только первой искры...»³⁵. «Люди пишут и пишут, но упускают из вида то, что самое главное. На Западе Христа потеряли (по вине католицизма), и оттого Запад падает, единственно оттого!»³⁶.

Дух Европы — наибольшая опасность для человечества и нашей планеты. Надо закрывать чувства, чтобы через них в тело наше не вошел дух Европы. Горделивому человеко-богу Европы нужно противопоставить православного Богочеловека Христа, Христа неискаженного. «Надо, чтобы воссиял в отпор Западу наш Христос, Которого мы сохранили и Которого они и не знали!»³⁷. «Утраченный [на Западе — *примеч. о. Иустина*] Образ Христа сохранился во всем свете чистоты своей в Православии»³⁸, поэтому ничто иное и не требуется, ибо Православие — это все³⁹. Православие хранит в себе все тайны: как людям можно достичь совершенства и братства, как можно решить все личные и социальные проблемы, не преткнувшись ни о человека, ни о Бога. Способ один: личное самосовершенствование по Христу и Христом⁴⁰. Настоящей, непреходящей драгоценностью русского народа, по убеждению Достоевского, является

³⁵ Там же. Т. X. С. 111.

³⁶ Так в 1871 г. из Дрездена Достоевский писал Страхову // Letters of F.M. Dostojevsky. Translated by E.C. Mayne. London, 1907. P. 207.

³⁷ Идиот. С. 585.

³⁸ Дневник писателя. Т. XI. С. 384.

³⁹ Биография... и записная книжка Ф.М. Достоевского.

⁴⁰ Гроссман Л. Из материалов к «Бесам» (Достоевского) // Южное слово. Одесса, 25.IX.1919.

его Православие. Россия велика не сама по себе, а Православием. Она — обладатель Истины потому, «...что она православна, что несет внутри себя драгоценность, которой нет нигде больше, — Православие, что она — хранительница Христовой Истины, но уже Истинной истины, настоящего Христова Образа, затемнившегося во всех других верах и во всех других народах»⁴¹. «И может быть, главнейшее предызбранное назначение народа русского в судьбах всего человечества и состоит лишь в том, чтоб сохранить у себя этот Божественный Образ Христа во всей чистоте, а когда придет время, явить этот образ миру, потерявшему пути свои!»⁴². Запад похвалится человеком; Достоевский похвалится Богочеловеком: «Христос... сила, наша русская теперь сила»⁴³. «...Вся Россия для того только и живет, чтобы служить Христу и оберегать от неверных всё вселенское Православие»⁴⁴. «Суть русского призвания заключается в открытии русского Христа миру, Христа, не известного миру, но сохраненного в нашей Православной Церкви. По моему мнению, в этом вся суть нашей мощной будущей цивилизации и воскресения из мертвых всей Европы; в этом вся суть нашей мощной жизни в будущем»⁴⁵. «Образ Христов храним, и воссияет как драгоценный алмаз всему миру...»⁴⁶. «Мы несем миру только то, что мы можем ему дать, и вместе с тем то, что ему необходимо —

⁴¹ Дневник писателя. Т. X. С. 224.

⁴² Там же. Т. IX. С. 240.

⁴³ Там же. Т. XI. С. 147.

⁴⁴ Там же. Т. X. С. 441.

⁴⁵ Биография... и записная книжка Ф.М. Достоевского. С. 273.

⁴⁶ Братья Карамазовы. С. 365.

Православие, истинное и сильное, вечное исповедание Христа и полное обновление моральное... От нас выйдут Илия и Енох на борьбу с антихристом, с духом Запада, воплотившемся на Западе»⁴⁷. «...Русский в огромном большинстве своем — православен и живет идеей Православия в полноте, хотя и не понимает эту идею... В сущности⁴⁸, в народе нашем кроме этой "идеи" и нет никакой, и всё из нее одной и исходит...»⁴⁹. «...Все народные начала у нас сплошь вышли из Православия...»⁵⁰. «Русская вера, русское Православие есть всё, что только русский народ считает за свою святыню; в ней его идеалы, вся правда и истина жизни»⁵¹.

В Православии Богочеловеческий Образ Христов — единственная категория, в которой совершается все развитие личности и общества. Все, что совершается по человеку, не является православным; православно лишь то, что совершается по Богочеловеку. Богочеловек есть цель человека; богочеловечество есть цель человека; богочеловечество есть цель человечества. Через личное подвижничество восприятие и переживание богочеловеческих добродетелей лежит путь от человека к Богочеловеку, от человечества к богочеловечеству. Только молитва и любовное приближение ко Христу делает человека способным здесь, на земле, жить богочеловеческой жизнью, любить богочеловеческой любовью, страдать богочеловеческими

⁴⁷ Гроссман Л. Из материалов к «Бесам».

⁴⁸ Курсив Достоевского.

⁴⁹ Дневник писателя. Т. XI. С. 521.

⁵⁰ Там же. Т. X. С. 143.

⁵¹ Там же. С. 312.

страданиями. Путь Православия противоположен пути католическому, европейскому. Православие идет из центра в периферию, от духа к телу; католицизм идет из периферии в центр, от тела к духу. Православие проповедует Образ Христа, вечно живой богочеловеческий Образ как мерило человека и человечества, поэтому никогда не соблазняется ни о человека, ни о человечество, поэтому все, что православно, имеет в себе Образ Богочеловека, а не человека. Овладеть человечеством любыми средствами — цель католицизма; овладеть человечеством *исключительно* богочеловеческими средствами — цель Православия. Достоевский знает эту тайну Православия, в ней видит единственный путь к решению горьких социальных проблем, поэтому ее исповедует неустрашимо, по-апостольски. Неправославный путь — в гордом овладении всеми, православный путь — в смиренном служении всем. Настоящую сущность Православия составляет «всеслужение человечеству, к чему оно и предназначено»⁵². Все другие народы, в большей или меньшей степени, живут для себя и в себе. «...А мы начнем теперь, — говорит Достоевский, — когда пришло время, именно с того, что станем всем слугами, для всеобщего примирения. И это вовсе не позорно, напротив, в этом величие наше, потому что всё это ведет к окончательному единению человечества. Кто хочет быть выше всех в Царствии Божиим — стань всем слугой. Вот как я понимаю русское предназначение *в его идеале*»⁵³. «Станем слугами, чтобы

⁵² Дневник писателя. Т. XI. С. 225.

⁵³ Там же. Курсив Достоевского.

быть старшинами»⁵⁴, — говорит князь Мышкин, который воистину как слуга смиренно служит всем и каждому. Православный идеал — идеал «восточный, то есть идеал совершенно духовного единения людей»⁵⁵, и к нему прийти можно путями чисто православными, богочеловеческими. Такое единение людей, единение духовное на принципах Христовых и есть «в действительности нечто особое и неслыханное», нечто новое для Европы, которая занята политическим единением «во имя лишь торгашества, личных выгод и вечных и всё тех же обоготворенных пороков», проталкиваемых «под видом официального христианства»⁵⁶. Православие — хранитель Пресветлого Образа Христа и всех Его богочеловеческих способов решения всех проблем — и есть то «новое слово», которое Россия во главе православного Всеславянства имеет сказать миру. Это новое слово, когда выскажется, «...будет настоящее воздвижение Христовой истины, сохраняющейся на Востоке, настоящее новое воздвижение Креста Христова и окончательное слово Православия, во главе которого давно уже стоит Россия. Это будет именно соблазн для всех сильных мира сего и торжествовавших в мире доселе, всегда смотревших на все подобные «ожидания» с презрением и насмешкою и даже не понимающих, что можно серьезно верить в братство людей, во всепримирение народов, в союз, основанный на началах всеслужения человечеству, и, наконец, на самое

⁵⁴ Идиот. С. 594.

⁵⁵ Дневник писателя. Т. XI. С. 183.

⁵⁶ Там же. Т. X. С. 229.

обновление людей на истинных началах Христовых»⁵⁷.

Для Достоевского формула русской и славянской будущности вот какова: Православие и «православное дело». А что же это такое — Православие и что такое «православное дело»? «...Это вовсе не какая-нибудь лишь обрядная церковность, а с другой стороны, вовсе не какой-нибудь *fanatisme religieux* (как уже и начинают выражаться об этом всеобщем теперешнем движении русском в Европе), а что это именно есть прогресс человеческий и *всеочеловечение человеческого*, так именно понимаемое русским народом, ведущим всё от Христа, воплощающим всё будущее свое во Христе и во Христовой истине и не могущим и представить себя без Христа»⁵⁸. «Величайшее из величайших назначений, уже сознанных Русскими в своем будущем, есть назначение общечеловеческое, есть общеслужение человечеству, — не России только, не общеславянству только, но всечеловечеству»⁵⁹.

Такую великую всечеловеческую роль Достоевский отводит русскому народу не потому, что это русский народ, а потому, что это православный народ, потому что он православный Образ Христа хранит свято и благолепно. Для него главное — не народ, а Церковь; если же народ, то лишь через Церковь и в Церкви. Церковь является душой и совестью, и красотой народа; она должна управлять душой и совестью народа с помощью «чудесного и

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. С. 295.

⁵⁹ Там же. С. 204.

чудотворного Образа Христова». Для Достоевского Православная Церковь является тем «общественным словом», которое русский народ должен сказать, потому она — последний, окончательный и незаменимый идеал. «Если мы захотим одним словом выразить социальный идеал Достоевского, то это не будет слово — народ, но будет — Церковь»⁶⁰, — справедливо отмечает близкий друг Достоевского, В.Соловьев, философ.

Достоевский никогда не закрывает глаза на грехи, порочность и варварство русского народа. Он не преувеличивает положительные черты, затушевывая отрицательные, а как великий и прозорливый различатель духов точно выделяет их и отделяет одни от других. Он особенно подчеркивает, что русский человек из простонародья под корой наносного варварства сохранил красоту своего духовного образа, сохранил ее, имея в качестве идеала таких святых, как Сергей Радонежский, Феодосий Печерский, Тихон Задонский и другие, которые спасали его, которые пронзали и заполняли его душу непреходящим простодушием и добротой, искренностью и широтой, и все это в самом привлекательном гармоничном соединении⁶¹. Кроме того, в народной душе глубоко укоренено и горячее чувство личной всегреховности, которое вырастает в непрерывный подвиг покаяния и в христоустремленное созидание себя по образу Христа⁶². Все, о чем народ страстно вздыхает, — всю истину, прав-

⁶⁰ Соловьев В. Три речи в память Достоевского // Соловьев В. Собрание сочинений. Т. III. (СПб.) С. 197.

⁶¹ Дневник писателя. Т. X. С. 51.

⁶² Там же. Т. IX. С. 206–209, 178–179. См. также: Т. XI. С. 256–269.

ду и спасение, — он находит в Православии, а потому ничего иного ему и не нужно⁶³.

Против таких идей Достоевского протестовала по-западнически сформированная и настроенная русская интеллигенция. Этот протест особенно сильно проявился у Градовского, подвергшего критике знаменитую «Пушкинскую речь» Достоевского. Достоевский ему ответил своим исповеданием веры, личным «profession de foi», в последней тетради своего «Дневника». Об этом он пишет в одном из своих писем: «Решил написать еще одну главу для «Дневника» в форме моего profession de foi для Градовского. Я всю душу свою вложил в эту статью; он разросся в два листа»⁶⁴.

Это исповедание веры Достоевского имеет определяющее значение для оценки его понимания Европы и России. Поэтому мы подробнее остановимся на нем. Во-первых, Градовский утверждает, что «...всякий русский человек, пожелавший сделаться просвещенным, непременно получит это просвещение из западноевропейского источника, за полнейшим отсутствием источников русских»⁶⁵. «Позвольте же спросить, — говорит Достоевский, — что вы под ним разумеете: науки Запада, полезные знания, ремесла или просвещение духовное? Первое, то есть науки и ремесла, действительно не должны нас миновать, и уходить нам от них действительно некуда, да и незачем. Согласен тоже вполне, что неоткуда и получить их, кроме как из западноевропейских

⁶³ Там же. Т. IX. С. 240. Т. X. С. 313.

⁶⁴ Letters of F.M. Dostojevsky. P. 238.

⁶⁵ Дневник писателя. Т. XI. С. 472.

источников, за что хвала Европе и благодарность наша ей вечная. Но ведь под просвещением я разумею (думаю, что и никто не может разуместь иначе) — то, что буквально уже выражается в самом слове "просвещение", то есть свет духовный, озаряющий душу, просвещающий сердце, направляющий ум и указывающий ему дорогу жизни. Если так, то позвольте вам заметить, что такое *просвещение* нам нечего черпать из западно-европейских источников за полнейшим присутствием (а не отсутствием) источников русских»⁶⁶.

⁶⁶ Там же. С. 473.

⁶⁷ В 1873 г. Достоевский писал: «Говорят, русский народ плохо знает Евангелие, не знает основных правил веры. Конечно так, но Христа он знает и носит Его в своем сердце искони. В этом нет никакого сомнения. Как возможно истинное представление Христа без учения о вере? Это другой вопрос. Но сердечное знание Христа и истинное представление о Нем существует вполне. Оно передается из поколения в поколение и слилось с сердцами людей. Может быть, единственная любовь народа русского есть Христос, и он любит образ Его по-своему, то есть до страдания» (Дневник писателя. Т. IX. С. 209). — «...Хоть народ наш и не знает молитв, но суть христианства, но дух и правда его сохранились и укрепились в нем так, как, может быть, ни в одном из народов мира сего, несмотря даже на пороки его. Впрочем, атеист или равнодушный в деле веры русский европеец и не понимает веры иначе как в виде формалистики и ханжества. В народе же они не видят ничего подобного ханжеству, а потому и заключают, что он в вере ничего не смыслит, молится, когда ему надо, доске, а в сущности равнодушен, и дух его убит формалистикою. Духа христианского они в нем не заметили вовсе, может быть, и потому еще, что сами этот дух давно уже потеряли, да и не знают, где он находится, где он веет» (Там же. Т. XI. С. 78). «Знает же народ Христа Бога своего <...> хоть и не учился в школе <...> слышал об этом Боге-Христе своем от святых своих, работавших на народ и стоявших за землю русскую до положения жизни, от тех самых святых, которых чтит народ доселе, помнит имена их и у гробов их молится. Поверьте, что в этом смысле даже самые темные слои народа нашего образованно гораздо больше, чем вы в культурном вашем неведении об них предполагаете, а может быть, даже образованнее и вас самих, хоть вы и учились катехизису» (Дневник писателя. Т. X. С. 142).

«Я утверждаю, — продолжает Достоевский, — что наш народ просветился уже давно, приняв в свою суть Христа и учение Его. Мне скажут: он учения Христова не знает, и проповедей ему не говорят, — но это возражение пустое: всё знает, всё то, что именно нужно знать, хотя и не выдержит экзамена из катехизиса⁶⁷. Научился же в храмах, где веками слышал молитвы и гимны, которые лучше проповедей. Повторял и сам пел эти молитвы еще в лесах, спасаясь от врагов своих⁶⁸. <...> *Господи, Владыко живота моего* — а в этой молитве вся суть христианства⁶⁹, весь его катехизис, а народ знает эту молитву наизусть. Знает тоже он наизусть многие из житий святых, пересказывает и слушает их с умилением. Главная же школа христианства, которую прошел он, это — века бесчисленных и бесконечных страданий, им вынесенных за всю историю, когда он, оставленный всеми, попраный всеми, работающий на всех и на вся, оставался лишь с одним Христом Утешителем, Которого и принял тогда в свою душу навеки и Который за то спас от отчаяния его душу! Впрочем, что же я вам это всё говорю? Неужто я вас убедить хочу? Слова мои покажутся вам, конечно, младенческими, почти неприличными. Но повторяю в третий раз: не для вас

⁶⁸ «...В Батыево нашествие еще, может быть, пел: *Господи Сил, с нами буди!* — и тогда-то, может быть, и заучил этот гимн, потому что, кроме Христа, у него тогда ничего не оставалось, а в нем, в этом гимне, уже в одном вся правда Христова. И что в том, что народу мало читают проповедей, а дьячки бормочут неразборчиво, — самое колоссальное обвинение на нашу Церковь, придуманное либералами, вместе с неудобством церковнославянского языка, будто бы непонятного простолыдину...» (Там же.)

⁶⁹ Курсив Достоевского.

пишу. Да и тема эта важная, о ней надо особо и много еще сказать, и буду говорить, пока держу перо в руках, а теперь выражу мою мысль лишь в основном положении: если наш народ просвещен уже давно, приняв в свою суть Христа и Его учение, то вместе с Ним, с Христом, уж конечно, принял и истинное⁷⁰ просвещение»⁷¹.

Достоевский обоснованно утверждает, что знает народную душу и что христианство русского народа есть, «и должно остаться навсегда»⁷², самую главную и жизненную основу просвещения его. «...Я видел народ наш, — говорит Достоевский, — и знаю его, жил с ним довольно лет, ел с ним, спал с ним и сам "к злодеям причтен был"⁷³, работал с ним настоящей мозольной работой, в то время когда другие, "умывавшие руки в крови", либеральничая и подхихкивая над народом, решали на лекциях и в отделении журнальных фельетонов, что народ наш "образа зверинаго и печати его". Не говорите же мне, что я не знаю народа! Я его знаю: от него я принял вновь в мою душу Христа, Которого узнал в родительском доме еще ребенком и Которого утратил было, когда

⁷⁰ Курсив Достоевского.

⁷¹ Там же. С. 473—474. — В одном письме, отвечая некоей матери на вопрос, как ей воспитывать ребенка, Достоевский говорит: «Вашему ребенку восемь лет; познакомьте его с Евангелием, учите верить в Бога, это самое православное воспитание. Это sine qua pop, по-другому Вы не сможете из своего сына сделать тонкое человеческое существо, в лучшем случае это будет мученик, в худшем — бездушный, летаргический "успех", что еще более печально. Верьте мне, Вы не сможете никогда, нигде, ни в чем найти что-то лучше, нежели Спаситель» (Letters of F.M. Dostojevsky. P. 224).

⁷² Курсив Достоевского.

⁷³ Аллюзия на свое четырехлетнее каторжничество в Сибири.

преобразился в свою очередь в "европейского либерала"»⁷⁴.

Он признает, что есть в народе зверство и грех, но что в нем есть неоспоримо то, что он, в своем целом, «...никогда не принимает, не примет и не

⁷⁴ Там же. С. 475. Нет сомнения, что Достоевский лучше, чем кто бы то ни было из русских писателей, знает русский народ, знает его отрицательные черты, зная и положительные. Он, так сказать, нашел стиль в русской душе. Для него существуют «...два народные типа, в высшей степени изображающие нам весь русский народ в его целом. Это прежде всего забвение всякой мерки во всем (и, заметьте, всегда почти временное и проходящее, являющееся как бы каким-то наваждением). Это потребность хватить через край, потребность в замирающем ощущении, дойдя до пропасти, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну и — в частных случаях, но весьма нередких — броситься в нее как ошалелому вниз головой. Это потребность отрицания в человеке, иногда самом неотрицающем и благоговееющем, отрицания всего, самой главной святыни сердца своего, самого полного идеала своего, всей народной святыни во всей ее полноте, перед которой сейчас лишь благоговел и которая вдруг как будто стала ему невыносимым каким-то бременем. Особенно поражает та торопливость, стремительность, с которою русский человек спешит иногда заявить себя, в иные характерные минуты своей или народной жизни, заявить себя в хорошем или в поганом. Иногда тут просто нет удержу. Любовь ли, вино ли, разгул, самолюбие, зависть — тут иной русский человек отдается почти беззаветно, готов порвать все, отречься от всего, от семьи, обычая, Бога. Иной добрейший человек как-то вдруг может сделаться омерзительным безобразником и преступником, — стоит только попасть ему в этот вихрь, роковой для нас круговорот судорожного и моментального самоотрицания и саморазрушения, так свойственный русскому народному характеру в иные роковые минуты его жизни. Но зато с такою же силою, с такою же стремительностью, с такою же жаждою самосохранения и покаяния русский человек, равно как и весь народ, и спасает себя сам, и обыкновенно, когда дойдет до последней черты, то есть когда уже идти больше некуда. Но особенно характерно то, что обратный толчок, толчок восстановления и самоспасения, всегда бывает серьезнее прежнего порыва — порыва отрицания и саморазрушения» (Дневник писателя. Т. IX. С. 205 — 206).

захочет принять своего греха за правду! Он согрешит, но всегда скажет, рано ли, поздно ли: "Я сделал неправду". Если согрешивший не скажет, то другой за него скажет, и правда будет восполнена. Грех есть смрад, и смрад пройдет, когда воссияет солнце вполне. Грех есть дело преходящее, а Христос вечен. Народ грешит и пакостится ежедневно, но в лучшие минуты, во Христовы минуты, он никогда в правде не ошибется. То именно и важно, во что народ верит как в свою правду, в чем ее полагает, как ее представляет себе, что ставит своим лучшим желанием, что возлюбил, чего просит у Бога, о чем молитвенно плачет. А идеал народа — Христос. А с Христом, конечно, и просвещение, и в высшие, роковые минуты свои народ наш всегда решает и решал всякое общее, всенародное дело свое всегда по-христиански»⁷⁵.

«...В народе есть и праведники. Есть положительные характеры невообразимой красоты и силы...» «А у вас-то у самих, господа русские просвещенные европейцы, много праведников? Укажите мне ваших праведников, которых вы вместо Христа ставите?»⁷⁶ — спрашивает Достоевский. «Для меня это всё аксиомы, — продолжает он, — и, уж конечно, я не перестану их разъяснять и доказывать, пока только буду писать и говорить»⁷⁷.

Далее в своем исповедании веры Достоевский развивает мысль о том, что общественные и гражданские идеи и идеалы могут, могли и в будущем смогут существовать настолько, насколько они

⁷⁵ Там же. С. 476.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же. С. 477.

органически сопрягаются с нравственными идеями и идеалами. «Чем соедините вы людей для достижения ваших гражданских целей, если нет у вас основы в первоначальной великой идее нравственной? А нравственные идеи только одни: все основаны на идее личного абсолютного самосовершенствования впереди, в идеале, ибо оно несет в себе всё, все стремления, все жажды, а стало быть, из него же исходят и все ваши гражданские идеалы»⁷⁸. Нравственная идея тем сильна и велика, тем и объединяет людей в крепчайший союз, что она не измеряется немедленной пользой, а устремляет людей к будущему, к целям вековечным, к радости абсолютной⁷⁹. «Общественные идеалы» Достоевский с убеждением и радостью душевной считает «непрерывно исходящими из Христа и личного самосовершенствования»⁸⁰.

⁷⁸ Там же. С. 491. Ср.: «...Гражданские идеалы всегда прямо и органически связаны с идеалами нравственными, а главное то, что несомненно из них только одних и выходят» (Там же. С. 493).

⁷⁹ Там же. С. 491.

⁸⁰ Там же. С. 496. «Кстати, — продолжает Достоевский, — вспомните: что такое и чем таким стремилась быть древняя христианская Церковь? Началась она сейчас же после Христа, всего с нескольких человек, и тотчас, чуть не в первые дни после Христа, устремилась отыскивать свою "гражданскую формулу", всю основанную на нравственной надежде утоления духа по началам личного самосовершенствования. Начались христианские общины — церкви, затем быстро начала созидаться новая, неслыханная дотоле национальность — всебратская, всечеловеческая, в форме общей вселенской Церкви. Но она была гонима, идеал созидался под землею, а над ним, поверх земли тоже созидалось огромное здание, громадный муравейник — древняя Римская империя, тоже являвшаяся как бы идеалом и исходом нравственных стремлений всего древнего мира: являлся человекобог, империя сама воплощалась как религиозная идея, дающая в себе и собою исход всем нравственным стремлениям древнего мира.

А что же произойдет с Россией, которая трудными, подвижническими путями грядет к своей всечеловеческой цели? «...Россию спасет Господь, как спасал уже много раз. Из народа спасение выйдет, из веры и смирения его»⁸¹. «Народ верит по-нашему, — говорит старец Зосима, — а неверующий деятель у нас в России ничего не сделает, даже будь он искренен сердцем и умом гениален. Это помните. Народ встретит атеиста и поборет его, и станет единая Православная Русь. Берегите же народ <...> ибо сей народ — богоносец»⁸².

Ну а если случится, что в огромное тело России войдет евангельский легион — что тогда? Тогда, твердо верит Достоевский, повторится великое чудо Христово, то чудо, описание которого Достоевский взял в качестве эпиграфа к своему роману «Бесы» и сделал его центром этого произведения, цитируя его на странице 630: *Тут же на*

Но муравейник не заключился, он был подкопан Церковью. Произошло столкновение двух самых противоположных идей, которые только могли существовать на земле: человекобог встретил Богочеловека, Аполлон Бельведерский — Христа. Явился компромисс: империя приняла Христианство, а Церковь — римское право и государство. Малая часть Церкви ушла в пустыню и стала продолжать прежнюю работу: явились опять христианские общины, потом монастыри — всё только лишь пробы, даже до наших дней. Оставшаяся же огромная часть Церкви разделилась впоследствии, как известно, на две половины. В западной половине государство одолело наконец Церковь совершенно. Церковь уничтожилась и перевоплотилась уже окончательно в государство. Явилось папство — продолжение древней Римской империи в новом воплощении. В восточной же половине государство было покорено и разрушено мечом Магомета, и остался лишь Христос, уже отделенный от государства. <...> Пока народ наш хоть только носитель Христа, на Него Одного и надеется» (Там же. С. 497 — 498).

⁸¹ Братья Карамазовы. С. 364.

⁸² Там же. С. 364.

горе паслось большое стадо свиней; и бесы просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро, и потонуло. Пастухи, увидя происшедшее, побежали и рассказали в городе и в селениях. И вышли видеть происшедшее; и пришедши к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисуса, одетого и в здравом уме; и ужаснулись. Видевшие же рассказали им, как исцелился бесновавшийся (Лк. 8: 32 — 36).

«Друг мой, — восклицает Степан Трофимович, которому этот евангельский сюжет читают, — <...> видите, это точь-в-точь как наша Россия. Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней, — это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века! <...> Но великая мысль и великая воля осенят ее свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загнившаяся на поверхности... и сами будут проситься войти в свиней. Да и вошли уже может быть! Это мы, мы и те, и Петруша... *et les autres avec lui*⁸³, и я может быть первый, во главе, и мы бросимся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море и все потонем... Но больной исцелится и *сядет у ног Иисусовых*... и будут все глядеть с изумлением...»⁸⁴.

Россия, исцеленная от «легиона», Россия, которая сидит у ног Иисусовых и молитвой приобщается к Его Пресветлому и чудотворному Образу,

⁸³ То есть его сын Петруша и остальные бесы.

⁸⁴ Бесы. С. 630 — 631.

Россия христоустремленная и христоносная — вот жизненный идеал Достоевского, идеал личный и общественный. Христос — русская сила, поэтому Достоевский отвергает европейскую цивилизацию без Христа. Идея современного человечества и цивилизации о добродетели без Христа не может иметь успех в России и должна быть отвергнута⁸⁵. Русской интеллигенции, которая желает в Россию пересадить европейскую цивилизацию, Достоевский говорит: «Народ не с вами духовно и чужд вам», поскольку он живет идеей Православия⁸⁶. «Вся глубокая ошибка их в том, что они не признают в русском народе Церкви. Я не про здания церковные теперь говорю <...> я про наш русский "социализм" теперь говорю (и это обратно противоположное Церкви слово беру именно для разъяснения моей мысли, как ни показалось бы это странным), цель и исход которого всенародная и все-ленская Церковь, осуществленная на земле, покуда земля может вместить ее. Я говорю про неустанную жажду в народе русском, всегда в нем присущую, великого, всеобщего, всенародного, всебратского единения во имя Христово. И если нет еще этого единения, если не созижделась еще Церковь вполне, уже не в молитве одной, а на деле, то всё-таки инстинкт этой Церкви и неустанная жажда ее, иной раз даже почти бессознательная, в сердце многомиллионного народа нашего несомненно присутствуют. Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь в конце концов

⁸⁵ Ср.: Дневник писателя. Т. IX. С. 107. Подросток. С. 218.

⁸⁶ Дневник писателя. Т. XI. С. 521.

всесветным единением во имя Христово⁸⁷. Вот наш русский социализм!»⁸⁸. Присутствие в народе русском этой «высшей единительно-«церковной» идеи делает его способным к созиданию Церкви все-ленской, в которой единственно возможно братство всех народов. В этой идее — сущность русского народа, его ценность и его роль⁸⁹. «И тут прямо можно поставить формулу: кто не понимает в народе нашем его Православия и окончательных целей его, тот никогда не поймет и самого народа нашего. Мало того: тот не может и любить народа русского...»⁹⁰.

Достоевского много раз намеренно и ненамеренно укоряли за его всесердную апологию Православия, которая, по мнению многих неглубоких людей, была не чем иным, как апологией самодержавной формы русского государства. Но насколько Достоевскому это чуждо и насколько это ему приписывается, нетрудно увидеть, если целостно понимать его взгляд на Церковь и государство.

Достоевский считает, что Церковь и государство не нужно смешивать⁹¹. Петр Первый подчинил Церковь, из-за него «Церковь в параличе»⁹². «Компромисс между государством и Церковью в таких вопросах как, например, о суде, по моему, в совершенной и чистой сущности своей невозможен. <...> Церковь должна заключать сама в себе всё государство, а не занимать в нем лишь некоторый

⁸⁷ Курсив Достоевского.

⁸⁸ Там же. С. 522.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Биография... и записная книжка Ф.М. Достоевского.

⁹² Там же.

угол...»⁹³. «Господь наш Иисус Христос именно приходил установить Церковь на земле. Царство Небесное разумеется не от мира сего, а в небе, но в него входят не иначе как чрез Церковь, которая основана и установлена на земле. А потому светские каламбуры в этом смысле невозможны и недостойны. Церковь же есть воистину царство, и определена царствовать и в конце своем должна явиться как Царство на всей земле несомненно, — на что имеем обетование...»⁹⁴.

В древние времена, в первые три века христианства, христианство на земле являлось лишь Церковью и было лишь Церковь. Не Церковь должна искать для себя определенного места в государстве как «всякий общественный союз» или как «союз людей для религиозных целей», а наоборот, всякое земное государство должно бы обратиться в Церковь полностью, чтобы стать лишь Церковью, отклонив все свои цели, не согласующиеся с целями Церкви. Все это ничуть не унижает государство, не отнимает ни чести, ни славы его как великого государства, ни славы властителей его, а лишь поставит его с ложной, еще языческой и ошибочной дороги на дорогу правильную и истинную, единственно ведущую к вечным целям⁹⁵.

«...По иным теориям, слишком выяснившимся в наш девятнадцатый век, Церковь должна перерождаться в государство, так как бы из низшего в высший вид, чтобы затем в нем исчезнуть, уступив науке, духу времени и цивилизации. Если же не

⁹³ Братья Карамазовы. С. 74.

⁹⁴ Там же. С. 75.

⁹⁵ Там же. С. 75–76.

хочет того и сопротивляется, то отводится ей в государстве за то как бы некоторый лишь угол, да и то под надзором, — и это повсеместно в наше время в современных европейских землях. По русскому же пониманию и упованию надо, чтобы не Церковь перерождалась в государство, как из низшего в высший тип, а напротив, государство должно кончить тем, чтобы сподобиться стать единственно лишь Церковью и ничем иным более»⁹⁶.

Чтобы эта точка зрения не воспринималась как ультрамонтанство, Достоевский дополняет ее следующим суждением: «...не Церковь обращается в государство, поймите это. То Рим и его мечта. То третье диаволово искушение! А напротив, государство обращается в Церковь, восходит до Церкви и становится Церковью на всей земле, — что совершенно уже противоположно и ультрамонтанству, и Риму, и вашему толкованию, и есть лишь великое предназначение Православия на земле. От Востока звезда сия воссияет»⁹⁷.

Дух Православия невозможно вместить в тесную оболочку национализма; своим всечеловеческим содержанием он тяготеет ко всечеловечеству, ко всеобщему единению людей через Христа и во Христе. Поэтому всё, что православно, наполняется самопожертвованием для достижения этой цели. Поэтому для Достоевского и «славянская идея в высшем смысле ее» прежде всего

⁹⁶ Там же. С. 76.

⁹⁷ Там же. С. 80. В конце своей жизни Достоевский писал: «Государство есть, по преимуществу, христианское общество, и стремится стать Церковью. В Европе обратное этому. В этом заключается одно из самых главных различий между нами и Европой» (Биография... и записная книжка Ф.М. Достоевского. С. 364).

«...есть жертва, потребность жертвы даже собою за братьев <...> чтоб <...> тем самым основать впредь великое всеславянское единение во имя Христовой истины, то есть на пользу, любовь и службу всему человечеству, на защиту всех слабых и угнетенных в мире»⁹⁸. Всякое дело, и мысль, и чувство, которым человек смиряет себя и становится слугою своему слуге, «...послужит основанием к будущему уже великолепному единению людей, когда не слуг будет искать себе человек и не в слуг пожелает обращать себе подобных людей, как ныне, а напротив, изо всех сил пожелает стать сам всем слугою, по Евангелию»⁹⁹. Таким образом, что невозможно для людей, которые всечеловеческое единение понимают механически, материалистически, по-католически, то возможно для православного человека, христороликого и христоустремленного. «Я же мыслю, что мы со Христом это великое дело решим, — говорит старец Зосима. — И сколько же было идей на земле, в истории человеческой, которые даже за десять лет невысказаны были и которые вдруг появлялись, когда приходил для них таинственный срок их, и проносились по всей земле? Так и у нас будет, и воссияет миру народ наш и скажут все люди: *Камень, который отвергли зиждущие, стал главою угла*¹⁰⁰.

⁹⁸ Дневник писателя. Т. XI. С. 296. В том же «Дневнике» Достоевский пишет: «...всеединение славян <...> — не захват и не насилие, а ради всеслужения человечеству <...> В этом самоотверженном бескорыстии России — вся ее сила, так сказать, вся ее личность и всё будущее русского назначения» (С. 223).

⁹⁹ Братья Карамазовы. С. 366.

¹⁰⁰ Там же. С. 366.

Правда, нынешнее христианское общество держится на малочисленных праведниках в ожидании своего полного преобразования из общества, как союза почти еще языческого, в единую вселенскую и владычествующую Церковь. Это будет, хотя бы и в конце веков, ибо так предназначено. И нечего смущать себя временами и сроками, ибо тайна времен и сроков в мудрости Божией, в предвидении Его и в любви Его¹⁰¹.

Всечеловечество, богочеловечество есть цель человечества; богочеловеческий всечеловек есть цель человека — так учит Православие, так учит Достоевский. Об этом всечеловеке и о всечеловечестве Достоевский начал говорить и писать первым, а в конце концов по-пророчески и по-апостольски провозгласил это, проповедуя всечеловека и всечеловечество в своей вдохновенной «Пушкинской речи».

«Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком¹⁰². <...> Для настоящего русского Европа и удел всего

¹⁰¹ Там же. С. 80.

¹⁰² Курсив Достоевского. — В универсальности и всечеловечности Пушкинского гения Достоевский видит художественное выражение русского народного духа. «...В европейских литературах <...> были громадной величины художественные гении — Шекспиров, Сервантесы, Шиллеры. Но укажите хоть на одного из этих великих гениев, который бы обладал такую способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин. И эту-то способность, главнейшую способность нашей национальности, он именно разделяет с народом нашим, и тем, главнейше, он и народный поэт. Самые величайшие из европейских поэтов никогда

великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому

не могли воплотить в себе с такой силой гений чужого, соседнего, может быть, с ними народа, дух его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его призвания, как мог это проявлять Пушкин. Напротив, обращаясь к чужим народностям, европейские поэты чаще всего перевоплощали их в свою же национальность и понимали по-своему. Даже у Шекспира его итальянцы, например, почти сплошь те же англичане. Пушкин лишь один из всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность» (Дневник писателя. Т. XI. С. 466 – 467). «Нет, положительно скажу, не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном, а потому и чудесном, потому что нигде ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось. Это только у Пушкина, и в этом смысле, повторяю, он явление невиданное и неслыханное, а по-нашему, и пророческое, ибо... ибо тут-то и выразилась наиболее его национальная русская сила, выразилась именно народность его поэзии, народность в дальнейшем своем развитии, народность нашего будущего, таящегося уже в настоящем, и выразилась пророчески. Ибо что такое сила духа русской народности как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности? Став вполне народным поэтом, Пушкин тотчас же, как только прикоснулся к силе народной, так уже и предчувствует великое грядущее назначение этой силы. Тут он угадчик, тут он пророк» (Там же. С. 468). Несколько ранее Достоевский писал: «...всечеловечность есть главнейшая личная черта и назначение русского» (Там же. Т. X. С. 204). «...Общечеловечность есть идея национальная русская, — считает Достоевский и выражает убеждение, — <...> что настоящее социальное слово несет в себе не кто иной, как народ наш, что в идее его, в духе его заключается живая потребность всеединения человеческого, всеединения уже с полным уважением к национальным личностям и к сохранению их, к сохранению полной свободы людей и с указанием, в чем именно эта свобода и заключается, — единение любви, *гарантированное* уже делом, живым примером, потребностью на деле истинного братства, а не гильотиной, не миллионами отрубленных голов...» (Дневник писателя. Т. XI. С. 26). «Мы поняли в нем (Пушкине), что русский идеал — всецелость, всепримиримость, всечеловечность» (Там же. Т. IX. С. 42. Ср.: Там же. С. 81 – 82).

что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей. <...> О, народы Европы и не знают, как они нам дороги! И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и воссоединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!»¹⁰³.

¹⁰³ Дневник писателя. Т. XI. С. 469 — 470. «...Всё это, — продолжает Достоевский, — покажется самонадеянным: "Это нам-то, дескать, нашей-то нищей, нашей-то грубой земле такой удел? Это нам-то предназначено в человечестве высказать новое слово?" Что же, разве я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено, вижу следы сего в нашей истории, в наших даровитых людях, в художественном гении Пушкина. Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю "в рабском виде исходил благословляя" Христос. Почему же нам не вместить последнего слова Его? Да и Сам Он не в яслях ли родился? Повторяю: по крайней мере, мы уже можем указать на Пушкина, на всемирность и всечеловечность сего гения» (Там же. С. 470).

Несколько позднее, в объяснениях к своей «Пушкинской речи», Достоевский говорит: «И не надо, не надо возмущаться сказанным мною, "что нищая земля наша, может быть, в конце концов скажет новое слово миру". Смешно тоже и уверять, что, прежде чем сказать новое слово миру, "надобно нам самим развиться экономически, научно и гражданственно, и тогда только

Проблема Запада исчерпывается католицизмом; проблема Востока исчерпывается Православием — это Достоевский показал и доказал. Он отвергает западные способы решения проблемы личности и общества, отвергает католицизм и его порождения — социализм, атеизм, анархизм, науку, цивилизацию, культуру. Прежде всего католицизм механизировал личность почти до уничтожения, а затем его дело завершили его же сателлиты. Социализм не допускает личности, он требует полной безличности. «Натура не берется в расчет, натура изгоняется, натуры не полагается! <...> Оттого так и не любят живого процесса жизни: не надо живой души¹⁰⁴! Живая душа жизни потребует, живая душа не послушается механики, живая душа подозрительна, живая душа ретроградна! <...> Да натура-то у вас для фаланстеры

мечтать о "новых словах" таким совершенным (будто бы) организмам, как народы Европы". Я именно напирал в моей речи, что и не пытаюсь равнять русский народ с народами западными в сферах их экономической славы или научной. Я просто только говорю, что русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия. Это не экономическая черта и не какая другая, это лишь нравственная черта, и может ли кто отрицать и оспорить, что ее нет в народе русском? <...> Мы же утверждаем, что вмещать и носить в себе силу любящего и всеединящего духа можно и при теперешней экономической нищете нашей, да и не при такой еще нищете, как теперь. Ее можно сохранять и вмещать в себе даже и при такой нищете, какая была после нашествия Батыева или после погрома Смутного времени, когда единственно всеединящим духом народным была спасена Россия» (Там же. С. 448 — 449).

¹⁰⁴ Курсив Достоевского.

еще не готова, жизни хочет, жизненного процесса еще не завершила, рано на кладбище!»¹⁰⁵.

Положительное общество создается из положительных личностей; братство создается из братьев. На Западе братство невозможно, ибо его нет в природе западной личности. В ней заключается «начало личное, начало особняка, усиленного самосохранения, самопромышления, самоопределения в своем собственном «Я», сопоставления этого «Я» всей природе и всем остальным людям, как самоправного отдельного начала»¹⁰⁶. Но так личность человеческая не совершенствуется, а разрушается. Путь европейской личности противоположен тому пути, который ведет к полному совершенству ее. «Самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего ее могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно положить свой живот за всех,

¹⁰⁵ Преступление и наказание. С. 252—253. В романе «Подросток» устами одного героя социалистам говорится: «Скажите, чем вы мне докажете, что у вас будет лучше? Куда вы денете протест моей личности в вашей казарме? Я давно, господа, желал с вами встретиться! У вас будет казарма, общие квартиры, strict nécessaire, атеизм и общие жены без детей — вот ваш финал, ведь я знаю-с. И за все за это, за ту маленькую часть срединной выгоды, которую мне обеспечит ваша разумность, за кусок и тепло, вы берете взамен всю мою личность! Позвольте-с: у меня там жену уведут, уймете ли вы мою личность, чтоб я не разможил противнику голову? Вы скажете, что я тогда и сам поумнею; но жена-то что скажет о таком разумном муже, если сколько-нибудь себя уважает? Ведь это неестественно-с; постыдитесь!» (С. 58.) О социализме Достоевский говорит как о «верхе клеветы на природу человеческую» (Дневник писателя. Т. XI. С. 24).

¹⁰⁶ Зимние заметки о летних впечатлениях. Т. III, 2. С. 75.

пойти за всех на крест, на костер, можно только сделать при самом сильном развитии личности»¹⁰⁷.

Наука не в силах решить проблему личности. Она атомизирует личность, сводит ее до безличного; она неспособна быть созидательной силой личности. Она не в состоянии также решить общественные проблемы, ей недостает творческой сущности, динамиса. Поэтому в качестве созидательной силы не может выступать ни личная, ни общественная научная нравственность. Законы духа человеческого науке не известны; не известен ей и корень зла¹⁰⁸. Как тогда она может лечить от зла дух человеческий, если не знает ни структуры духа, ни диагноза болезни? Наука имеет свою самозваную нравственность, но не созидательную, а разрушительную. Самосохранение превыше всего — таков основной принцип этой нравственности. В переводе на более понятный язык это означает: все позволено; если дело касается самосохранения, то позволено и людоедство. «Наука говорит: ты не виноват, что природа тебя таким создала, и инстинкт самосохранения — прежде всего»¹⁰⁹. В соответствии с этим наука допускает, что ради самосохранения можно пожирать или сжигать новорожденных¹¹⁰. «По моему мнению, человечество вместе с наукой одичает и вымрет»¹¹¹.

Только христианство может спасти человечество от одичания и самоистребления. У него совершенно иная нравственность; основной принцип этой

¹⁰⁷ Там же. С. 46.

¹⁰⁸ Дневник писателя. Т. XI. С. 248.

¹⁰⁹ Material zum Roman «Die Dämonen». S. 525.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же. С. 526.

нравственности: самопожертвование превыше всего. Жертвуй собой ради других, но никогда не жертвуй другими ради себя. «Из-за этого христианство само в себе содержит живую воду, только христианство может привести людей к источникам живой воды и уберечь их от пропасти и уничтожения. Без христианства человечество бы распалось и уничтожилось»¹¹². Истинный христианин не будет принимать в жертву себе младенца новорожденного ради самосохранения, а собой пожертвует ради сохранения новорожденного. Христианин не может строить свое счастье на несчастье другого. «...Какое же может быть счастье, если оно основано на чужом несчастье? Позвольте, представьте, что вы сами возводите здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой. И вот, представьте себе тоже, что для этого необходимо и неминуемо надо замучить всего только лишь одно человеческое существо, мало того — пусть даже не столь достойное, смешное даже, на иной взгляд, существо, — не Шекспира какого-нибудь, а просто честного старика, мужа молодой жены, в любовь которой он верит слепо, хотя сердца ее не знает вовсе, уважает ее, гордится ею, счастлив ею и покоен. И вот только его надо опозорить, обесчестить и замучить и на слезах этого обещанного старика возвести ваше здание! Согласитесь ли вы быть архитектором такого здания на этом условии? <...> Нет; чистая русская душа решает

¹¹² Там же. «В христианстве даже нехватка пищи и обогрева легче бы переносилась. Например, новорожденные не сжигались бы, но сами люди умирали бы за своих ближних!» (Там же.)

вот как: «Пусть, пусть я одна лишусь счастья, пусть мое несчастье безмерно сильнее, чем несчастье этого старика, пусть, наконец, никто и никогда, а этот старик тоже, не узнают моей жертвы и не оценят ее, но не хочу быть счастливою, загубив другого!»¹¹³.

Наука станет бессмысленной, если пожелает стать смыслом жизни человеческой, его этикой и верой. Последнее слово такой науки есть самоубийство¹¹⁴, так как более-менее глубокий человек не может не совершить самоубийства, усвоив науку в качестве смысла и этики жизни.

Европейская цивилизация — то, что следует отвергнуть, поскольку она сама отвергла то единственное, что не должна была и не смела отвергать, — Богочеловека Христа. На вопрос, может ли европеец верить православно в Христа Богочеловека, цивилизация отвечает: *нет* (Ренан)¹¹⁵. Этой христорборческой цивилизации, которая держится на человеке как на фундаменте, надо противопоставить цивилизацию православную, которая держится на Богочеловеке как фундаменте¹¹⁶. Нужно везде и во всем человека заменить Богочеловеком, ибо в этом, только в этом спасение человека, всякого человека, особенно же человека европейского.

¹¹³ Дневник писателя. Т. XI. С. 462. Ср.: Братья Карамазовы. С. 284.

¹¹⁴ Ср.: Дневник писателя. Т. X. С. 430. Ср.: «В особенности этим отличалась полунаука, самый страшный бич человечества, хуже мора, голода и войны, неизвестный до нынешнего столетия. Полунаука — это деспот, каких еще не приходило до сих пор никогда» (Бесы. С. 242). «...Последнее слово Европы и европейской науки в общем выводе есть атеизм» (Дневник писателя. Т. XI. С. 454).

¹¹⁵ Material zum Roman «Die Dämonen». S. 521.

Обоготворение человека и человечества — самая страшная болезнь Европы; в ней социализирована идея человеко-бога. Здравие Православия — Богочеловек и богочеловечество. Европа человекоцентрична; Православие — Христоцентрично. Тайна Европы — человек; тайна Православной Руси — Богочеловек. Достоевский открыл и пережил искренно, мученически обе эти тайны. Для него обе они свои; он идет от одной к другой; он плачет и рыдает над одной и над другой. Когда идет в Европу, то идет не как судья, а как паломник. «Я хочу в Европу съездить, Алеша, — объявляет Иван брату, — <...> и ведь я знаю, что поеду лишь на кладбище, но на самое, на самое дорогое кладбище, вот что! Дорогие там лежат покойники, каждый камень над ними гласит о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вере в свой подвиг, в свою истину, в свою борьбу и в свою науку, что я, знаю заранее, паду на землю и буду целовать эти камни и плакать над ними, — в то же время убежденный всем сердцем моим, что всё это давно уже кладбище и никак не более. И не от отчаяния буду плакать, а лишь просто потому, что буду счастлив пролитыми слезами моими»¹¹⁷.

¹¹⁶ Ср.: Идиот. С. 585. Ср.: «Мы только отвергаем исключительно европейскую форму цивилизации и говорим, что она нам не по примерке» (Дневник писателя. Т. IX. С. 107); «Чтобы сберечь Христа, то есть Православие, надо сберечь себя, стать самим собою. Дерево плодоносит тогда, когда разовьется и укрепитя. А потому и Россия должна осознать, какой драгоценностью она одна единственная обладает, с тем чтобы отбросить немецкое и западноевропейское ярмо и стать самой собою с ясным осознанием цели» (Гроссман Л. Из материалов к «Бесам»).

¹¹⁷ Братья Карамазовы. С. 267. Ср.: Подросток. С. 478–485.

Европа — кладбище. По этому обширному кладбищу тихо, на коротких голубиных ногах идет сострадающий апостол Пресветлого Образа Христова — Достоевский. Он плачет и рыдает и заклиняет своего чудесного и чудотворящего Господа, чтобы воскресил мертвеца, чтобы посетил гроб его и воскресил душу его, ибо он знает, что Европа умерщвлена человеком, а воскреснуть может только Богочеловеком.

Заключение

Дьявол есть, и Бог есть. Дьявол доказывает себя через человека; Бог доказывает Себя через Богочеловека. Дьявол оправдывает себя через человека; Бог оправдывает Себя через Богочеловека. Своей дьяволодицей Достоевский доказывает первое, своей теодицейей — второе. По природе своей человек богоцентричен; по воле своей человек сделал себя дьявоцентричным. Мучимый до ужаса проблемой человека, Достоевский открыл, что проблема человека — это проблема дьявола и Бога и что решение одной проблемы невозможно без решения другой. Мы это почувствовали, пройдя через ужасный ад, через чистилище и через рай «православного Данте» — Достоевского. Жизнь человеческая — канат, натянутый между дьяволом и Богом. Каждый человек, уже потому, что он человек, оказывается на этом канате и на нем исполняет танец жизни своей. Каждое движение, каждое ощущение, каждая мысль, каждое физическое и духовное действие приближает человека или к Богу, или к дьяволу. На этом свете человек — будто в парламенте, в котором денно и нощно идет голосование «за» или «против» Бога, «за» или «против» дьявола. Голосуя против Бога, человек голосует против себя, а за дьявола; голосуя

против дьявола, человек голосует за Бога и за себя. Каждая человеческая личность, совершая подвиг жизни своей на земле, непременно создает свою собственную дьяволодицею или теодицею, оправдывает собою или Бога, или дьявола, осуществляет или Христов план человеческой личности, или план искушителя-сатаны, идет по пути или человеко-бога, или Богочеловека. Достоевский создал свою дьяволодицею, когда был с искушителем и возле искушителя, а против Христа; свою теодицею он создал, когда стал возле Христа и остался с Ним навеки. В своей дьяволодицее он открыл тайну всех творцов человеко-бога и сверхчеловека, тайна эта — дьявол; в своей теодицее он открыл тайну христоподобного всечеловека и всечеловечества, тайна эта — Богочеловек. Как величайший современный опознаватель духов, Достоевский был способен различать духов, наполняющих тело современного человека и человечества, точно определять, от Бога они или от дьявола. Все современные движения, индивидуальные и общественные, он до корней проследил, до личностной творящей причины проследил и нашел, что их творящей причиной является или дьявол, или Христос.

В новейшее время никто так, как Достоевский, не был искушаем «всяким искушением», которым хитроумный искушитель испытывает людей. Никто свое «Осанна» не пронес через столь ужасный пожар сомнения, как это сделал Достоевский, пока искушитель испытывал его «всяким искушением». Он погрузился на дно ада, познал глубины сатанинские¹ и создал дьяволодицею, какой не видывал

¹ Откр. 2: 24.

мир. В сравнении с ней даже вся дьяволодицея Ницше — не более, чем ученическое упражнение. Она так неслыханно страшна и апокалиптически ужасна, что Достоевский по праву может быть назван апокалиптическим именем Аваддон — царь бездн², который ключом духа своего отворил бездны ада, и пошел дым, и почернели над человеком и солнце, и небо от дыма адского. Он проник в тайну сатаны глубже, чем кто-либо, проанализировал природу этого первого критика мироздания и причины его первого бунта против Бога и мира, Богом сотворенного, и написал «Бунт» наимогущественнейший из тех, что мир видел. Но великий знаток глубин сатанинских личным опытом познал, что природа человеческая не может выдержать богохульства и бунта против Бога и Его мироздания, узнал, что «Пресветлый, Чудесный и Чудотворный Образ Богочеловека Христа» есть единственная сила, которая может вытянуть человека из глубин сатанинских и сделать его способным к победе над «всяким искушением». Величайший бунтарь рода человеческого был не в состоянии выдержать свой собственный бунт и смирил себя пред кротким Господом Иисусом. Через ад скепсиса, отрицания и неверия прошел он, пока не дошел до веры в Христа Богочеловека, до веры, мученически отвоёванной и обретенной. Поэтому он в конце своей жизни с болью писал: «...дразнили меня необразованностью и ретроградною верою в Бога. Этим олухам и не снилось такой силы отрицание Бога, какое положено в "Инквизиторе" и в предшествовавшей главе. Не как дурак же (фанатик)

² Там же, 9: 11.

я верую в Бога. И эти хотели меня учить и смеялись над моим неразвитием! Да их глупой природе и не снилось такой силы отрицание, какое пережил я...»³.

Достоевский спас себя Христом. Чудесный Образ Христов заполнил всю его душу, и он с непрестанной апостольской ревностью удивительно проповедовал чудотворную силу Образа Христова. «В предсмертных записках Достоевского находится одна, в которой помечено: "Написать книгу об Иисусе Христе". Мы не знаем, написал ли бы он такую книгу, но в некотором смысле все его книги, в особенности написанные в последние годы, о Христе: во всех этих книгах Он — настоящий, хотя и невидимый центр, а иногда Он и явно появляется. Самый большой триумф гения Достоевского состоит именно в том, что он сумел в своих произведениях показать и сделать так, что мы ощущаем живого Христа, он ввел Его к нам, научил нас полюбить Его»⁴. Он весь был пронизан светом Образа Христова, им подвижнически обожаемого. Один из его ближайших друзей, Н.Страхов, говорит, что в последние годы своей жизни Достоевский очень сильно похож был на подвижника, полного кротости и благодати⁵. А по словам Воге, «...в любое иное время (кроме того, когда он возбужден), лицо Достоевского выражало грустную и благую кротость, какая видится на иконах славянских святых давнего времени»⁶.

³ Биография и... записная книжка Ф.М. Достоевского. С. 369.

⁴ Сергий Булгаков. Два Града. М., 1911. С. 229.

⁵ Биография и... записная книжка Ф. М. Достоевского. С. 295.

⁶ De Vogüé E. M. The Russian Novel / Transl. H.A. Sawyer. 1913. P. 263.

Достоевский совершенно убежден, что только люди с нечистым сердцем и помраченным умом, состоящие в рационалистическом союзе с дьяволом, могут отрицать, что Христос есть Спаситель. «...Те, кто отвергает Христа, совсем Его не знают»⁷, — говорит Достоевский, ибо невозможно не любить Христа, познав Его. В одном своем письме о Белинском он пишет так: «Разговаривая однажды со мной, он ругал Христа, но он наверняка никогда бы не осмелился сравнивать с Христом себя и иных господ, которые распоряжаются миром. Он не был способен видеть, насколько все они, и каждый из них, жалки, раздраженны, нетерпеливы, низки и прежде всего — мерзки и ничтожны. Он никогда не спрашивал себя: "Ну а что же поставим вместо Него? Конечно же, не себя, таких негодных, какие мы есть". Нет, он никогда не задумывался о том, что сам он может быть плохим; он был до крайности доволен собой, и в том и выражалась его, несчастного, лично досадная тупость»⁸.

Рассматривая человека и человечество *sub specie Christi*, измеряя все мерой Христовой, Достоевский этой мерой и русский народ мерил, этим взглядом и на русский народ глядел — и увидел дно сущности его, увидел все содержимое, все возможности души его, и открыл, что непреходящая и вечная ценность русского народа в сохранении православного Образа Христова, в сохранении и исповедании. Он это делал во время, когда грязные волны европейского материализма захлестывали душу русской интеллигенции. Поэтому он по

⁷ Биография и... записная книжка Ф.М. Достоевского.

⁸ Letters of F.M. Dostojevsky. P. 208–209.

праву назван «неустрасшимым исповедником Имени Господнего»⁹.

Через него, как через пламенный язык свой, высказалась вся русская душа: все ее устремления, все ее чаяния, все ее грехи, все ее добродетели, все ее идеалы. Достоевский — самое высокое и самое глубокое выражение русского национального самосознания. Он — Россия в миниатюре¹⁰. Он стал «нравственным вождем нашего времени»¹¹.

Недавно один русский мыслитель писал: «Уже стал неоспоримою истиною тот факт, что Достоевский весь воплотился в современности, что он стал вдохновителем и отправной точкой почти всех наших писателей, поэтов, философов, что современное религиозное сознание все целиком вышло из Достоевского, что творчество нынешнего времени буквально живет им, лишь видоизменяя и преображая его мысли, его откровения, его бездонную и вечную глубину. И не в убожестве нашем, не в оскудении творческих сил нужно усматривать причину этого влияния, а в необычайно сильном родстве всего русского творчества с личностью Достоевского. В этом отношении Достоевский как бы является выразителем пред миром всех глубин русского духа, гениальным творцом всех бродящих, скрытых, таинственных его сил,

⁹ Так Достоевского называл Аксаков. См.: Зелинский В. Критический комментарий к сочинениям Ф.М. Достоевского. М., 1915. С. 108.

¹⁰ См. об этом: Булгаков С. Героизм и подвижничество // Вехи (Сборник). Изд. второе. 1909. С. 23—69; Вольнский А.Л. Ф.М. Достоевский. СПб., 1906. С. 187—188; а особенно: Добронравов Ф. Достоевский как выразитель народной психологии и этики. 1904.

¹¹ Венгеров С. Достоевский и его популярность // Отклик (Сборник). СПб., 1881. С. 155.

великолепным символом, живым символом загадочного царства русской души и народа, его исканий и его надежд, его молитв и его проклятий! Ибо не мы воссоздаем Достоевского, а он сам, его титаническая сила присутствует в нас и творит в современных писателях свой надрывный бунт, и свое великое страдание, и свою мистическую, безумную красоту. Ибо Достоевский — это вся Россия, ее душа, ее сокрытая и стихийная сущность»¹².

«Возможно, Ницше — это возвышенный конец, а Достоевский — исполинское начало; тот — конец культуры западной, европейской, основанной на античной; этот — начало культуры восточной, русской, ведущей свое происхождение от Византии»¹³. «Через Достоевского говорит Христос, — говорит тот же автор, — и человек должен очень далеко возвращаться в прошлое развития христианской мысли, чтобы дойти до человека, через которого Христос говорил так же мощно, как через Достоевского говорит. Я, со своей стороны, считаю, что такой человек — Франциск Ассизский... Однако этот Христос (то есть Христос Достоевского) — самый настоящий Христос, Христос

¹² Закржевский А. Карамазовщина. Предисловие. Киев, 1912. С. II. См. его же: Подполье и Религия. Киев, 1912; а также: Мережковский Д. Пророк русской революции. СПб, 1906. С. 4. О влиянии Достоевского в Германии: «В Германии... ныне живущих поэтов, которые находятся под влиянием Достоевского и с большим или меньшим успехом следуют за ним (подражают ему) и наследуют его, бесчисленное множество. Два значительных литературных течения Германии, оба пессимистические — Ницше и Гаутман — коренятся полностью в Достоевском (Poritzky J. E. Heine, Dostojevski, Gorkij. Leipzig, 1902. S. 79).

¹³ Bierbaum Otto Julius. Dostojevski. Zweite Auflage. Munchen, 1914. S. 76.

во всей Своей гигантской Истине... В русском человеке Достоевском заключается гениальное содержание русского народа в таком же объеме и в такой же глубине, как в Ницше заключается гениальное содержание западного культурного сознания... Здесь Ницше, Заратустра которого разбивает древние скрижали (Синайские), там — Достоевский, который из своего русского сердца воздвигает Пра-Христа. В этих двух великих чувствователях, мыслителях, художниках воплощены, стоят одна против другой, две современные мировые силы — это ужасное зрелище, перспективы которого мы сейчас можем предчувствовать, но не определять»¹⁴.

«По особым, исключительным проявлениям своего таланта, более всего нас трогающим, он (Достоевский) может по праву называться философом, апостолом, безумцем, утешителем скорбящих или убийцей успокоенных, Иеремией каторги или Шекспиром убежища — все эти определения он заслуживает; но взятое само по себе ни одно из них не является достаточным»¹⁵.

Благодаря всечеловеческой глубине и широте, всечеловеческой многосторонности и чувствительности своего гения Достоевский был камнем преткновения для всех критиков, которые мерили его меркой человеческой, а не всечеловеческой, которые его мерили рациональной мерой своего жалкого, немощного и бесконечно малого эвклидовского ума, которые мерили его собой, своим

¹⁴ Там же. С. 83—85. Бирбаум с редкой пронизательностью заканчивает свою работу о Достоевском словами: «Этому духу (то есть духу Достоевского) следовать — значит Гете порицать и Ницше болезнью считать» (Там же. С.104).

¹⁵ De Voguë, Е.М. Цит. соч. С. 261.

разумом человеческим — мерили его, который был «олицетворенным противоречием здравому разуму человеческому (personifizierter Widerspruch gegen den gesund Menschenverstand)»¹⁶.

Такой мерой в некоторой степени может измеряться дьяволодицея Достоевского, но никак не его теодицея. Ибо основа, альфа и омега его теодицеи — Образ Богочеловека Христа, к познанию Которого человек может прийти единственно и только непосредственным личным осуществлением надразумных подвигов веры, молитвы, смирения, любви, сострадания.

В этом причина того, что почти все западноевропейские критики либо недооценивают, либо обходят, либо не понимают, либо отрицают религию Достоевского¹⁷. В этом причина, что даже и русские критики не поняли Достоевского¹⁸. В этом причина, что и Мережковский Достоевского не только не понял, но в толковании его дошел до непростительной хулы. Пока останавливался на отрицательных

¹⁶ Так о Достоевском высказывается R. Saitshik в своей работе «Die Weltanschauung Dostojewski's und Tolstoi's» (Leipzig, 1893. S.1).

¹⁷ Например: W. Henchel, Eugen Zabel, R. Saitshik, E.M.Vogué, Jean Honcey, K.Waliszewski. В связи с частностями см.: Зайдман М. Ф.М. Достоевский в западной литературе. Одесса, 1911. То же можно сказать и о J. M.Murry. В своей частично интересной работе «F.M. Dostojewski» он приходит к такому невероятному заключению: «Любовь Достоевского, даже и его так называемое христианство, было бунтом» (Указ. соч. С. 43. См. также: С. 71 — 72, 97).

¹⁸ Например: Лев Шестов. Достоевский и Ницше — философия трагедии. Изд. второе. 1905. По его мнению, весь Достоевский заключается в «Записках из подполья», и все его позднейшие произведения — не что иное, как комментарии к названному (Указ. соч. С. 20 — 23, 108, 109, 110 — 115). Вересаев видит в Достоевском только «подвижника дьявола», видит Достоевского, когда тот в аду, когда он с Искусителем, а не видит тогда, когда он со Христом (См: Вересаев В. Живая жизнь. М., 1911. С. 2 — 67, 214). К ним нужно добавить и Астрова (См.: Астров В. Не наши пути. 1914. С. 80 — 291).

героях Достоевского, он проникательно и верно объяснял их души, но как только перешел к героям положительным, то перестал объяснять их, а сбился на объяснения себя, своей религии. Из желания свою религию опереть на Достоевского, свое «христианство» оправдать Достоевским, он пытался пересоздать религию Достоевского по образу и подобию своей религии, своего «религиозного сознания», пытался православного Достоевского использовать как средство для своей еретической цели, то есть для преждевременного, несвоевременного и насильственного осуществления Царства Духа Святого. Он это пытался — и преткнулся о Достоевского страшным и непростительным искушением¹⁹.

Но для Достоевского *«Православие есть всё»*, необычный и единственный Образ православного Богочеловека Христа есть всё. К Нему тяготеет его христустремленная душа; в Нем сосредоточивается его христолюбивое сердце, наполняясь блаженным оптимизмом и молитвенно восхищенной любовью за всех и вся. Если подчиненный человеко-мании дух Запада будет вопить: «Осанна человеку и человечеству!» — то наш великий, бесстрашный православный апостол, пророк, философ и поэт будет восклицать до конца времен и до беспредельности вечности: «Осанна Богочеловеку и богочеловечеству! Осанна Иисусу Сыну Божию и Сыну Человеческому!»

Перевод с издания:

Преподобни Јустин Ђелијски. Философија и религија Ф.М. Достоевског. Студија Ј.Сп. Поповића // Сабрана дела светог Јустина Новог. У 30 књига. Књига 6–7. Београд: Наследници Оца Јустина и манастир Ђелије, 1999. С. 1–217.

¹⁹ Мережковский Д.Л. Толстой и Достоевский: жизнь, творчество и религия. Полн. собр. соч. СПб. — М., 1912. Т. VII, IX.